

ГЕНЕЗИС НЭОНОМИКИ:

**НТП, ДИФфуЗИЯ СОБСТВЕННОСТИ,
СОЦИАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА,
СОЛИДАРИЗМ**

Сборник пленарных докладов

Объединенного международного конгресса «СПЭК-ПНО-2020»

VI Санкт-Петербургский международный экономический конгресс (СПЭК-2020)

VII Международный конгресс «Производство, наука и образование» (ПНО-2020)

1

ТОМ

Под общей редакцией Бодрунова С.Д.

Москва
2021

УДК 65.013
ББК 65.011
Г34

Г34 Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм. Том 1 / Сборник пленарных докладов Объединенного международного конгресса СПЭК-ПНО-2020 / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. — М.: ИНИР, 2021. — 296 с.

ISBN 978-5-00020-084-1

2-4 декабря 2020 года состоялся Объединенный международный конгресс СПЭК-ПНО-2020 «Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм», организованный Институтом нового индустриального развития им. С.Ю. Витте при поддержке Отделения общественных наук РАН и Вольного экономического общества России.

Конгресс объединил два значимых ежегодных научных мероприятия: Санкт-Петербургский международный экономический конгресс (СПЭК-2020) и международный конгресс «Производство, наука и образование» (ПНО-2020).

В работе конгресса приняли участие более 550 докладчиков, среди них ведущие ученые-экономисты Российской академии наук, специалисты ведущих университетов и научно-образовательных центров России, представители государственных структур, руководители предприятий реального сектора экономики, представители гражданского общества из более чем 50 регионов Российской Федерации, а также зарубежные коллеги из Бразилии, Великобритании, Греции, Дании, Канады, Китая, Кубы, США, Франции.

В первом томе опубликованы материалы на основе пленарных докладов конгресса.

УДК 65.013
ББК 65.011

ISBN 978-5-00020-084-1

© Коллектив авторов, 2021
© ИНИР им. С.Ю. Витте, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
-------------------	---

Раздел 1. ГЕНЕЗИС НООНОМИКИ: ВЫРАБОТКА СТРАТЕГИЙ

С.Д. Бодрунов

Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм	11
---	----

А.Г. Аганбегян

О приоритетном развитии сферы экономики знаний	29
---	----

Д.Р. Белоусов

Противоречия перспективного периода: к выработке повестки дня на среднюю и долгосрочную перспективу	44
---	----

James K. Galbraith

Neoclassical economics in a biophysical world.	58
---	----

Г.Б. Клейнер

Декоммерциализация общества — условие
интеллектуализации экономики 69

Е.Б. Ленчук

О качестве государственного управления
научно-технологическим развитием 82

Я.М. Миркин

Трансформация в социальную рыночную
экономику — миф или реальность
для России? 95

В.В. Окрепилов, А.Д. Шматко

Генезис качественно новых социально-
экономических и общественных отношений
в процессе технологических трансформаций
(на примере анализа Концепции научно-
технологического развития Санкт-Петербурга
на период до 2030 года) 105

J. Sapir

Is Eurozone accumulating an historic lag toward
Asia in the COVID-19 context? 119

Раздел 2.

**ГЕНЕЗИС ЭКОНОМИКИ:
НОВАЯ ПОВЕСТКА ДЛЯ XXI ВЕКА**

А.В. Бузгалин

Креативная революция трансформирует
рынок и отношения собственности 143

А.Е. Варшавский

Актуальные проблемы социально-
экономического и научно-технологического
развития 154

М.И. Воейков

Эволюция экономических функций
государства в условиях ноономики 163

А.Е. Городецкий

Годы 2020–2021: испытание кризисом,
ростки восстановления и контуры будущего 172

А.А. Пороховский

Человек и робот: технологизация versus
гуманизация ноономики 210

**Раздел 3.
ГЕНЕЗИС НООНОМИКИ:
В ПОИСКАХ СРЕДСТВ**

О.А. Александрова

Кризис российского здравоохранения:
«эксцесс исполнителя»
или запрограммированный результат? 227

В.Е. Дементьев

Уверенность в будущем
как фактор экономического развития 243

Л.А. Карасева

Экономика «управляемого» хаоса:
методологические проблемы исследования 257

Содержание

А.Ю. Протасов

Расширение гипотезы Саймона Кузнеца: волны неравенства и распределительные конфликты.	268
---	-----

И.В. Новикова

Стратегирование достойного труда.	282
---	-----

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателей книга является первым томом сборника трудов VI Санкт-Петербургского международного экономического конгресса, совмещенного с VII конгрессом «Производство, наука и образование» и посвященного теме «Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм» и включает материалы пленарных докладов. Конгресс был организован Институтом нового индустриального развития имени С.Ю. Витте (ИНИР) и поддержан Отделением общественных наук РАН и Вольным экономическим обществом России.

Предлагаемые вниманию читателя материалы продолжает серию публикаций ИНИР по проблемам разрабатываемой директором Института, профессором, доктором экономических наук С.Д. Бодруновым **теории ноономики**.

Ноономика — это новое качества общественной организации, в основе которого лежит развитие качественно новых, характерных для шестого уклада технологий «умного», знаниемого производства. Эти изменения в материально-техническом базисе влекут глубокие трансформации во всех сферах общественной жизни. Главным из них становится переход к новому, уже не собственно экономическому способу удов-

летворения потребностей человека, у которого по мере технологического прогресса интенции «зоо-» уступают место новому, основанному на принципах «ноо-» образу жизнедеятельности. Основа этого — превращение знаний в главный фактор не только производства, но и социального развития в целом.

В данной коллективной работе эти идеи развиваются кругом ведущих российских ученых-экономистов, раскрывающих различные аспекты данного процесса. Исходным пунктом этого развертывания стал текст председателя оргкомитета конгресса, профессора С.Д. Бодрюнова, в котором показано, что генезис ноономики предполагает единство четырех слагаемых. Во-первых, это непрерывный и все ускоряющийся научно-технический прогресс, ведущий к развитию Нового индустриального общества второго поколения (НИО.2) — индустриальной системе, базирующейся на высокотехнологичной, знаниеемкой жизнедеятельности социального организма. Во-вторых, процесс диффузии собственности ведет к постепенному уходу от вещного присвоения и движение к распространению знаний. В-третьих, процесс социализации общества позволяет постепенно уйти от противоречий рыночного фундаментализма. Наконец, солидаризм создает основания для нового типа отношений в человеческом сообществе.

На этой концептуальной основе базируется ряд текстов первого раздела книги, посвященного выработке стратегий общественного развития в условиях генезиса ноономики. Эти стратегии становятся основанием для формулировки во втором разделе книги новой повестки дня, обсусливаемой названными качественными изменениями. Наконец, третий раздел книги характеризует средства продвижения по направлению к НИО.2 и ноономике.

В книгу вошли материалы докладов не только российских, но и зарубежных ученых.

Раздел 1

ГЕНЕЗИС НООНОМИКИ: ВЫРАБОТКА СТРАТЕГИЙ

*С.Д. Бодрунов*¹

**ГЕНЕЗИС НООНОМИКИ:
НТП, ДИФФУЗИЯ СОБСТВЕННОСТИ,
СОЦИАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА, СОЛИДАРИЗМ**²

Подчеркивается определяющий характер технологических трансформаций для формирования будущего человеческой цивилизации. Предметом анализа являются изменения в экономике и обществе, конструирование видения будущего устройства (экономического и социального), разработка инструментария для перехода к справедливому и разумному обустройству жизни. Рассматриваются причины глобального системного кризиса. Подчеркивается исчерпанность экономической модели развития общества, основанной на парадигме рынка, собственности и приоритета прибыли. В качестве альтернативы рассматривается стратегия перехода к качественно новому состоянию общества — к ноономике через новое индустриальное общество второго поколения. Принципиальное значение для нооперехода имеют 4 равнодействующих вектора: 1) НТП, 2) диффузия собственности, 3) социализация общества и развитие ноокачеств человека, 4) солидаризм.

¹ *Сергей Дмитриевич Бодрунов*, директор Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте, президент Вольного экономического общества России, Президент Международного Союза экономистов, эксперт РАН, д-р экон. наук, профессор.

² Опубликовано в журнале «Экономическое возрождение России». 2021. №1(67). С. 5–14.

Ключевые слова: генезис ноономики, технологические трансформации, глобальный системный кризис, стратегия перехода к ноономике, НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм.

Уважаемые коллеги, я искренне рад приветствовать Вас на объединенном конгрессе «СПЭК-ПНО-2020»!

Мы впервые проводим его в таком формате. Такая форма проведения, когда одновременно проходят два, ставших уже традиционными, авторитетных мероприятия (СПЭК и Конгресс ПНО), вызвана не организационными или техническими ограничениями, накладываемыми пандемией. Хотя без вмешательства этого фактора не обошлось.

В основе проведения объединенного конгресса лежит объективная логика развития глубинных, фундаментальных институциональных процессов, которые протекают под влиянием технологической революции, а также логика теоретического осмысления этих процессов.

Базовая идея проводившихся в последние годы Санкт-Петербургских международных экономических конгрессов (ключевой российской интеллектуальной площадки) заключалась в поиске новых траекторий развития экономики и общества в целом в условиях новых вызовов. На этой основе возникли и получили отклик, в том числе в мире, концепции реиндустриализации, нового индустриального общества второго поколения, ноономики.

Первоосновой возникновения этих концепций стало понимание определяющего характера технологических трансформаций для формирования будущего человеческой цивилизации. Мы не сторонники сугубо технократического подхода, но нельзя не признать, что именно развитие знания, познания нами мира, своих потребностей и способов их удовлетворения, ускоривших НТП и индустриальный способ производства, технологические импульсы — все это порождает изменение

институтов, общественного устройства, способов организации нашей жизни... Это как «круги на воде», распространение которых и их интерференция приводят к многочисленным, порой слабопредсказуемым, отражениям в зеркале экономики и в обществе в целом.

Ежегодный конгресс ПНО, посвященный интеграции производства, науки и образования, по существу, рассматривает те же процессы, но не «сверху» — через анализ глобальных и перспективных макротенденций, как это происходит на СПЭКе, а «снизу» — через изучение и поиск путей оптимизации процессов функционирования и развития материального базиса нашего общества (производства), рассматриваемого в неразрывном единстве с его знаниевой компонентой (наукой и образованием). Он направлен на исследование процессов развития науки, ее связи с индустрией, а также подходов к решению практических задач ближней перспективы — по реиндустриализации российской и мировой экономики на высокотехнологической основе в рамках стартовавшего формирования нового технологического уклада и очередной НТР как практических компонентов начинающегося перехода экономики к этапу НИО.2.

Как следует из гегелевской диалектики, накопление количественных изменений в системе неминуемо приводит к качественному скачку, к ее переходу в новое состояние. Именно такая картина, в строгом соответствии с фундаментальными философскими закономерностями, сложилась в нашей области исследовательской активности.

Накопленные знания, результаты исследований, теоретических обсуждений и прикладных дискуссий, проводившихся на двух конгрессах (СПЭК и ПНО), привели к возникновению нового качества, к новому пониманию ситуации. И сегодня, коллеги, настал момент объединить наши усилия. Именно поэтому мы проводим не «совместный», а «объединенный» международный конгресс. Предметом анализа на нем должны стать изменения, которые мы наблюдаем в экономике и обществе, конструирование видения будущего экономического

и социального устройства, а также разработка инструментария бесконфликтной и эффективной трансформации — перехода к более справедливому и разумному, целесообразному обустройству нашей жизни.

Один из самых актуальных и одновременно трудных, мучительных вопросов современности — глобальный кризис современной социально-экономической системы.

Эта система и ее слагаемые (экономика, общество, человек) находятся в **системном** кризисе, который в полной мере затронул совокупность *производственных отношений и экономических институтов*. Рыночные механизмы саморегулирования все чаще дают сбой. «Невидимая рука» рынка чем дальше, тем чаще указывает в сторону финансовых спекуляций и хищнического использования ресурсов, а не прогресса человеческих качеств и решения социальных проблем.

Не лучше дело и с институтами государства и демократии: в одних странах под вергают сомнению результаты выборов, в других эти самые результаты известны задолго до выборов и т.п. Свобода, с одной стороны, все чаще превращается в коктейль из вседозволенности и безразличия, а с другой — попирается корпоративным, масс-медийным и идеологическим манипулированием.

В кризисном состоянии находятся мировые экономико-политические взаимодействия, геополитэкономия, как говорит наш канадский коллега Радика Десаи. Геополитэкономическая конфигурация мира изменяется, но траектории этих изменений темны и противоречивы.

И — едва ли не наиболее негативный момент: люди теряют идейные и духовные ориентиры. Как бы устаревший как бы постмодернизм разрушил «высокие нарративы». Категории прогресса, истины, добра и красоты чуть не полвека назад были отправлены в пыльные чуланы идеологического вакуума.

Не хочу предстать алармистом, но каждый из участников нашего Конгресса чувствует (как личность) и знает (как интеллект), что ситуация крайне противоречива. И это, наме-

ренно повторяю, и *практическая* проблема, и *теоретический* вызов.

Тем важнее искать и находить лежащие в пространстве **науки** решения глобальных проблем, которые станут основой для выработки теоретически обоснованных, ответственных, стратегически выверенных решений. Над этим работают многие коллективы мира и России. Над этим работает вот уже не первое десятилетие санкт-петербургский Институт нового индустриального развития имени Сергея Юльевича Витте — ученого и политика, умевшего находить теоретические и практические решения, ставшие более столетия назад основой быстрого, хотя и противоречивого, экономического роста Российской империи.

Начну с экономики, экономической теории, которая (и это не парадокс, а логика научного исследования) начинается с обобщения фактов.

Общепризнанными эмпирическими свидетельствами системного кризиса современности стали периодически повторяющиеся, начиная с 2008 г., финансово-экономические кризисы. Существенно, что нынешний кризис начался *до* широкого распространения коронавируса; последний стал триггером, но не причиной кризисных явлений. Не было бы коронавируса, возник бы другой «толчок», который вывел бы экономику и общество из состояния равновесия. «Черный лебедь» (в терминологии Нассима Талеба) уже давно кружился над нами. И его прилет, роковой «взмах крылом» были лишь вопросом времени.

Замечу, что мы были в числе первых, кто громко заявлял о необходимости отхода от однобокого видения модели развития человечества. Развития, тесно увязанного с идеалистически понимаемой рыночной концепцией хозяйствования, когда рыночные отношения активно проникают во все сферы жизнедеятельности общества: культуру и искусство, образование и воспитание, здравоохранение, физическую культуру и спорт, науку, право и публичное управление и т. д.

Из важной, ключевой сферы, создающей материальные условия для жизнедеятельности людей и развития общества, экономика (и некоторые экономисты) стала претендовать на определяющую роль в обществе, когда финансиализация разрушает и деформирует те его сферы, которые по самой своей сути ограничленно коммерциализуемы либо вообще не коммерциализуемы без принципиальных деформаций человеческого сознания.

Заметим, что прогрессивные ученые, политики и общественные деятели из разных стран мира еще в 1990-е гг. осознали опасность. Была разработана «Концепция устойчивого развития», закреплённая в системе из 17 Целей устойчивого развития, принятых на уровне Организации Объединённых Наций.

Но даёт ли существующая теория ответ на вопрос о причинах этих явлений? Господствующая вот уже более века неоклассическая экономическая теория не признаёт системности кризиса, сводя все проблемы к тактическим просчётам в деятельности государства. При этом, с точки зрения учёных, тяготеющих к монетаризму, причина в том, что в современной экономике слишком много государственного регулирования, а, по мнению учёных, близких к кейнсианству, государственного регулирования слишком мало.

Но в этом ли дело?

Предмет нашей науки — не только эмпирически наблюдаемые структуры, правила игры, отражаемые статистикой количественные процессы. Экономическая теория, вооружённая «микроскопом» научных абстракций (воспользуюсь образом, предложенным Марксом), может и должна видеть нечто более глубокое — содержание эмпирически наблюдаемых форм, качественные изменения, скрытые за изменениями количественных показателей. Между тем о качественных изменениях существующей системы в рамках «основного течения» экономической теории мало кто задумывается.

К примеру, современные ортодоксальные марксисты, на первый взгляд, правы, направляя свои усилия на поиски

изменений в содержании существующей социально-экономической системы, которую они называют капиталистическим способом производства. Но при этом они по большому счету не идут дальше своих учителей — Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Споры нет, это были великие ученые, и мы не случайно в Вольном экономическом обществе России и Международном Союзе экономистов провели большие международные конгрессы, посвятив их в 2018 г. 200-летию Маркса, а буквально 5 дней назад — 200-летию Энгельса. Но сколько же можно петь «старую песню о главном» — об общем кризисе капитализма, который почему-то никак не хочет превращаться в социализм, да еще и революционным путем? Да, Р. Мандел и И. Мессарош, Ф. Джемиссон и Э. Харви и многие другие, в том числе и в нашем отечестве, пытаются «обновить» Маркса, но от старых догм о коммунизме и социалистической революции они, в основном, не желают отказываться.

Между тем — мир изменился.

Нам нужны не только другие **ответы**. Нам нужны другие **вопросы**.

И главный их этих вопросов — гораздо более фундаментален, нежели просто тезис об истощенности капитализма.

Мы должны спросить себя: а не является ли нынешний кризис свидетельством **истощенности** основанной на парадигме рынка, собственности и приоритета прибыли **экономической модели развития социума**? Как таковой, вообще?

Беру на себя ответственность, во-первых, поставить на нашем конгрессе этот вопрос в полный рост (опираясь на плечи титанов, сказавших что будущее лежит «по ту сторону царства экономической необходимости»). Во-вторых, сказать: да, экономический тип общественного бытия фактически истощен. Мы еще не падаем в бездну, но — активно приближаемся к ее краю.

Человечество стоит перед фундаментальной развилкой: или — планетарная катастрофа, или — качественно новый тип развития.

Итак, ни неоклассика, ни марксистская политическая экономия, даже с обновлениями, не предлагают теоретически обоснованных альтернатив, адекватных вызовам XXI в. Это касается и других ветвей общественнознания. Возьмем те же идеи «устойчивого развития» ООН, которое в большинстве случаев сводится к несколько большему вниманию к экологическим, социальным и гуманитарным проблемам, что правильно, но совершенно недостаточно.

Альтернатива — стратегия перехода к качественно новому состоянию общества. Какому? Участникам сегодняшней встречи ответ, я думаю, известен: мы уже не раз характеризовали это качественно новое состояние на наших конгрессах, в частности на СПЭК-2019. Это — **движение к Ноономике через Новое индустриальное общество второго поколения — НИО.2.**

Наша концепция цивилизационного развития — теория Нового индустриального общества второго поколения (НИО.2) и ноономики — близка к Концепции устойчивого развития своим гуманистическим содержанием, признанием важности экономических целей в развитии современной цивилизации, но — не их первичности.

Исследуя долгосрочные перспективы и тенденции развития, мы предлагаем инструментарий согласованного достижения этих и более продвинутых целей через постепенную трансформацию технологического базиса экономики, придание ему знание интенсивного характера, а социальным процессам — ноонаполнения.

Ранее мы говорили, что основой этой грандиозной трансформации является объективный **процесс технологического развития**. Однако, этот «вечный двигатель» общественного прогресса находится в «плохих руках». Он встроен в весьма неэффективную «повозку». Потенциал современных НБИКС-технологий неисчерпаемо велик, они могли бы двигать нас вперед с «ускорением ускорения», но существующие, становящиеся все более архаичными экономические отношения и институты тормозят научно-технический прогресс. И здесь вполне уместно вспомнить

о подвергнутом критике марксизме: в нем есть немало актуальных тезисов, в том числе о том, что производственные отношения на определенном этапе могут становиться тормозом, оковами прогресса производительных сил.

О каких главных трендах в развитии технологий можно говорить в этой связи? Мы в своих работах говорим о них уже не первое десятилетие. Сегодня основные из этих положений, фиксирующих объективные аспекты прогресса технологий, признаны экспертным сообществом. Выделим важнейшие:

- превращение знаний в главный источник, ресурс и результат социально-экономического развития;
- переход к шестому технологическому укладу и далее;
- зависимость всех основных результатов социального бытия (от форм экономической организации до политического устройства и культурных императивов) от технологического базиса.

Мощь современных технологий создает возможность (пока не реализованную, но объективно востребованную) перезагрузки и трансформации всех сфер — общественного производства, социально-экономических отношений и институтов.

Как эти цели могут быть достигнуты? Каков **путь** перехода к новому качеству общественного бытия — **к формированию нообытия?**

Этот путь, эта траектория — равнодействующая, говоря языком математики, четырех базовых векторов.

Вектор первый касается материальных условий перехода. **Технологический прогресс** уже на уровне шестого уклада создает материальный базис для того, чтобы несимулятивные потребности человека удовлетворялись в полной мере. Уже сегодня в странах, где драйвером материального производства является пятый (пока еще не шестой!) технологический уклад, в основных отраслях материального производства (промышленность, транспорт, строительство, сельское хозяйство) занято лишь 20...25% работников. Между тем в тех странах, где деиндустриализация оказалась не столь разрушительной, как в США

или России, эти 25% всех работающих производят достаточно машин и оборудования, сельскохозяйственного сырья и транспортных услуг, чтобы полностью обеспечить потребности своих стран и еще экспортировать продукцию этих отраслей. Человечество уже сейчас стоит на пороге движения к пространству «по ту сторону» материального производства.

Но — подчеркну — не по ту сторону индустрии. Напротив: оно стоит на пороге движения к наиболее развитой индустрии, качественно иной — индустрии, где человек выполняет творческие функции, переложив все остальные на систему машин. Поэтому, говоря о реиндустриализации, о развитии промышленного производства, его возрождении, мы говорим о том, что эти процессы должны происходить на новой технологической основе. Ключевым фактором и базовым ресурсом развития материального производства в современную эпоху становятся не природные ресурсы, не капитал или дешевый труд, как это было ранее, а знания — новые знания, которые касаются прежде всего новых технологий деятельности. Новое производство отличается от традиционного своей высокой знаниеинтенсивностью, а производимый им продукт — высокой знаниеемкостью. Именно это станет базовым фактором, материальной основой и предпосылкой общественного прогресса.

Второй вектор касается базисного механизма формирования и удовлетворения человеческих потребностей. **Это — трансформация экономического способа удовлетворения потребностей в неэкономический.** Одно из важных слагаемых этого процесса, даже, возможно, важнейшее — **диффузия собственности.**

Процессы формирования новых, преодолевающих границы института частной собственности способов присвоения, распоряжения и использования собственности известны давно. Процесс диффузии частной собственности начался более столетия назад и состоит в следующем:

- индивидуальный частный собственник «диффундирует», трансформируясь во множество акционеров;

- права частного собственника «ветвятся» и разделяются между акционерами, менеджерами, работниками и другими экономическими акторами;
- наиболее активными инвесторами все чаще становятся не отдельные физические лица, а различного рода фонды — пенсионные, страховые и т.п.;
- часть прав собственности передается работникам, в том числе в рамках различных государственных инициатив;
- государство не только ограничивает, но и регулирует деятельность частного собственника, накладывая на него социальную ответственность (в законодательстве многих стран записана ответственность частного собственника перед обществом, что, в частности, инициирует формирование и развитие социально ответственного бизнеса; напомним известный тезис — *собственность обязывает*).

Не меньшее значение имеют относительно новые тренды — развитие различных форм так называемого ассоциативного, совместного производства и потребления: *коворкинг*, *коливинг*, *каршеринг* и т.п. Входит в научный обиход понятие «отказ от собственности».

Однако сейчас гораздо важнее зафиксировать другое: мы ведем речь о **диффузии не частной собственности, а собственности как особого отношения и института** (равно как и соответствующей категории, выражающей наиболее существенные отношения действительности).

Обратим внимание на следующее. Термин «диффузия» используется для обозначения различных явлений. Это — и «распространение», и «растекание» чего-то, и даже «взаимодействие» некоей субстанции с чем-либо. В физике часто под диффузией понимают проникновение молекул или атомов одного вещества между молекулами или атомами другого.

Подбирая термин для обозначения явления в экономике, относящегося к процессам, происходящим с институтом собственности, мы отталкивались от первичного значения латинского слова *diffusio* — рассеяние или, по аналогии с известным физическим процессом, — испарение.

Таким образом, процесс снижения значения института собственности как базового для реализации современного — экономического — способа удовлетворения потребностей людей мы назвали «диффузией собственности», подразумевая постепенное снижение такового значения вплоть до его полного исчезновения в процессе развития по первому вектору — «насыщение реальных потребностей за счет НТП и развития индустрии 4.0».

Но вспомним политэкономический взгляд: собственность — это не вещи сами по себе и не право распоряжаться ими, а общественные отношения людей по поводу вещей. Эти отношения, в отличие от вещей, не есть величина постоянная, они меняются в процессе общественного развития. Так же, как и капитал, по Марксу, не вещи или деньги сами по себе, а определенные экономические отношения между людьми.

Таким образом, изменение экономических отношений обусловлено изменениями, происходящими с институтом собственности. И если собственность как институт «диффундирует», то редуцируются и экономические отношения, уступая место иным, не навязанным экономической логикой. То есть — с редуцированием значения собственности исчезает и экономическое общество.

Возможно, в настоящее время этот тезис выглядит чрезмерно революционным. Но я на нем настаиваю. Постепенно, эволюционно (я против любых революций, даже в локальных сферах) отношения собственности отмирают, «засыпают». И происходит (и произойдет) это не потому, что некий **субъект** совершает политический, насильственный акт и «экспроприирует экспроприаторов» (этот тезис Маркса в нынешних условиях, в том числе в условиях достигнутой мощи современных «технологий уничтожения», я считаю не просто ошибочным, но вредным и опасным!), а в силу **объективного**, от воли и сознания политических субъектов не зависящего процесса — в силу прогресса технологий, приводящего к смене одного типа общественного производства и присвоения другим. Но — только при условии движения по остальным векторам развития.

Каковы они?

Третий вектор касается траектории «движения» общественного компонента цивилизационного развития. Технологический прогресс и диффузия собственности прокладывают дорогу **социализации общества и развитию ноокачеств человека**.

Термин «социализация», выдвинутый в свое время социологами Франклином, Гиддингсом и Георгом Зиммелем, подразумевавший формирование социальных групп и их развитие, в настоящее время используется во многих науках и в очень разных смыслах. Говорят о социализации чего угодно: экономики, ребенка и даже животных.

В экономической теории с этим понятием, как правило, связывают возрастание роли общественных и снижение роли частных начал в экономике (например, речь идет о росте государственного регулирования, бесплатного образования и здравоохранения, пенсионного обеспечения и т.п.).

Мы и здесь ведем речь об иных, гораздо более фундаментальных процессах. Описанные выше процессы прогресса НТП и диффузии собственности ведут к тому, что Человек должен обретать и (частью — вынужденно, частью — сознательно) обретает все бóльшую социальную ответственность, становясь все более «социальным», все более культурным, думающим о своей общественной миссии, включающей не только ответственность, но и общественное признание, **продвигаясь от «зоо» к «ноо»** — в отношении формирования своего поведения в обществе и критериальной базы этого поведения, мотивов, нравственно-ценностного ядра.

Обратим внимание на обратную сторону социализации человека: социализирующийся, принимающий нормы общества, его установок, морали и т.п., т. е. становящийся все более культурным, ответственным перед обществом человек оказывает соответствующее — социализирующее — воздействие на экономические, политические и прочие общественные институты, внося в них собственные, порой — отличные от стандарта или общепринятых на конкретном этапе, представления

и форматы бытия. Раздвигает его существенную критериальную базу. Скажу жестче: **человек социализирует общество**. Все более социализирующийся человек привносит в общественное бытие и в общественное сознание новые ценности и мотивы жизнедеятельности и поступков, трансформируя социо-политико-экономические институты, делая их все более ориентированными на продвижение. Но — куда? Важно — чтобы к **ноообществу**, расширяя ноопространство. Конечно, если будут прилагаться осмысленные, **осознанные** в своей безусловной необходимости усилия по формированию у людей, особенно вступающих в жизнь, соответствующих идей и принципов их осуществления.

Вектор четвертый, касающийся идеологической платформы перехода к неэкономической модели. «Коренник» (позволю себе этот образ) в четверке, «квадриге ноономики» — **солидаризм**. Это — «синергетический принцип» взаимодействия индивидов, социальных групп и институтов.

Отмечу: и здесь речь идет не о различных и давно известных формах «экономики солидарности» (кооперативов и т.п.), а о качественно новом типе взаимодействий всех социальных акторов, где на место борьбы и конкуренции приходит **взаимоосознание единства ценностей, целей и путей совместной деятельности**.

Солидаризм (от французского — *solidarisme*) в классическом понимании — это достаточно известная теория о необходимости солидарности и стремления к компромиссу, *социальному сотрудничеству* и *духовному доверию* среди различных слоев общества, в том числе *классов, партий и групп интересов*. На практике солидаристские отношения строятся либо на системе взаимовыгодных договоров, ориентированных на общие интересы, либо на совокупности добровольных сообществ.

Идейно-философские основы солидаризма заложили в XIX в. французский экономист *Пьер Леру* и французский юрист *Леон Буржуа*, которые выступали за социальную ориентацию, справедливую *налоговую систему* и развитые социальные про-

граммы. При этом они подчеркивали самоценность демократии, гражданского равноправия и общественного взаимопонимания.

В течение последующих десятилетий солидаризм использовался как идеологическое подспорье различными политическими силами в попытках сплотить общество, дать импульс кооперации общественных сил для различных целей и т.п. Яркими примерами являются НТС российских эмигрантов XX в., польская «Солидарность» 1980-х гг., ХДС в ФРГ, концепции интегрального общества и конвергенции. Извращенные версии концепции солидаризма применялись и различными режимами в тоталитарных целях. Однако мы полагаем, что сегодня использование платформы истинного солидаризма в условиях взаимодействия четырех перечисленных источников ноотрансформации общества является объективной, единственной и безальтернативной необходимостью.

При этом важно помнить, что уже существующие отношения и институты упомянутой «экономики солидарности» могут сыграть (и сыграют) важную практическую роль на промежуточных этапах продвижения к ноомиру.

Конечно, отношения солидаризма не могут родиться одномоментно — **нужен период эмбрионального развития в утробе пока еще остающегося экономическим, рыночно-капиталистическим, общества.** И здесь вступает в свои права традиционный политико-экономический подход, исследующий потенциал стратегического планирования, активной промышленной и социальной политики, развития различных ассоциированных форм производства и потребления, пользования и присвоения, обмена и распределения. Осознавая историческую миссию нашей страны (а я в это верю!), мы должны существенно усилить наше экономическое развитие по направлению той равнодействующей, о которой здесь говорим. И компоненты этого движения (вдобавок к упомянутым выше) — это развитие инфраструктуры и наших регионов, подъем инновационности экономики, развитие экономики знаний и та же цифровизация как неотъемлемый фактор модернизации экономики и вхож-

дения в очередной технологический уклад и в новый уклад мирохозяйственный.

Подчеркну еще раз: современная модель экономики и общества основана на получении субъектом преимущества и выгоды для себя, на превалировании одного субъекта над другим. И традиционный институт собственности, основанный на монополии, поддерживает эту тенденцию. Но все более востребованный учет интересов других субъектов приводит к необходимости солидарного решения упомянутых хозяйственных и социальных вопросов.

Понимание этого нашло отражение в концепции со-конкуренции (сотрудничество + конкуренция, англ. *co-competition*), в теории пяти конкурентных сил Майкла Портера и в других идеях. На наш взгляд, намечающийся в теоретическом осмыслении консенсус подтверждает тезис о том, что *солидаризм — объективное условие генезиса ноообщества. По сути, он является идейной платформой для перехода к его новому состоянию*. Более того, осознание этого приходит и в Россию, воплощаясь в идейный базис нашего развития. Поправкой к Конституции России 2020 г. солидаризм провозглашается в РФ на уровне Конституции (статья 75-1): «В Российской Федерации ... обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность».

Названные выше четыре направления характеризуют не только компоненты равнодействующей направления движения, но и источник, цель, механизм и средства продвижения к ноономике.

Подчеркнем, что рассмотренная нами квадрага векторов развития составляет основу для перехода к новой организации общества. Задействование всех ее элементов в комплексе позволит не только осуществить этот переход, но и (что крайне значимо для нашей жизнедеятельности), во-первых, «обойти» наступающую кризисную точку бифуркации цивилизационного развития; во-вторых, осуществить этот переход бесконфликтно.

На наш взгляд, эти четыре компоненты имеют принципиальное значение для нооперехода, для его теоретического осмысления и практического осуществления. НТП создает материальные условия этого перехода. Диффузия собственности как следствие НТП и естественного развития этого института обеспечивает изменение механизма удовлетворения потребностей. Процесс социализации общества создает новые духовно-культурно-ценностное ядро и критериальную базу перехода. Солидаризм — идеологическая платформа перехода.

И в завершение хочу сказать: в свое время классики оставили нам в наследие «три источника и три составные части марксизма», летящую в светлое будущее русскую «птицу-тройку», «трех богатырей», разбивающих неприятеля.

Предлагаемая четверка, «квадрига нономики», неслучайно перекликается по своему звучанию с «квадригой Аполлона» — мы сегодня ведем речь о продвижении к тому пространству, где новое индустриальное производство, обеспечив материальные потребности бытия, становится «служителем муз», основой удовлетворения истинной потребности людей — в культурном и творческом развитии.

S.D. Bodrunov³. Genesis of noonomy: scientific and technological progress, diffusion of ownership, socialization of society, solidarism. The author emphasizes the critical nature of technological transformations for shaping the future of the human civilization. His analysis focuses on changes in the economy and society, on engineering a vision of the future order (economic and social) and developing tools for the transition to a fair and reasonable living arrangement. The article considers causes of the global systemic crisis and emphasizes that the economic model of societal development which is based on

³ Sergey D. Bodrunov, Director of S.Y. Witte Institute for New Industrial Development, President of the Free Economic Society of Russia, President of the International Union of Economists, Doctor of Economics, Professor.

the paradigm of market, ownership and priority role of profit has exhausted itself. The author considers the following alternative: the strategy for transitioning to a qualitatively new state of society - to the noo-nomy through the new industrial society of the second generation. Four resultant vectors bear fundamental importance for the noo-transition: (1) scientific and technological progress, (2) diffusion of ownership, (3) socialization of society and the development of human noo-qualities, (4) solidarity.

Keywords: genesis of noonomy, technological transformations, global systemic crisis, strategy of transition to noonomy, scientific and technological progress, diffusion of ownership, socialization of society, solidarism.

*А.Г. Аганбегян*¹

О ПРИОРИТЕТНОМ РАЗВИТИИ СФЕРЫ ЭКОНОМИКИ ЗНАНИЙ²

Экономика знаний рассматривается как главная составная часть человеческого капитала. Выполнен анализ отдельных сфер экономики знаний (НИОКР, здравоохранения и образования) путем сравнения результатов, достигнутых в этих областях в России, с аналогичными показателями в других странах. Отмечены положительные и негативные моменты: например, высокий уровень и качество образования, но низкая эффективность его использования; снижение смертности от онкологии и особенно младенческой смертности и высокий уровень смертности среди людей в трудоспособном возрасте от сердечно-сосудистых заболеваний и т. д. Среди основных причин негативных проявлений называются недостаточное финансирование социальной среды и неэффективное управление. Для исправления ситуации рекомендовано составить новый федеральный бюджет, перейти на народнохозяйственное планирование и откорректировать национальные проекты.

¹ *Абел Гезевич Аганбегян*, заведующий кафедрой экономической теории и политики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, д-р экон. наук, профессор, академик РАН.

² Опубликовано в журнале «Экономическое возрождение России». 2021. №1(67). С. 15–22.

Ключевые слова: экономика знаний, человеческий капитал, увеличение инвестиций в социальную сферу, образование, здравоохранение, НИОКР, эффективность управления.

Экономика знаний — главная составная часть **человеческого капитала**. Понятия «человеческий капитал» и «экономика знаний» — являются относительно новыми в экономической науке. Они были введены в экономический оборот около 60 лет назад. Значимость этих понятий была оценена сразу и за исследование этих проблем была присуждена Нобелевская премия.

Экономика знаний является главной составной частью человеческого капитала, поскольку именно она формирует способность к труду, знания, навыки и умения, а также во многом определяет длительность жизни человека и его способности к труду. Обычно в сферу экономики знаний включают НИОКР, образование, информационно-коммуникационные технологии, биотехнологии и здравоохранение. В более широком смысле стоимость человеческого капитала определяется также затратами на под держание уровня жизни, включая расходы на приобретение потребительских товаров и услуг, жилищные условия, другие социальные расходы, улучшение экологической обстановки, безопасности и т.п.

Понятие *экономика знаний* имеет и второй смысл — как высшая ступень цивилизации высокоразвитых стран, в которую перерастает этап постиндустриального развития. Здесь я сосредоточусь на анализе экономики знаний с макроэкономических позиций.

В России в 2019 г. расходы на сферу экономики знаний составили около 15 трлн рублей, или 14% от общего объема ВВП (110 трлн рублей). Мы уступая в 1,5 раза Китаю, более чем в два раза — Западной Европе и почти в три раза — США (табл. 1). Из 146 стран по международному рейтингу Всемирного банка Россия по доле экономики знаний в ВВП занима-

Таблица 1

**Сравнение показателей сферы экономики знаний
в России, Китае и развитых странах**

Доля отдельных отраслей и сфер экономики знаний в валовом внутреннем продукте, %	Россия	Китай	Страны За- падной Ев- ропы	США
НИОКР	1,2	2,1	2,5	2,74
Образование	4	4	8	5,7
Здравоохранение и биотехнологии	5	6	10	19
Информационно- коммуникационные технологии	4	10	10	11
Удельный вес экономики знаний в целом в ВВП, %	14	22	30	40

ет 55-е место. Выше нас — Польша, Латвия, Малайзия, Объединенные Арабские Эмираты, Литва, Болгария, Уругвай, Саудовская Аравия. Немного ниже нас из крупных стран — Бразилия, Аргентина, Турция, Южная Африка. Между тем, по уровню экономического развития России принадлежит 40-е место, а по реальным доходам на душу населения — 45-е место.

Несмотря на низкое место в международном рейтинге роль экономики знаний как важнейшей составной части человеческого капитала в России очень значима и высоко оценивается. Это связано с высокой оценкой стоимости человеческого капитала. По расчетам Мирового банка, стоимость человеческого капитала на душу экономически активного населения в России составляет 400 тыс. долларов — около 30 млн рублей. В целом же человеческий капитал является главным в национальном богатстве России (его доля — 46%).

В развитых странах 80% стоимости национального капитала приходится на человеческий капитал, что намного больше, чем в России. Это объясняется довольно большой долей у нас национальных ископаемых богатств, земли, лесов, почв, всего, что входит в национальное богатство. По территории Россия самая крупная страна в мире — 17% суши планеты, не считая 10 миллионов квадратных километров прибрежных вод, омывающих нашу страну. Из-за большой территории в России довольно много средств вложено в инфраструктуру и накоплен крупный производственный капитал.

Перейдем к рассмотрению отдельных сфер экономики знаний. **Сектор научно-исследовательских и опытных конструкторских работ (НИОКР)** составлял в СССР 3% к ВВП, в США он даже в настоящее время немного ниже. В России эта доля в 2019 г. равнялась 1,1%. Примерно наполовину это сокращение (по сравнению с советским временем) связано со снижением оборонных затрат, которые преобладали в данной сфере. Вместе с тем намного снизились расходы на фундаментальную науку: было закрыто большинство отраслевых прикладных институтов, проектно-конструкторских организаций и опытных производств. В СССР в сравнении с развитыми странами преобладала фундаментальная наука и отраслевые научно-исследовательские институты, но слабее были развиты опытно-производственные и проектно-конструкторские дела, инженерно-технические компании. Это во многом предопределило наше возрастающее научно-технологическое отставание в последний период советского времени.

По НИОКР среди всех стран СССР занимал 7-е место, сейчас у нас — 33-е. Россия уступает Венгрии, Бразилии, Китаю, Малайзии, Объединенным Арабским Эмиратам, Словении, Чехии, Эстонии, Южной Корее и всем развитым странам.

Другой важный рейтинг — **по инновациям**: из 117 стран Россия занимает 47-е место. Среди стран со средним доходом мы уступаем Китаю, который на 14-м месте, у Малайзии — 33-е, Болгарии — 37-е, Таиланда — 44-е, Румынии — 46-е. Наша страна опережает Турцию, Маврикию, Черногорию.

Рейтинг по патентам. Сумма патентов зависит от величины страны. Россия на 7-м месте после Китая, США, Японии, Южной Кореи, Германии и Индии и немного выше Канады, Австралии, Бразилии, Великобритании, Мексики и Франции. Надо сказать, что этот индекс сложный, суммарный. Наша страна занимает довольно высокое — 30-е место по человеческому капиталу и науке, а по уровню развития бизнеса и использования патентов — 42-е, по технологии — 50-е, по развитию рынка — 55-е, по креативной деятельности — 60-е, по инфраструктуре — тоже 60-е. Хуже всего (71-е место) у нас институциональная составляющая, в основном правовое регулирование.

Ясно, что делать в науке. В первую очередь нужно возродить **Российскую академию наук**. Крайне важно — реализовать конкретную программу создания прикладных институтов, особенно внедренческого звена, связанного с использованием инноваций и опытного производства. Министерство науки и высшего образования вряд ли способно это осуществить, да оно и не ставит таких задач. Нужно было бы создать, как это было раньше, **Комитет по научно-технологическому развитию** как привилегированный орган, возглавляемый заместителем председателя правительства, который будет заниматься этими вопросами, прежде всего продвижением инноваций в жизнь. Потребуется дополнительное финансирование: следовало бы поднять расходы на НИОКР до 2% ВВП к 2025 г., а к 2030 г. — до 3%.

Самый высокий международный рейтинг среди крупных отраслей экономики и социальной сферы Россия занимает по **образованию** — 33-е место среди стран мира.

Когда запустили первый спутник и человека в космос, Дж. Кеннеди произнес: «СССР выиграл гонку в космос за школьной партией», признав, что главная причина — в более высоком качестве образования по сравнению с США. СССР тогда направлял на образование 11% национального дохода, а Америка — только 4%. В США в федеральном бюджете расходов на образование не было, все расходы направлялись из бюджет-

тов штатов и частным образом. В те годы России было присвоено 3-е место в мире по качеству образования (индекс ООН). С того времени мы «пятимся назад» и опустились сейчас до 33-го места. Причина — низкое финансирование образования, его доля в ВВП — 4% (в сравнении с 8% в развитых странах), по этому показателю Россия занимает только 120-е место среди стран мира.

При этом 33-е — очень высокое место, мы опережаем по уровню образования ряд развитых стран, особенно в области доли высшего и среднего специального образования среди населения соответствующего возраста. У нас всего 5% людей, не имеющих среднего образования, а в странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) — 16% (в Италии — даже 26%). Хотя по качеству образования Россия занимает высокое место, по эффективности — практическому использованию образования (такие рейтинги тоже есть) мы опускаемся вниз. Высокий потенциал образования у нас используется недостаточно. Прискорбно, что в последнее десятилетие расходы на образование в постоянных ценах заметно сокращаются, особенно в период 2012–2017 гг. (табл. 2).

По развитию **информационно-коммуникационных технологий** в международном рейтинге из 146 стран Россия занимает 45-е место (Международный союз электросвязи, 2017 г.). Это комплексный рейтинг, суммирующий 11 показателей.

Доля суммарных затрат на **цифровую экономику** в России составляет 3,9% ВВП, в Америке — 11, в Китае — 10, в Европе — 8% (табл. 3). В Указе Президента РФ В. В. Путина от 7 мая 2018 года дано задание — увеличить эту долю в 3 раза.

Перейдем к **здравоохранению**. В пандемию в 2020 г. наступила **демографическая катастрофа**. Впервые за последние 15 лет в России смертность в 2020 г. увеличивается до более 300 тыс. человек по сравнению с 2019 г. (до этого она сокращалась в среднем по 30 тыс. человек в год). Из-за этого депопуляция населения (превышение смертности над рождаемостью) превысит 600 тыс. человек. А положительное сальдо миграции сокращается

Таблица 2

**Образование в составе валового внутреннего продукта
в 2008–2019 гг.**

Годы	В% к 2008 г.*	В% к ВВП
2009	98,5	3,3
2010	96,7	3,1
2011	95,9	2,9
2012	93,2	2,6
2013	91,2	2,8
2014	92,1	3,2
2015	92,3	3,1
2016	92,4	3,2
2017	93,6	3,2
2018	94,8	3,1
2019	96,0	3,2

* 2008 г. принят за 100%.

примерно до 100 тыс. человек из-за закрытия границ (табл. 4). Поэтому население нашей страны уменьшится более чем на 500 тыс. человек в 2020 г.

Речь идет о главной проблеме социально-экономического развития страны — **сохранности народа России**. Президент РФ В.В. Путин на перспективу выдвинул двуединую цель нашего развития — повышение уровня жизни населения и сохранности народа России.

При этом из всех умерших только у половины был обнаружен коронавирус, а половина дополнительной смертности в основном была вызвана сердечно-сосудистыми патологиями. В то же время **смертность** от онкологии, от внешних причин и младенческая смертность снизились. Увеличение смертности в 2020 г. впервые после 2005 г. привело к сокращению **ожидаемой продолжительности жизни** в России с 73,6 лет в 2019 г.

Таблица 3

**Доля цифровой экономики и ее составляющих
в ВВП в 2017 г., %**

Показатели	США	Китай	5 стран Западной Европы	Индия	Бразилия	Чехия	Россия
Расходы домохозяйств на цифровые продукты и услуги	5,3	4,8	3,7	3,2	2,7	2,2	2,6
Инвестиции компаний в цифровизацию	5	1,8	3,9	2,7	3,6	2	2,2
Госрасходы на цифровизацию	1,3	0,4	1	0,6	0,8	0,5	0,5
Экспорт ИКТ	1,4	5,8	2,5	5,9	0,1	2,9	0,5
Импорт ИКТ	−2,1	−2,7	−2,9	−6,1	−1	−2,1	−1,8
Итоговая доля цифровой экономики	10,9	10	8,2	6,3	6,2	5,5	3,9

Таблица 4

**Показатели естественного движения населения
в России в 2016–2020 гг., тыс. чел**

Показатели	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	Январь–ноябрь		Прирост, снижение (–)
					2020 г.	2019 г.	
Родившихся	1889	1690	1599	1485	1306,4	1365,8	−59,4
Умерших	1891	1824	1818	1801	1881,2	1651,5	229,7
Депопуляция	−2	−134	−219	−316	−574,8	−285,7	
Сальдо миграции	262	212	125	286	100	259,4	
Население России: при- рост (+) убыль (–)	260	78	−94	−30	−474,8	−26,3	

до 72 лет в 2020 г. Снизилась и ожидаемая продолжительность **здоровой жизни**, которая в сентябре 2020 г., по данным Росстата, составила 58,9 года. Мы являемся одной из немногих стран, где эта продолжительность ниже возраста выхода на пенсию. В европейских странах этот показатель — 72 года, что в среднем на 5 лет выше максимального возраста выхода на пенсию (67 лет в отдельных странах). Ожидаемая продолжительность общей и здоровой жизни при рождении в 2018 г. в России составляет соответственно 73 и 63 года. Для примера: в Японии — 84 и 74 года; в США — 79 и 70 лет; в Китае — 75 и 64 года.

Эти показатели являются главными в конечном результате деятельности системы здравоохранения в стране. Ожидаемая продолжительность жизни определяется в первую очередь коэффициентом смертности по основным группам населения. Самая многочисленная группа — **население в трудоспособном возрасте**, где уровень смертности в России на 100 тыс. человек втрое выше, чем в развитых странах (480 против 160 чел.). По причинам смертности в России самая многочисленная группа (47%) — это люди, умершие от **сердечно-сосудистых заболеваний**. Коэффициент этих умерших также втрое выше, чем в развитых странах.

Наши показатели сегодняшнего дня развитые страны достигли более 50 лет назад. Если сравнить уровень смертности и ожидаемую продолжительность жизни у нас и в странах, имеющих уровень экономического и социального развития примерно такой же, как Россия, то коэффициенты смертности трудоспособного населения и от сердечно-сосудистых заболеваний у них в 1,5–2 раза ниже, а продолжительность жизни — на 4–5 лет выше. Они занимают 40...50-е места в международных рейтингах по этим показателям, а Россия — 90...100-е места. К таким странам относятся большинство постсоциалистических государств Европы и передовые развивающиеся страны, включая Китай. Так что уровень развития нашего здравоохранения, его результирующий показатель — поистине «темное царство»

в сравнении с развитием других сфер (экономических и социальных).

Но есть и «луч света в темном царстве». Это — показатель **младенческой смертности**. За 7 лет она снизилась более чем вдвое, и в 2020 г. достигла 4,4 на 1000 родившихся живыми. Тем самым было выполнено задание Указа Президента России В.В. Путина от 7 мая 2018 года, предусматривающее снижение этого показателя до 4,5 на 2024 г. Это единственный показатель, который мы выполнили досрочно и занимаем высокое, примерно 30-е место в мире. С большой вероятностью в 2024 г. Россия достигнет в этой области показателя развитых стран — в среднем 3,5. Отдельные регионы страны уже превзошли этот показатель, например в Чувашии, коэффициент младенческой смертности — 3,2 (существенно ниже, чем во Флориде и Калифорнии (США), куда наши шоу-бизнесмены ездят рожать).

На ближайшие годы перед нами стоят очень серьезные задачи, поскольку нас накрыло **вторая**, более мощная **волна пандемии**. Ожидается и **третья волна коронавируса**. Так что 2021 г. будет кризисным, социально-экономические показатели страны снизятся намного больше, чем ожидалось при принятии антикризисной программы правительства и федерального бюджета на 2021–2023 гг. Чтобы восстановить экономические, и особенно социальные, показатели, достигнутые в докризисное время, потребуется два, а, возможно, и три года. При этом объем ВВП, промышленности и в целом материальное производство сократятся на 5...6% и их можно восстановить быстрее. А вот валовое накопление основного капитала — расширенные инвестиции, которые в период стагнации снизились на 5,6% и во втором-третьем кварталах 2020 г., когда развернулась пандемия, еще на 9%, в лучшем случае потребуют для восстановления докризисного уровня двух лет напряженной работы. Сказанное во многом относится и к восстановлению сферы экономики знаний, особенно образования, объем которого сократился в сопоставимых ценах (по статистике национальных счетов) почти в 1,5 раза (см. табл. 2). А ведь **инвестиции в ос-**

новной и человеческий капитал — главные драйверы социально-экономического роста. Не лучше обстоит дело и с дополнительными драйверами — **жилищным строительством**, максимум которого был достигнут в 2015 г. и после этого снизился на 10%, и **внешней торговлей**, которая сокращается на 20%.

Еще хуже с восстановлением розничной торговли, платных услуг, реальными доходами и потреблением населения, а также объемом платежеспособного спроса. **Розничная торговля, платные услуги и реальные располагаемые доходы населения**, упали примерно на 10% в годы стагнации и сокращаются еще на 6...7% в кризисные

2020—2021 гг. **Конечное потребление домашних хозяйств** во втором-третьем кварталах 2020 г. упало на рекордные 15%, так что восстановить их докризисный уровень вряд ли удастся за два года, а может быть, даже и за три.

Самое трудное — резко сократить возросшую в кризис смертность населения и начать восстанавливать **сохранность народа России**. Для этого необходимо увеличение, как минимум, в 1,5 раза расходов на здравоохранение до 2025 г. и их удвоение к 2030 г. при принятии новых крупных социальных мер.

Поэтому нужны **экстренные меры** не только для преодоления текущего кризиса, но и перехода к социально-экономическому росту. Это возможно только при **форсированном увеличении** доходов и потребления населения, инвестиций в основной капитал и вложений в экономику знаний, поддержанных высокими темпами роста жилищного строительства и внешней торговли, особенно — экспорта. Предлагаемый форсированный рост — 10...15% ежегодно. Только в этом случае при выходе из глубокого кризиса 2020—2021 гг. мы сможем **«перепрыгнуть» через стагнацию** и в 2023—2024 гг. добиться 3—4%-ного прироста ВВП.

Это потребует **коренной доработки антикризисного плана** с увеличением финансирования в 2—3 раза на 2021—2023 гг., в том числе за счет низкопроцентного инвестиционного кредитования.

Придется составлять **новый федеральный бюджет**, поскольку в принятом бюджете общие расходы, а также финансирование национальной экономики, образования и здравоохранения не растут, а сокращаются (табл. 5). Объем средств на национальную экономику за 2021–2023 гг. сокращается и в номинале (на 2%), и в реальном выражении (на 12%), еще сильнее падают расходы на здравоохранение — соответственно на 7 и 17%. Самое страшное, что так же сильно сокращаются расходы в 2021 г. (в сравнении с 2020 г.). Непонятно, как с меньшими средствами мы собираемся сокращать возросшую смертность населения в 2020 г., в том числе от сердечно-сосудистых заболеваний. Снижаются также на 10% реальные расходы в 2021–2023 гг. на образование. С позиций восстановления экономики и социальной сферы после кризиса и перехода к 3%-ному росту все это выглядит абсурдно. Напрашивается единственное объяснение — все это планировалось на базе показателей первой волны коронавируса и при прекращении пандемии в начале 2021 г., о чем многократно говорил Министр экономического развития М. Решетников. Кстати, это министерство в августе 2020 г. объявило, что население

Таблица 5

Расходы федерального бюджета на 2019–2023 гг., млрд

Показатели	2019 г. Отчет	2020 г. Оценка	2021 г. План	2022 г. Проект	2023 г. Проект
ВВП	110 046	106 974	115 533	124 223	132 822
Расходы, всего	18 214	23 734	21 520	21 880	23 670
Национальная экономика	2 827	3 191	3 327	3 004	3 120
Образование	827	1 011	1 083	1 040	1 080
Здравоохранения	713	1 265	1 129	1 135	1 101

России за год сократится на 152 тыс. человек, в октябре они внесли «поправку» — будет минус 350 тыс. человек. По итогам года получается больше, чем минус 500 тыс. человек. Видимо, составители антикризисной программы и федерального бюджета не предполагали заметного увеличения смертности в 2020 г. (по сравнению с 2019 г.) и не оценивали повышение упущенной смертности в размере 330 тыс. человек (на 18% по сравнению с предыдущим годом). Возможно, нет полного понимания, что такой размер упущенной смертности, который можно оценить в расчете на год, используя стоимость человеческого капитала в России, рассчитанный Всемирным банком в размере до 5 трлн рублей, — главный ущерб страны.

Антикризисный план и федеральный бюджет в нынешнем виде не позволят перейти к социально-экономическому росту. Практически все эксперты, а также международные организации, в том числе МВФ и Всемирный банк, прогнозируют наши ежегодные темпы на перспективу в размере 1,5...2,5%. В результате высок риск, что Россия после кризиса опять окажется в стагнации с негативными трендами — снижением инвестиций в основной и человеческий капитал, оттоком капитала, прогрессирующим технологическим отставанием, развитием демографического кризиса. Эти тренды усиливаются при запланированных сокращающихся в реальном выражении расходах федерального бюджета. Не помогут в этом случае и составленные ранее национальные проекты, которые на $\frac{3}{4}$ финансируются из бюджетных средств, и доля этого финансирования составляет менее 10% от общих вложений в социально-экономическое развитие страны.

При существующей системе управления пересмотр антикризисной программы, федерального бюджета и национальных проектов вряд ли коренным образом изменит ситуацию. Предлагается перейти к **народнохозяйственному планированию**, составив первый **пятилетний план на 2021—2025 гг.** с ключевыми показателями до 2030 г. Этот план следовало бы нацелить на выполнение заданий, предусмотренных Указом Президента РФ В.В. Путина от 7 мая 2018 г. и Указа от 11 июля 2020 г.

Кардинально предстоит скорректировать и развить национальные проекты, дополнив их проектами по технологическому перевооружению и сокращению бедности вдвое. Финансирование национальных проектов следует увеличить в 2–3 раза, используя низкопроцентный инвестиционный кредит и крупные средства частных компаний, для чего их нужно сильно заинтересовать. Взаимосвязанная система национальных проектов, имеющих целевую направленность, должна стать основой пятилетнего плана.

Форсированные инвестиции в основной и человеческий капитал позволят поднять долю в ВВП инвестиций в основной капитал и в экономику знаний до 25% к 2025 г., что будет гарантировать при их эффективном использовании 3–4%-ный ежегодный социально-экономический рост. После 2025 г. прирост инвестиций в основной капитал и вложений в экономику знаний можно снизить до 8...10% в год, тогда их доля в ВВП к 2030 г. увеличится до 30%, что может обеспечить ускоренное развитие с ежегодным темпом по 5...6% в год. Возобновление социально-экономического роста даст мощный дополнительный источник финансирования за счет увеличивающегося прироста ВВП.

A.G. Aganbegyan³. On priority development of knowledge

economy. A.G. Aganbegyan considers the knowledge economy as the main component of human capital. He analyzes certain areas of the knowledge economy (R&D, healthcare and education) by comparing relevant results demonstrated by Russian regions with similar indices reported for other countries. The article points out positive and negative aspects, e.g. high level and quality of education v. low efficiency of its application; lower cancer mortality rate and particularly child mortality

³ Abel Aganbegyan, Head of Economic Theory and Policy Department, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, D.Sc. Econ., Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences.

rate v. high mortality from cardiovascular disease among working-age population, etc. Major causes of negative phenomena include insufficient funding of the public sector and inefficient administration. In order to remedy the situation, the author recommends the development of a new federal budget, transition to national economic planning and adjustment of national projects.

Keywords: knowledge economy, human capital, higher investment in the public sector, education, healthcare, R&D, administrative efficiency.

Д.Р. Белоусов¹

**ПРОТИВОРЕЧИЯ
ПЕРСПЕКТИВНОГО ПЕРИОДА:
К ВЫРАБОТКЕ ПОВЕСТКИ ДНЯ
НА СРЕДНЮЮ И ДОЛГОСРОЧНУЮ
ПЕРСПЕКТИВУ²**

Анализ экономической и социальной ситуации приводит к выводу о том, что мир вступает в полосу глобальной нестабильности и противоречий. Налицо кризис компенсаторных и базовых институтов; человек из субъекта исторического процесса превращается в объект управления; резко усиливаются противоречия на разных уровнях; конфликт труда и Капитала с учетом национального характера труда и глобального характера капитала. Производство, сфера безопасности, прикладная наука региона, а финансовая и институциональные системы остаются глобальными. Усиливаются информационные и торговые войны. В условиях многоуровневого кризиса трудно предсказать, каким будет новый социальный порядок, но переход к нему будет непростым, с большой вероятностью (макро-) региональных конфликтов.

¹ *Дмитрий Рэмович Белоусов*, руководитель направления анализа и прогнозирования макроэкономических процессов Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, к.э.н.

² Опубликовано в журнале «Экономическое возрождение России». 2021. №1(67). С. 72–80.

Ключевые слова: противоречия перспективного периода, глобальная нестабильность, технологическое развитие, производительность конкурентные преимущества, человек как объект социальных технологий.

1. Основная проблема, касающаяся анализа долгосрочных процессов, состоит в том, что вместо ожидавшегося некоторыми исследователями начала периода «технологической гармонии», рациональным образом разрешающей имеющиеся противоречия, мы получаем более противоречивый и турбулентный мир.

Происходящие процессы и объективная логика развития экономической и социальной ситуации состоят в том, что мы вступаем в эпоху не глобальной гармонии, а новой глобальной нестабильности, усиления старых полей противоречий и возникновения новых. Против ожиданий, мы вступаем в эпоху дисбаланса, из которого и родится новый социальный порядок. Какой — мы пока не знаем.

2. Мир вступает в полосу глобальной нестабильности. Обсуждать социальную повестку дня, развитие общества и гуманитарной сферы придется в условиях многоуровневого кризиса:

- компенсаторных и базовых институтов (статус должника и кредитора, справедливая стоимость активов в эпоху «экономики пузырей», правосудие и санкции в эпоху «highly likely» — когда санкции, включая изъятие активов, накладываются без решения суда);
- человека в эпоху становления моделей социального управления, «постправды» и «настройки на пользователя» сетевого информационного контента.

С одной стороны, мы находимся в ситуации кризиса как компенсаторных, так и базовых институтов. Достаточно сказать, что глобальный должник (США) накладывает санкции на своих кредиторов — Китай и Россию. И мир это принимает. Должник является держателем системы институтов, в рамках кото-

рых он предъявляет претензии кредиторам, в том числе по активам (характерные примеры — дело Huawei или Дерипаски).

Какова «справедливая» стоимость активов в цифровую эпоху? Цифровые платформы, размещающие бумаги на глобальных рынках, стоят дороже «Газпрома (за которым стоят и запасы сырья, и инфраструктура, и производственные мощности). При этом их капитализация существует под ожидание роста — причем сумма программ развития ведущих платформенных компаний несовместимы. Заметим, что эта экономика уже давно не является виртуальной: так, соответствующие бумаги становятся, например, обеспечением кредитов компаниям, производящим вполне себе физические товары и услуги. Соответственно вполне вероятный кризис на рынке бумаг сектора ИТ приведет к глубокому коллапсу реального сектора (не говоря уже об аспекте оценки рисков управления пакетами активов и т. д.) с соответствующими последствиями для занятых и т.п.

С другой стороны, очень быстро меняется сам человек. Принято считать, что человек — это субъект исторического процесса. Сегодня мы наблюдаем за становлением системы рынка образов, установлением системы социального, группового управления контентом информационного, настроенного на персонального пользователя. И это, превращая человека (и как личность, и как участника общественного процесса) в объект управления, «проблематизирует» саму концепцию человека как мерила и субъекта процессов в экономике и обществе.

3. Все это происходит на фоне резкого усиления противоречий

Первый уровень — противоречие глобального с национальным. Конкретно речь идет о противоречии между глобальными сетями институтов (в том числе финансовых), информации, соответствующих инфраструктур — и национальных государств.

Второй уровень — противоречие между национально «приземленным» производством и глобальным потреблением, финансами и технологиями.

С одной стороны, производство осталось «здесь». Люди работают (за исключением айтишников, людей «новых профессий» и т. д.) на конкретном предприятии, в конкретном городе, в своей стране.

При этом они потребляют продукцию со всего мира. Даже при низкой зарплате, работая на предприятии, откуда их не могут уволить в силу социальных причин (просто некуда), они все равно являются объектами глобальной социальной рекламы, глобальной маркетинговой политики, пользователями торговых сетей и т. д. Во всем мире потребители приобретают товары, произведенные глобальными компаниями, рекламируемые в рамках глобальных рекламно-информационных кампаний (в том числе глобальными корпорациями ИТ-инфраструктуры, например Google) и поставляемые глобальными же торговыми площадками, такими, как Amazon.

Дополнительная проблема заключается в том, что новейшие технологии, выстроенные вокруг ИТ-сектора, трансграничны. Айтишники собирают свою работу по всему миру, финансисты работают по всему миру, ученые участвуют в глобальных проектах.

Один из наглядных результатов: массовые социальные движения привели, как правило, к ухудшению социальной ситуации на местах и улучшению ситуации у глобальных игроков, получивших, например, массовую трансграничную миграцию, сдерживающую удорожание труда.

Заметим, что вне наиболее развитых стран отсутствуют принципиально важные компоненты, обеспечивающие включенность на сколько-нибудь ключевой позиции в формирующуюся мировую «экономику цифровых платформ».

В условиях стремительной цифровизации создаются цифровые гиганты, контролирующие ключевые сервисы и инфраструктуру цифровой экономики глобального масштаба. С одной стороны, это ускоряет и удешевляет цифровую трансформацию деловых и общественных процессов; с другой — монополизировывает рынки, препятствует возникновению конкуренции, ставит под контроль владельцев «цифровых гигантов» деятельность

предприятий и организаций по всему миру. Они обладают свойствами, позволяющими им не только стабильно удерживать, но и улучшать свои рыночные позиции, управлять созданием и развитием огромных рыночных сегментов. Крупнейшие предприятия цифровой экономики:

- обеспечивают точки роста и развития новых технологий, скупают технологические разработки по всему миру, стремятся захватить несформировавшиеся рынки;
- определяют стандарты рынков, создают и продвигают новые бизнес-модели; рыночная и экономическая сила таких национальных цифровых чемпионов позволяет структурировать (в том числе вокруг соответствующих платформ) не только свой, но и иностранный бизнес, а ряде случаев — информационные потоки и формы общественной активности;
- привлекают значительные капиталы. Сейчас практически все компании из Топ-10 индекса Nasdaq по капитализации имеют свои глобальные платформы и экосистемы, а часть компаний с помощью своих экосистем управляют глобальными ИКТ-инфраструктурами.

Сегодня ни одна российская корпорация не управляет глобальными цифровыми платформами, не влияет на глобальную инфраструктуру цифровой экономики — это делают американские, европейские и китайские корпорации.

Третий уровень — противоречие между локальным трудом и «обезлюдяющимися» глобальными технологиями. Похоже, это проекция классического «марксистского» конфликта труда и капитала на новый мир глобальной конкуренции — с учетом национального (а то и локального — в рамках конкретного государства) характера труда и глобального характера капитала.

В силу сочетания малолюдности новых технологий и глобального характера конкуренции эта проблема не имеет простых решений, в том числе в рамках популярных идей «левого поворота» в экономике и политике России. Заметим, что неотъемлемой частью пути Китая к модернизации экономики и об-

шества стал кризис госпредприятий 1990-х гг. — выгнавший на улицу и обрушивший в бедность миллионы людей (с жуткими историями — с оргпреступностью, с проституцией. Одновременно возник запас дешевой и первично квалифицированной рабочей силы под приход иностранного капитала (так, сворачивание пусть и устаревших, но профильных производств, например в автопромышленности, обеспечило кадрами с базовой квалификацией новый, базирующийся на притоке иностранных капиталов и инвестиций, автопром Особых экономических зон).

Мы — вместе с остальными модернизирующимися странами — стоим перед дурной дилеммой. С одной стороны, мы вынуждены участвовать в технологической гонке, потому что проигравший потеряет даже собственные внутренние рынки. С другой стороны, чтобы обеспечить себе позицию на мировых рынках, страны вынуждены экономить на издержках, повышать производительность труда. У нас потенциал такого роста производительности (для обрабатывающих производств) очень велик. Если брать за точку отсчета производительность труда в центрально-европейских странах (Венгрия, Польша, Чехия), то этот запас — примерно 30...50%, а если взять экономически развитые страны (Германия, Италия, Норвегия) — разрыв примерно двукратный и больше (рис. 1).

При нынешних параметрах выпуска такой рост производительности будет означать массовое, миллионных масштабов, высвобождение занятых (рис. 2). Поскольку пойти на это мы не можем, в российской экономике образовался замкнутый круг: избыточная занятость — низкие зарплаты (чтобы удержать издержки компаний) — бедность занятых (и недопотребление населения) — барьер для сокращения занятости.

Заметим, что ухудшение демографической ситуации, снижающее долгосрочное давление на рынок труда, создает «окно возможностей» для развития новых отраслей за счет горизонтального маневра занятыми между отраслями. Но это — масштабная государственная задача, предполагающая создание

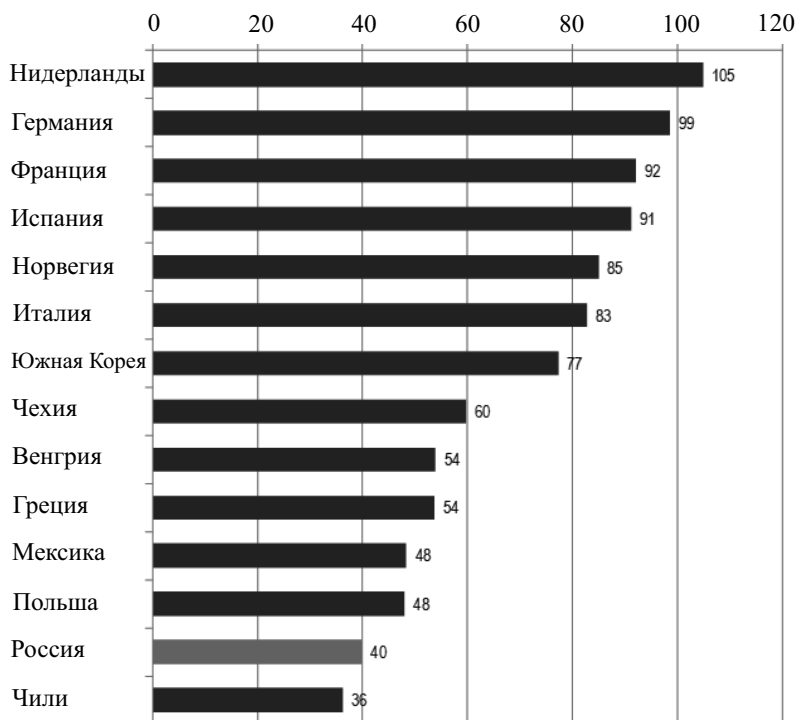

Рис. 1. Производительность труда в базовых несырьевых отраслях в 2015–2017 гг., тыс. долл. по ППС

соответствующей по масштабу системы профессионального переобучения (примерно миллиона человек в год), жилищного строительства (80...100 млн м² в год) и новых центров роста.

Если мы не сможем пройти по этой достаточно тонкой грани, одновременно сворачивая производство в одном месте (и в отраслевом, и в территориальном отношении) и разворачивая в другом, в больших масштабах переобучая и перемещая людей, то мы либо получим кризис торгового баланса (из-за кризиса конкурентоспособности российских товаров и роста

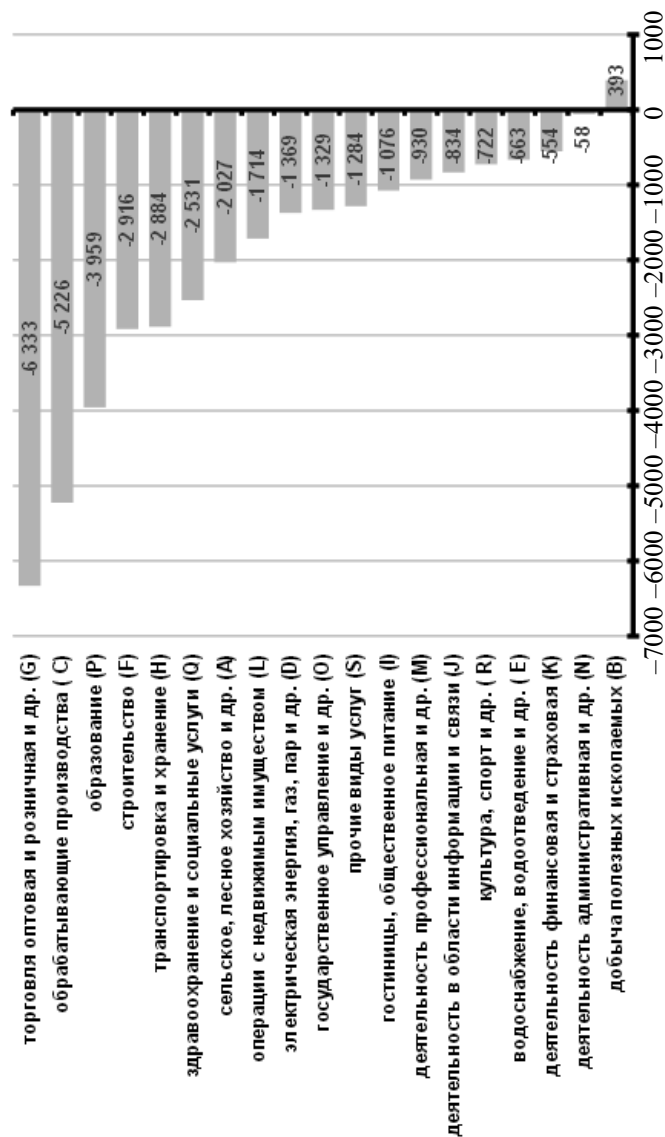

Рис. 2. Потенциал высвобождения занятых при выходе на нынешний уровень производительности труда Италии, тыс. чел.

импорта) и выбор между девальвацией и масштабным спадом производства, либо крайне негативную социальную ситуацию (как когда-то в Китае). У нас уже есть определенные стандарты отношений между обществом и людьми. Это — сложная, но реально выполнимая задача, которая находится в центре нашей экономической политики.

Четвертое противоречие — между развитием и стабильностью. Это противоречие выходит на проблему технологического развития и социальных (этических) ограничений на него; промышленное развитие, создающее пространство для социального развития, и ограничения промышленного развития в логике предотвращения изменения климата.

С одной стороны, налицо массовый запрос на стабильность:

- высоки риски развития — социальные (высвобождение занятых), давление на природу, «новая конфликтность»;
- ухудшение демографического баланса и старение населения в развитых странах ведет к размыванию их конкурентных преимуществ плюс «новая ригидность» (усталость от постоянных перемен) и желание «остановить процесс».

По социальным причинам (старение населения и бóльшие требования к социальному комфорту) технологическое развитие, скорее всего, трансформируется в направлении экологически нейтральных/ природоподобных технологий — передачи «бремени решений» (человеко-) машинным системам. **Закрепление достигнутых позиций старых игроков (ЕС) в перспективе будет, видимо, идти через апелляцию к «высоко-технологичному неразвитию» — через «углеродные стандарты» доступа на рынок, избыточные барьеры в части безопасности, этические требования к продукции, гуманитарные/социальные обременения для партнеров. Собственно, это — просто механизм извлечения «институциональной ренты» от накопленного потенциала развития.**

Для Евросоюза (который из-за старения населения, истощения природных ресурсов и технологического роста стран-конкурентов постепенно теряет классические конкурентные пре-

имущества) это — стратегия, основанная на реализации преимуществ в технологическом развитии и в институтах. Отсюда — создание барьеров для входа на рынок самих стран ЕС и стран, которые войдут с ними в альянс по стандартам доступа на рынок (углеродному индексу, использованию труда несовершеннолетних, гендерному равенству, поддержке разнообразных меньшинств, в перспективе — этическим стандартам в сфере цифровой экономики и искусственного интеллекта и т. д.). Выполнение таких требований ограничит доступ на рынок продукции менее технологически развитым странам (включая Россию) и даст простор для реализации более дорогой европейской продукции.

С другой стороны, только развитие позволяет снять постоянно возникающие противоречия:

- создает противоречия и риски — и само снимет их, трансформируя себя и социальную среду;
- создает новые центры силы, двигающие развитие мировой экономики в целом — в Китае идет индустриализация-3, на этот раз она базируется на выстраивании полноценной национальной инновационной системы (приоритеты — ИКТ, новая энергетика, робототехника, социальные технологии).

Через развитие противоречия снять можно. А его остановка — даже под «этическими» лозунгами — приведет лишь к накоплению кризисного потенциала и его разрешению через коллапс социальной стемы.

Часто звучат разговоры о том, что ради сохранения экологической ситуации, социальной и гуманитарной стабильности надо остановить развитие. В реальности итогом отказа от ускоренного развития станет консервация структуры сложившихся противоречий с попыткой зафиксировать существующее положение игроков (получающих ренту разных типов) в мировой экономике и политике. Напомним, что без промышленной революции в Германии и Британии не было бы общественных движений, более-менее приемлемой социальной ситуации, которая сложи-

лась в Европе в золотой период, в 1950—1960-е гг., после восстановления экономики.

Все эти противоречия разворачиваются и будут развертываться на фоне масштабной трансформации глобального порядка: интеграция, дезорганизация и дезинтеграция идут одновременно.

С одной стороны, **производство, прикладная наука и сфера безопасности регионализуются, а финансовая и институциональная системы остаются глобальными.** Так, Китай успешно создал национальную инновационную систему «полного цикла», опирающуюся на «утилизацию» результатов глобальной науки. В США последние 10 лет развивается реиндустриализация.

Усиливается самообеспечение крупных центров силы энергоносителями — «сланцевая революция», «революция ВИЭ». Тема «сланцевой революции — это еще и история про самообеспечение США, точнее североамериканского центра экономического роста, нефтью. Газ у них канадский (и американский), нефть—американская (и немедленно возросла жесткость американской политики в Персидском заливе и Венесуэле), набор сырьевых ресурсов и производственных технологий тоже немаленький.

С другой стороны, регионализации финансовых систем **не произошло**: проекты альтернативных валютных пространств (Asio, Динар, Алтын...) не заработали.

В конце 1990-х и начале 2000-х гг. активно обсуждались темы образования суверенных валютных пространств: ожидалось, что за 10...15 лет вслед за евро стартуют Asio, «нефтяной динар» Персидского залива, может быть, валютные системы Латинской Америки. Говорили даже про возможность валюты Африки (уж не знаю, на каких активах). Ничего из этого не взлетело, даже евро, в общем, не вполне полноценная глобальная валюта, ну а юань стал лишь отчасти конвертируемым.

Статус глобальных макрорегиональных институциональных пространств не определен, и их перспективы не вполне

ясны. С одной стороны, на наших глазах возникли и торговые споры США и Китая, и «кризисный протекционизм» в пандемию. С другой — только что «штатовская» администрация смогла распространить национальную юрисдикцию на глобальный уровень (санкции против России по «активам Дерипаски» и «Северному потоку 2.0» и против Китая по Huawei). Ирландскому премьеру, если не ошибаюсь, пришлось объясняться с рабочими ирландских заводов, почему глиноземный завод останавливается из-за претензий американского правительства к русскому миллиардеру.

Противоречие между глобальной финансовой институциональной системой и макрорегиональными центрами силы, основанными на производстве, является главным — задающим условия для разрешения всех остальных.

Пока главные игроки ищут выход в технологической гонке. При этом **США опирается на глобальные научные сети кооперации, Китай — на трансформацию в своих целях их результатов через национальную инновационную систему и глобальную сеть сбыта.** Кто кого обгонит в технологиях, в способности создавать новые товары и их идеи, тот и победит в борьбе за ресурсы, рынки и позицию в экономике. Но боюсь, что этого будет мало.

В этой ситуации запускается новое перераспределение труда, глобальные интеграционные процессы и возникают новые игроки.

Налицо диада глобальных вызовов:

- институциональный вызов — перезапускаются глубокие интеграционные процессы: новая администрация США, видимо, перезапустит «глобальные партнерства».

Тем временем в ходе саммита Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) подписано крупнейшее в мире соглашение о свободной торговле (документ о Всестороннем региональном экономическом партнерстве — ВРЭП), ориентированное на Китай. Развивается китайский проект «один пояс и один Путь».

Это создает потенциал для формирования плотных кооперационных пространств, трансформирующихся в пространства безопасности. Между этими пространствами — напряженность.

- структурный вызов: ведущие страны мира ведут дело к новому перераспределению ролей и функций в глобальном разделении труда. Происходит новое перераспределение производственных потенциалов: реиндустриализация США, завершение «второй модернизации» Китая. Старый глобальный (дис-)баланс производства, сбережений, долгов и потребления — разрушен.

Велика вероятность новой волны (макро-)региональных конфликтов, сопровождающих дрейф «глобального центра силы» от США к Китаю

Ситуация чем-то напоминает первые 10–15 лет XX в. Есть Британия, «правлящая морями», которая контролирует мировые торговые пути и мировой торговый порядок, и есть новые игроки, имеющие более конкурентоспособное производство, правда, не глобальное. Заметим, что в тот раз все кончилось очень плохо.

Подводя итог, можно сказать, что вся эта пестрая картина содержит *два фокуса противоречий*.

Первый — глобальное/национальное, которое будет вытеснять мир в серию кризисов. *«Она [рецессия] действительно странная. Вспоминая русский язык, стоит говорить не о буквах латинского алфавита, а о какой-то Ш-образной кривой восстановления, если использовать русские буквы [в другом переводе — «если обратиться к безднам русского языка» — Д. Б.]... нас ждут какие-то «американские горки»... Это же война на истощение, поэтому наличие запасов — это важно».* Эти слова заместителя директора исследовательского департамента МВФ Антонио Спилимберго дорогого стоят. Никакого гладкого перехода к новой ситуации не будет и быть не может. Не будет устойчивого развития. Развитие будет, но неустойчивое, через серию кризисов и турбулентностей. Или не развитие, еще более неустойчивое.

И второй фокус — это вопрос, на который у нас нет ответа: человек — он субъект развития общества или объект приложения социальных технологий? Раньше нам казалось, что есть человек-субъект, к которому можно адресоваться, который что-то будет делать, меняя общество и себя самого. Сейчас мы видим, что человек — это то, что может быть легко трансформировано и управляемо, который может действовать во вред собственным интересам, в том числе социальным, и т. д. А это — совсем другая картина мира.

Мы вступаем почти в столь же значимое время, как первая половина XX в., которое надолго определит новый «порядок вещей». **Сегодня как в начале машинной эпохи, кто-то должен дать ответ на вопрос о месте человека в новом обществе и во взаимодействии с машинами, занимающими его место. Тот, кто его даст (хотя бы сформирует поиск ответов на новые вызовы) — получит влияние, превосходящее роль марксистского дискурса в XX в.** (которые, в общем-то, его и сформировали, в том числе через формирование оппонентов себе).

D.M. Belousov. Contradictions of the upcoming period: points for developing the agenda for medium- and long-term perspective.

Analysis of the economic and social situation allows for the conclusion that the world is entering an era of global instability and contradictions. There is clearly a crisis of compensatory and basic institutions. Humans cease to be the subjects of the historical process and instead are becoming the object of control. Contradictions are sharply increasing at different levels. We are witnessing the conflict between labor and capital related to the national nature of labor and the global nature of capital. Production, security and regional applied science are changing, but financial and institutional systems remain global. Information and trade wars are intensifying. During a multi-level crisis, it is difficult to predict what a new social order will be like, but the transition to it will be difficult and highly possibly rife with (macro-) regional conflicts.

Keywords: contradictions of the upcoming period, global instability, technological development, efficiency, competitive advantage, human as an object of social technologies.

*James K. Galbraith*¹

NEOCLASSICAL ECONOMICS IN A BIOPHYSICAL WORLD²

Biophysical principles underlie all living, mechanical and social systems. They provide a simple and compelling way to think about economics and political economy, underscoring the critical role of effective regulation in advanced systems, the trade-off between efficiency and resilience, and the economic consequences of the present pandemic.

Keywords: Biophysical Economics, Regulation, Resources, Resilience, Pandemic.

It is once again a pleasure to be invited to say a few words at the St. Petersburg Economic Congress. Especially at this moment in the relations between our countries it is vital to maintain and advance academic and scholarly debates, discussions and cooperation. I am especially happy to thank my friend Professor Sergey Bodrunov, for

¹ *James K. Galbraith*, teaches at The University of Texas at Austin (USA).

² Опубликовано в журнале «Экономическое возрождение России». 2021. №1(67). С. 103-108.

his many personal courtesies and generous references to the work of my father, and to express my appreciation also to my friend Aleksandr Buzgalin. I am proud to be an member of the Free Economic Society, and only regret that the circumstances of the pandemic make it impossible to join this meeting in person.

I was last in Russia in January, 2020, just a week before the lockdown in Hubei Province began the process of economic and social disruption that has challenged the entire world. We now have hope, if no certainty, that the global pandemic may be brought to heel over the next year by the dissemination of safe and effective vaccines. It may or may not happen, but our problem as economists is not there. Our problem is to assess the economic impact, and by extension the effect of these events on the structure of our ideas.

I have entitled my remarks «Neoclassical Economics in a Biophysical World» to place this immediate and practical concern in a broader and more theoretical context. It is hard to speak of neoclassical economics — the dominant strand in academic life — without caricature, since neoclassical economics is, basically, a caricature. But broadly we may identify two major strands of thought and their implications for economic analysis of the pandemic and its consequences.

The first, sometimes called «freshwater economics» in the United States, thanks to its base on the Great Lakes at the University of Chicago, is known generally as «market fundamentalism.» Russia has experience with this line of argument. Applied to the pandemic, the general theme is adjustment. Let consumers send market signals to stimulate the production of face masks and vaccines, let consumers make the trade-offs between their daily pleasures and the risk of death, let wages fall until the unemployed can find work again, let the market punish the weak and reward the strong. If you haven't been hearing these arguments lately, it's because the economists to whom they are native have decided that their best course at the moment is a prudent silence.

Pitted against this view in what amounts to a mock debate, sufficient for the purposes of mainstream economics to preserve the

illusion of discourse, we find the «flaws and frictions» analysis of the «saltwater economists.» These are so named by virtue of their coastal origins and strongholds in Cambridge, Massachusetts and Berkeley, California.

The saltwater economists modify market fundamentalism with a dose of regrettable «rigidities,» notably of wages and prices, so that the ideal state of flexibility leading to universal market-clearing does not arise. Since rigidities are difficult to abolish, the unhappy real world requires occasional «interventions» from government to help the economy «recover» and «get back to equilibrium.» In the most recent variation of the saltwater theme, we read of «multiple equilibria,» opening a path for interventions to move the economic system from a low-functioning to a high-functioning state — following which, presumably, the need for interventions will again recede.

A favorite policy concept of this crowd is «stimulus.» This is the idea that by handing out money one can make the wheels of commerce turn, and that the major if not the only absolutely necessary agency of government is a green cheese factory, otherwise known as a central bank. This faction has practical relevance in a neoliberal state where writing checks is the one bureaucratic function that cannot be degraded by privatization and deregulation. Sometimes this factions identifies with John Maynard Keynes, although in real life Keynes was a much more subtle, realistic, pragmatic and radical thinker.

With either faction, the common theme in neoclassical or mainstream thought is the existence of equilibria, of a point (or points) of balance between market forces, with the government in the background, an add-on, necessary only to clean up some odds and ends that the market is not structured to provide, as well as to enforce contracts and property rights. This is the economics of 18th century agriculture, of comparative advantage and free trade, of King Cotton and of the Fugitive Slave Law. It is a triumph of doctrine over history and common sense. Russians who survived the 1990s will recognize the genre.

Most important, mainstream economics descends from a tradition of pre-scientific thought, which emerged in the Enlightenment as

advanced spirits such as Hume and Smith struggled with the dead hands of church doctrine and feudal practice. The discipline still carries with it an aura of crusading virtue from those days, aimed at the perfection of human society along decentralized, competitive, commercial lines. The problem is that such a society, which has never actually existed, cannot actually exist. And the ideas that drive mainstream minds in this direction were superseded in the 19th century by the rise of evolutionary materialism, rooted in physics and biology, and in a never-ending process of irreversible changes conditioned by the arrow of time.

In the late 19th century the laws of thermodynamics captured the scientific world. My great-grandfather, Wilbur Olin Atwater, an early biochemist, relied on the First Law to develop the thermal calorimeter; his recognition was such that he was received by Tolstoy at Yasnaya Polyana. But these currents of thought and science passed economics by, and even so great an intellect as Nicolas Georgescu-Roegen [6], writing in 1971, could not inject them into mainstream economics. More recently, with the energy crisis augmented by recognition of climate change, a new effort has become imperative. This effort will not reform neoclassical economics, which is unreformable, but rather replace it with a mode of thinking that can actually illuminate the world in which we live.

A biophysical perspective (Chen and Galbraith [2–5]) admits that economic life is subject to the same physical laws as any biological or mechanical system. Resources must be extracted. Investment is necessary to do so efficiently. Scale, efficiency and fixed cost have a price — what they gain in productivity they lose in resilience. To be large is to be dangerous. To be large is, also, to be relatively fragile and endangered, subject to the possibility of collapse. The history of industrialization is full of examples, including railways, ocean liners, aircraft, dams, reactors, and much else besides. Nowhere in the world is this more clear than in the territories of the former USSR. It is the same, in the social sphere, for empires, from that of Rome to that of the United States.

Above all, the biophysical perspective calls attention to the role of regulation in any advanced system. Regulation is not an add-on

to a pre-existing, complex life form, machine, or economy. It is the precondition without which no such life form, machine or economy can exist. Regulation makes possible the sustained operation of any advanced system — not indefinitely, but for a longer time, and with greater success, than would otherwise be possible. Regulation mitigates the dangers. If you doubt the principle underlying this claim, stop taking your blood-pressure medicine, drain the oil from your crankcase, fire the air traffic controllers — and let your bankers regulate themselves. The result is always disaster, as the energy flowing through the system quickly exceeds the capacity of the materials from which the system is built to contain it.

The essential difference between an advanced and a developing country therefore does not lie in education or technology. Education can be poor in rich countries and it can be good in poor ones; production technologies can be transferred and plants located almost anywhere on the globe. The critical difference lies in the ability and will to regulate; that is, to develop and enforce standards, for quality, for safety, for the environment, and for wages. This was also the decisive difference between the West and the former socialist bloc; while the latter concentrated on efficiencies associated with the scale of production and the uniformity of the resulting products — from clothing and food to cars and housing — the latter regulated to improve quality, safety, and (through the design function of industrial corporations) also the diversity and aesthetic appeal of what was produced. Part of the great success of China in recent decades lies in the fact that it solved the quality and diversity problems of socialist production economies, initially *by importing standards* from its markets in the West. Quite simply, anything that could meet the regulatory standards of the most advanced Western markets could also be sold at home, raising the living standard of the Chinese people as a secondary effect.

A biophysical vision of the economy is evolutionary in a strict sense. It does not suppose an equilibrium disturbed from time to time by shocks. It does not suppose multiple equilibria that once achieved are locally stable. It does not suppose that corporations or other

business entities necessarily adapt to changing conditions or pass along acquired characteristics — an echo in economics of a genetic doctrine Russians will no doubt remember with distaste. Biophysical principles deny immortality, and accept that in the competition to survive, the young have an advantage over the old. They subsume the Second Law of Thermodynamics, to wit that the global entropy of the system is always increasing, and that local entropy may be controlled only by the introduction of new energy resources and the creation of new complex structures, represented by Professor Bodrunov's construction of «noonomy.» [1].

In all these respects, biophysical principles refute the central principles of the neoclassical mainstream. They refute the theological fantasy of a self-regulating market, like God Himself, millions of times faster and wiser than the quantum computer. They reject the ergodic hypothesis, according to which the future is a stochastic projection of the past. They reject the possibility of «rational expectations,» of making forecasts subject only to random and unbiased error. But they also refute the «flaws and frictions» approach, which consists of adding a few restrictions to (or relaxing a few assumptions of) the freshwater theology, in hopes of more closely approximating «the real world.» For biophysical economics, nothing short of a full transition from Linnaeus and Smith to Mendel and Darwin and their successors including Thorstein Veblen, John Maynard Keynes and John Kenneth Galbraith will do.

Let me bring this back to the pandemic and what it means for our economic future. It means, first, that the economy will not self-adjust. It means that the world *ex post* will not correspond in all respects to the world *ex ante*. Full recovery is not inevitable. Since there was no equilibrium before the pandemic, the situation in the past is not a realistic guide to the situation in the future. Returning to a path described by the economic statistics of recent is not a process that will occur on its own; nor will it necessarily be effected by the mere act of accelerating the *pace* of activity — the declared goal of a «stimulus» program. While passing out cash is useful — even necessary — in the short term, cash is not sufficient. More fuel it will

not by itself repair the damage to a broken engine or a worn-out transmission, any more than food is by itself a cure for infection or cancer.

It is a feature of the biophysical view, not incidentally, that each situation requires its own experts; there are no universal policy formulas in economic life, notwithstanding the repetitive prescriptions of the International Monetary Fund and itinerant professors with high-status academic appointments. I will therefore not try to comment on how the pandemic may affect the course of economic development and the evolution of social structures in Russia. That is a task for economists with far greater familiarity with the specific conditions in Russia. With respect to the economy of the United States, which I have been trying to observe closely, there are three principal specific concerns:

In the advanced sectors, such as aircraft and energy and information, and in investment sectors such as commercial and retail construction, the demand for product will not return to previous patterns or levels. This is an obvious consequence of vastly excessive supply and pandemic-induced obsolescence. For example, with a large share of airworthy civilian aircraft parked on the ground, new ones need scarcely be manufactured. Office buildings and retail malls are vacant and filling with dust and microbes, so new ones will not be built. The price of petroleum is about half of the lifting cost in the Permian Basin, so new fracking wells will not be drilled. And it appears that the future of American telecommunications hegemony rests on the ability of the state to crush a low-cost competitor from China, a proposition that is possible but far from assured. The capabilities that underlie these sectors, along with the biomedical sciences, are at the heart of the American position in the global economy. If the industries collapse, then the underlying capabilities will wither; they will fade out of existence and the people who presently animate those sectors will retire or turn to other activities, not using their training, talents and teamwork. To keep the capabilities, therefore it will be necessary to mobilize for some other uses, to use them for public and social purposes, and so to obtain a distinct social benefit from their

reinvention. Whether such a mobilization is possible in the present social conditions of the United States is an important, open question.

The services sectors employ many millions of less-skilled, less-interdependent workers; they are the main source of jobs and incomes in the United States, and have been for many years. In the United States, with a minor exception for industries attracted in recent years by the low cost of North American natural gas, all of the net gain in employment for twenty years or more has been in a vast complex of restaurants, bars, gyms, hotels, spas, resorts, leisure and business travel, nail and hair salons, massage parlors and tattoo shops, schools, office work and retail and the like. Profit margins in the services sector are low, but all services enterprises face fixed costs, in the forms of rent, maintenance, utilities and interest. To be profitable, they require a certain level of clientele, in many cases that the facilities be packed with people on certain days of the week or parts of the year. But public health has forced many businesses to shutter while others were obliged to operate far below their design capacity. Shuttering of some businesses creates blight, making entire districts unattractive and so less profitable for those who survive. In many cases, what was profitable before the pandemic is not profitable now and may well not become so again, even if the virus recedes over the next year or so.

What will happen is, of course, not entirely known. But full recovery of the services sector will face three obstacles. The first is a kind of doom loop: the fact that the clients of many services are the employees of other services, who will not resume their previous consumption habits until they are themselves re-employed. The second is the problem of blight: neighborhoods with shuttered and decaying storefronts and offices are less inviting for services and less profitable going forward. And their third is the possibility that habits changed in the pandemic may stay changed. For safety's sake, as Covid spread, middle class Americans retreated, by and large, to their homes, often in suburbs, where the instincts of an earlier generation had provided adequate equipment for cooking, entertainment and the raising of children. Some will emerge when the pandemic ends to resume the previous patterns of life, but others will not.

In short, to provide employment and to maintain the viability of the services sector after the virus recedes, new cooperative, public-private models will be necessary for private concerns. And to absorb those who may not be so easily re-employed, expanded public services and a job guarantee program will be necessary to provide jobs where the private forprofit sector fails to measure up. Conscious institutional design — and not market-clearing through ever-lower wage rates — will be required.

Finally, debts contracted under the old assumptions cannot and will not be paid in full under the new conditions, and the attempt to maintain them will act as a barrier to new economic activities. This is one of the oldest problems in economic dynamics. In good times, people take on debts — mortgages, rental contracts, utility obligations, car loans and in the US student loans and health care loans — all of which are non-contingent obligations. But the incomes that support those contracts are contingent — on personal good health, on economic conditions both local and national. The pandemic has disrupted the contingent incomes while leaving the non-contingent obligations intact.

For the moment, temporary deferrals, forbearance and a moratorium on evictions and foreclosures are keeping the debt problem under control. But when these provisional measures expire, a wave of obligations will come due, and many will be defaulted, with consequences for the credit ratings and future economic viability of the debtors, as well as for their immediate social welfare. There is no easy resolution here, since the viability of the system going forward also depends on the credibility of debt contracts. One cannot maintain a capitalist system if debts are routinely or frivolously excused. But one also cannot maintain the system under a crushing burden of unpayable debts. So it will be necessary to restructure, to writedown and to settle up a wide range of pandemic-induced debts, as fairly as possible to all parties involved, and to restructure the financial system as necessary to reflect the resulting improvement in the overall distribution of financial wealth.

In short, even though the Great Financial Crisis failed to dislodge neoclassical thinking from its death-grip on the academic mainstream,

the situation is even more serious today. The imperative is therefore all the greater. Each of these problems mentioned above attests to the relevance of a biophysical, evolutionary mindset, and to the irrelevance of the ergodic hypothesis and the neoclassical framework. Historical events have consequences. The future is not a predestined extension of the past. In the words of Omar Khayyam: «The moving finger writes, and having writ, moves on.»

Biophysical economics is, in short, a practical, common-sense analytical approach, rooted in reality, based on science, consistent with institutionalism, with my father's work on the corporation, with the work of this Congress and of Professor Bodrunov on noonomy.

May you prosper and succeed in your efforts to advance economics along these lines.

References

1. Bodrunov, Sergey (2018) *Noonomy*, Moscow, St. Petersburg, London, UK.
2. Chen, Jing and James K Galbraith, (2012b), «A Common Framework for Evolutionary and Institutional Economics,» *Journal of Economic Issues*, Vol XLVI No. 2, June, 419-428. DOI 10.2753/ JEI0021-3624460217
3. (2012a) «Austerity and Fraud under Different Structures of Technology and Resource Abundance,» *Cambridge Journal of Economics*, Volume 36 Issue 1 January, 335-343. doi:10.1093/cje/ ber027
4. (2011) «Institutional Structures and Policies in an Environment of Increasingly Scarce and Expensive Resources: A Fixed Cost Perspective,» *Journal of Economic Issues*, Vol. XLV No. 2 June, 301-309. DOI 10.2753/ JEI0021-3624450206
5. (2009) «A Biophysical Approach to Production Theory,» *UTIP Working Paper No. 55*, <http://utip.lbj.utexas.edu>, Feb. 1, 2009.
6. Georgescu-Roegen, Nicholas, (1971) *The Entropy Law and the Economic Process*, Cambridge: Harvard University Press.

Д.К. Гэлбрейт.³ Неоклассическая экономическая теория в биофизическом мире. Биофизические принципы лежат в основе функционирования всех биологических, механических и социальных систем. Они подчеркивают определяющую роль эффективного регулирования в системах, построенных на базе последних технических достижений, важность компромисса между эффективностью и устойчивостью к внешним воздействиям и значение экономических последствий текущей пандемии и таким образом дают возможность простого и наглядного подхода к осмыслению экономики и политэкономии.

Ключевые слова: биофизическая экономика, регулирование, ресурсы, устойчивость, пандемия.

³ Джеймс К. Гэлбрейт, заведующий кафедрой правительственных и деловых связей им. Ллойда М. Бентсена-мл. Школы по связям с общественностью им. Линдона Б. Джонсона и профессор государственного управления Техасского университета в Остине (США).

*Г.Б. Клейнер*¹

ДЕКОММЕРЦИАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА — УСЛОВИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ²

Показано, что движение к коммерциализации всего и вся отдаляет экономику от экономики знаний и тем более от экономики интеллекта; что коммерциализация, заменившая все иные ценностные установки, стала тормозом на пути позитивного развития общества. Выявляются негативные последствия гиперкоммерциализации, определяются пути и методы декоммерциализации значительной части экономической деятельности в России. Сформулированы задачи реконструкции экономической теории и экономической политики, направленные на исправление сложившегося перекоса.

Ключевые слова: коммерциализация, интеллектуализация, декоммерциализация, гиперкоммерциализация, экономика, бизнес.

¹ *Георгий Борисович Клейнер*, заместитель научного руководителя Центрального экономико-математического института РАН, заведующий кафедрой системного анализа в экономике Финансового университета при Правительстве РФ, член-корр. РАН, д-р экон. наук, профессор.

² Опубликовано в журнале «Экономическое возрождение России». 2021. №1(67). С. 23—30.

Одна из основных задач фундаментальной экономической науки — приоткрыть завесу, отделяющую будущее от настоящего; выявить и оценить тенденции и закономерности, определяющие характер траектории движения из прошлого в будущее. Многообразие аспектов этого будущего раскрывается в таких междисциплинарных концепциях, как ноономика — интегрированное представление о развитии общества, технологии, культуры, ценностной структуры, основанное на преобладающей роли знаний как всеобъемлющей среды жизнедеятельности общества в целом и каждого индивида в частности [1].

Как показано в [6], по мере продвижения к экономике знаний, развитию информационных цифровых технологий, общему усложнению технологической структуры, созданию ценностей все более заметное место в составе ресурсов производства начинает занимать интеллект. Это подводит общество к стадии интеллектуальной экономики, опирающейся на экономику знаний. В интеллектуальной экономике интеллект играет роль основного фактора и результата созидательной деятельности разнообразных социально-экономических систем — индивидуального производителя, предприятия, отрасли и т.п. На пути к интеллектуализации общества существует ряд барьеров, связанных с психологическими и поведенческими установками участников экономической деятельности. В первую очередь это установка на обязательную коммерциализацию результатов деятельности. Стремление к тотальной коммерциализации отдаляет экономику от экономики знаний и тем более от экономики интеллекта. По существу, эта установка заменила собой все иные ценностные установки и стала тормозом на пути позитивного развития общества.

1. «Очевидное — (не)вероятное»

Противопоставление очевидного, т. е. непосредственно, без усилий воспринимаемого органами чувств, и вероятного

(включая невероятное как частный случай вероятного), воспринимаемого благодаря усилиям интеллекта, имеет важную проекцию на деятельность экономических систем, в частности предприятий. Очевидным и ощутимым результатом профильной деятельности предприятия является товарная продукция, производимая для продажи на рынке. Вместе с тем деятельность предприятия порождает целый ряд благ, не подлежащих в обычной ситуации обмену (продаже).

Необходимо обращать особое внимание на создаваемые, но не продаваемые ценности. На каждом коммерческом предприятии эта сфера достаточно широка. Предприятие создает ментальные модели; культурные образцы и ценности; институты; знания; товары; имитационные и исторические кейсы [4].

Из этого списка коммерческими являются, как правило, только товары, хотя остальные виды продуктов также находятся в обращении и необходимы для существования предприятия и экономики в целом. Здесь прослеживаются различия между *продаваемым* и *создаваемым*. Ярким примером создаваемых нетоварных, по существу, благ являются публикации научных статей и книг, осуществляемые отдельными исследователями, группами соавторов, научными организациями. Отметим, что предпринимаемые сейчас попытки стимулировать повышение числа и качества научных публикаций с помощью их специальной оплаты руководством научно-образовательных организаций, на наш взгляд, малопродуктивны, поскольку указанные организации не являются рыночными потребителями научной продукции. К числу создаваемых предприятием благ относится широкий спектр информации о поведенческих характеристиках предприятия. Некоммерческая сфера любого предприятия шире, а порой и важнее коммерческой в долгосрочной перспективе. Это обстоятельство необходимо учитывать при разработке стратегии предприятия.

В деятельности предприятия возникает широкая сфера нетоварного маркетинга, т. е. маркетинга продукции предприятия, не имеющей коммерческого характера. Эта сфера смы-

кается с пространством взаимоотношений между предприятием и обществом (public relations), а в некоторых случаях и со сферой отношений между предприятием и административно-управленческой средой (government relations). Всю деятельность такого рода охватывает понятие «маркетинг взаимоотношений», получившее в последнее время широкое распространение как важнейшая концепция взаимодействия предприятия с его окружением.

В целом, коммерческая составляющая взаимодействия предприятия с окружающей средой может рассматриваться как своеобразная тень («коммерческая тень») общего массива благ, создаваемых предприятием. «Коммерческая тень» не должна занимать приоритетное место в объеме продукции, создаваемой на предприятии.

Различия между продаваемым и создаваемым можно проследить на примере ресурсов и способностей предприятия как факторов его производственно-хозяйственной деятельности. Оба эти фактора необходимы для успешной работы предприятия: способности определяют возможности предприятия эффективно использовать свои ресурсы, а ресурсы представляют собой сферу реализации способностей предприятия. При этом ресурсы являются предметом обращения, в том числе коммерческого; способности предприятия в общем случае не могут быть проданы и не являются предметом обращения. Тем не менее они могут стать предметом развития или могут быть индуцированы благодаря взаимодействию данного предприятия с другими [4]. Таким образом, ресурсы и результаты труда могут быть естественным путем вовлечены в процесс коммерциализации, в то время как к вовлечению способностей в коммерческие процессы следует относиться с осторожностью: непосредственная ориентация способностей на достижение коммерческого успеха может привести к снижению уровня или даже к утрате способностей. Можно констатировать, что развитие экономики движется в направлении от *экономики ресурсов* к *экономике способностей*.

Процессы коммерциализации имеют циклический характер. Во время военного коммунизма (1918–1921 гг.) значительная часть экономики работала вне сферы коммерции. Период нэпа (1921–1924 гг.), характеризовавшийся резким усилением коммерциализации, сменился многолетним периодом натурализации — развития экономики на базе натуральных показателей. Поиски баланса между коммерческой и некоммерческой сферами народного хозяйства активизировались с середины 1960-х до начала 1990-х гг. Резкий рост коммерциализации в 1990–2000 гг. захватил не только реальное производство, но и сферу науки, образования, искусства. В силу неконтролируемой инерции тенденция расширения коммерческой сферы продолжается до настоящего времени. Вместе с тем заметно и укрепление некоммерческой сферы. Об этом свидетельствуют такие явления, как волонтерство, спонсорство, благотворительность, правозащитная и природоохранная деятельность, семейное опекунство и т.п. Распространение в компаниях практики стратегического планирования также можно отнести к некоммерческим явлениям. Основой стратегии компании, как известно, служит ее миссия, понимаемая как предназначение компании в деловой, административной, социальной и иных средах. Очевидным образом миссия компании не может быть выражена в коммерческих терминах. Соответственно стратегия предприятия также не может быть полностью сосредоточена на коммерческой сфере.

Еще более быстрыми темпами растет некоммерческая сфера в развитых западных странах. Здесь можно отметить такие примеры, как передача крупных состояний на благотворительные цели вместо их передачи по наследству (Б. Гейтс, У. Баффет, К. Слим, Дж. Сорос и др.); краудсорсинг; ориентация на усиление социальной ответственности компаний; реализация масштабных некоммерческих проектов типа строительства андронного коллайдера и т. д. Пол Самуэльсон описывал соотношение между коммерческим эгоизмом и некоммерческим альтруизмом экономических агентов следую-

шим образом: «По мере того, как общество продолжает комфортно обустраиваться, оно может позволить себе неприязнь к чисто денежным мотивациям, основанным на своекорыстии. В наши дни новая граница в изучении политической экономии пролегает поблизости от этих очень важных нематериальных аспектов человеческого существования. Ценности выживания противостоят взаимный альтруизм ... Заботы о других человеческих существах — вот что, в конце концов, можно считать хорошим бизнесом и хорошей экономикой» [7].

2. Угрозы и риски гиперкоммерциализации российской экономики

Неоднократно отмечалось, что траектория экономического и социального развития России носит зигзагообразный характер [3]: двигаясь в том или ином избранном стратегическом направлении, общество доводит данную траекторию до физического предела, после чего откатывается в противоположном направлении, вновь подходя через какое-то время к физическому пределу. В настоящее время мы приближаемся к стадии гиперкоммерциализации, несущей угрозу свертывания необходимой для экономики некоммерческой, в том числе неприбыльной, сферы. Проявлениями гиперкоммерциализации являются: сокращение горизонта планирования; инфляция; тотальная монетизация при неустойчивости валют; рейтинго-мания; пространственно-временная экономическая близорукость субъектов экономики и экономики в целом; демотивация участников экономической деятельности; низкая эффективность и в конечном счете неконкурентоспособность экономики. Гиперкоммерциализация способствует таким негативным явлениям, как монопродуктовая структура экономики; рост масштабов коррупции; неравенство доходов населения; моральная деградация; снижение интеллектуального уровня;

ущерб сферам фундаментальной и прикладной науки, образования и культуры. Гиперкоммерциализированная экономика — это экономика однообразия (однородности), поскольку в ней сравнимыми являются практически все виды благ. Напротив, гипокommerциализированная экономика — это экономика разнообразия, обусловленного наличием значимого количества не сравнимых специализированных благ. Соответственно, коммерциализированная экономика является однокритериальной, а интеллектуализированная — многокритериальной, при этом из ассортимента продуктов коммерциализированной экономики вымываются относительно дешевые продукты, в первую очередь результаты интеллектуальной деятельности.

Теоретическая база гиперкоммерциализированной экономики представлена концепцией монетаризма, согласно которой основным фактором экономической активности является объем вложенных финансовых средств, а основным результатом этой активности — объем денежных средств, полученных от коммерческой реализации созданного продукта. В рамках этой концепции сравнение затрат и результатов легко осуществляется с помощью показателя прибыли — разности между объемами полученных и затраченных денежных средств. Фактически здесь реализуется концепция редукционизма — сводимости измерения всех ресурсов и продуктов, факторов и результатов экономической деятельности. Нельзя не заметить, что способности предприятия как фактор его деятельности фактически исключаются из рассмотрения. Подобным образом приращение способностей исключается из состава результатов деятельности предприятия.

Таким образом, значительная часть экономики остается вне рассмотрения экономической теории, вне сферы статистического наблюдения и, как следствие, вне сферы управления экономикой. В работе [5] было предложено решать указанную проблему, базируясь на достижениях культурологии — самостоятельной дисциплины, профессионально изучающей культуру, накопившей мощный аппарат для определения не ком-

мерческой, а культурной ценности самых различных артефактов и процессов [2]. Возникают перспективы создания *культурономики* — науки о производстве, распределении, обмене и потреблении благ на основе соизмерения их культурной ценности. Это позволило бы совершить прорыв в область ценностного описания экономики и включения ценностных ориентиров в непосредственную экономическую жизнь. Экономическая теория, основанная на соизмерении культурных ценностей, могла бы стать альтернативой монетаристской экономической теории применительно к процессу становления и развития экономики знания.

Если на стадии экономики знаний основным ресурсом и результатом экономической деятельности является знание, то на следующей стадии основным фактором и результатом производства становится интеллект. При этом под интеллектом следует понимать способность человека, коллектива и общества выявлять возникающие проблемы и находить пути их решения [6]. Интеллект становится драйвером перехода от имеющегося знания к новому знанию через осознание незнания. Естественный интеллект, искусственный интеллект, социальный интеллект объединяются в понятие *системного интеллекта*.

Соответственно, основным результатом деятельности производителя является приращение его знаний и интеллекта, которые транслируются в сферу знаний и интеллекта потребителя. Если воспользоваться популярным в России в период перехода к рынку образом «рыбы и удочки», то объектами трансакции в экономике постзнаний являются и рыба (знание), и удочка (интеллект). При этом знания играют роль предмета труда, а интеллект — средства труда. Таким образом, постзнание — это комплекс, состоящий из предмета труда и средства труда, причем, в отличие от предыдущих стадий экономики, предмет и средства труда находятся в тесном взаимодействии и в большинстве случаев неотторжимы. Это обусловлено тем, что процессы создания и потребления новых единиц знания неразрывно связаны с процессами приращения интеллекта:

без обновленного интеллекта невозможно создание и использование нового знания.

Хотелось бы выделить еще одно существенное различие между коммерческой и интеллектуальной экономикой. Ориентирами движения субъектов коммерческой экономики и экономики в целом являются, как правило, планово-прогнозные цели, формулируемые обычно в виде уровней финансовых показателей, подлежащих достижению. В интеллектуальной экономике ориентиры задаются в форме качественных характеристик, определяющих смыслы подлежащих достижению результатов. (Смысл определяет включение данного результата в пространственно-временной социально-экономический контекст). Таким образом, коммерческую экономику можно назвать экономикой целей, а интеллектуальную — экономикой смыслов (речь идет в первую очередь о смыслах новых знаний).

В итоге мы видим, что процессы коммерциализации и интеллектуализации экономики имеют противоположную направленность. Коррелируют же процессы декоммерциализации и интеллектуализации, а также коммерциализации и деинтеллектуализации.

Все это говорит о том, что продолжение экономической политики, направленной на всеобщую коммерциализацию, все больше отдаляет нас от экономики знаний и, как следствие, от интеллектуальной экономики.

3. Декоммерциализация России как проект

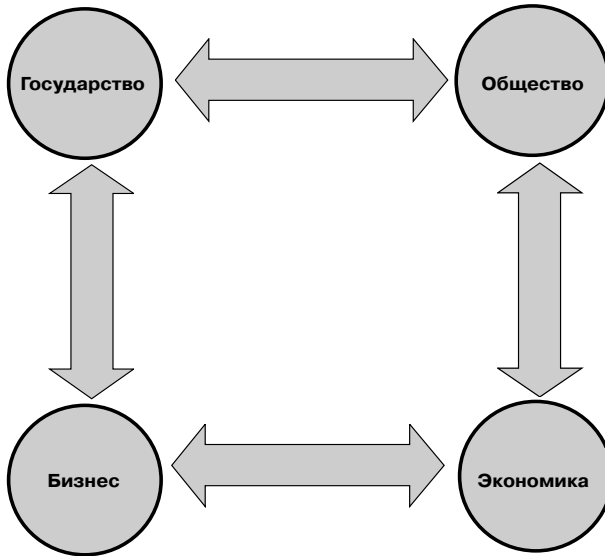
Логика развития общей экономической теории в течение последних десятилетий привела к формированию направлений, обосновывающих отказ от расширения и углубления чисто рыночных принципов хозяйствования (коммерциализации) в пользу более полного учета принципов справедливости, нравственного долга перед обществом и каждым его членом (де-

коммерциализация). Квинтэссенция этих концепций может быть названа *парадигмой декоммерциализации*.

Кардинальная и бескомпромиссная коммерциализация российского общества, осуществлявшаяся в 1990-х гг., стала результатом социального проекта, задуманного и осуществленного реформаторами. Декоммерциализация также должна стать предметом общенационального проекта, который в отличие от проекта коммерциализации должен носить эволюционный характер и начинаться с пересмотра психологических установок общества, организации, индивида. По отношению к предприятиям ориентация на коммерческий успех должна постепенно заменяться принципами ответственного социально-экономического поведения, корпоративного гражданства и социальной справедливости.

Исходным посылом на пути декоммерциализации должен стать пересмотр взглядов на структуру общества. Традиционно оно рассматривается как совокупность трех взаимодействующих подсистем: государства, бизнеса и населения. Однако понятие *бизнес* при более внимательном рассмотрении распадается на два ключевых компонента: а) собственно бизнес как сфера аккумуляции средств и вложения их в разнообразные социально-экономические проекты с целью получения дохода (в том числе дивидендов от вложенных средств); б) собственно экономика как сфера реализации процессов и проектов производства, распределения, обмена и потребления благ. Персональным социальным представителем первой сферы является бизнесмен, а второй — специалист народного хозяйства (возможны и совмещения, однако функционально деятельность и психология этих представителей отчетливо различаются: деятельность бизнесмена носит проектный характер, специалиста народного хозяйства — процессный характер). Наиболее значимые взаимоотношения между государством, социумом, экономикой и бизнесом отражены на рисунке.

Разумеется, отделение бизнеса от экономики имеет не только мировоззренческое, но и прикладное значение. Требует

Базовая конфигурация общества

пересмотра система социально-экономического мониторинга, законодательства, многих подзаконных нормативных актов; тем не менее реформирование экономики в данном направлении — это своего рода императив. В настоящее время взаимосвязи бизнеса и экономики не являются равноправными: общественная сила бизнеса намного превосходит возможности общественного влияния экономики. Зачастую своекорыстный бизнес не только не содействует, но и препятствует развитию экономики. «Смертельные объятия», в которых бизнес сжимает экономику, должны быть как можно скорее разомкнуты.

Основные мероприятия проекта «Декоммерциализация» включают в себя следующие меры:

- институциональное отделение бизнеса как сферы аккумуляции и инвестирования средств от экономики (в узком смысле) как сферы производства и потребления благ, вклю-

чая соответствующие формальные и неформальные институты;

- создание отдельных систем горизонтального и вертикального представительства в органах законодательной и исполнительной власти для бизнеса (в собственном смысле слова) и экономики (в собственном смысле слова);
- изменение пропорций между материальными и моральными стимулами на всех уровнях управления. Восстановление роли моральных стимулов и общественных оценок результатов труда;
- демонетизация (натурализация) льгот. Речь идет об операции, обратной монетизации;
- укрепление института репутации и престижа как факторов кумулятивной оценки результативности трудовой деятельности индивида, хозяйственной деятельности организации.

Тридцатилетний период развития коммерциализации в стране подходит к своему естественному завершению. На смену ему должен прийти период постепенной декоммерциализации. При этом ни коммерциализация, ни декоммерциализация не могут рассматриваться как самостоятельные цели социально-экономических преобразований: и то, и другое являются средствами поступательного развития экономики и общества России.

Список литературы

1. *Бодрунов, С.Д.* Ноономика / С.Д. Бодрунов. — М.: Культурная революция, 2018. — 432 с.
2. *Запесоцкий, А.С.* Теория культуры академика В. С. Степина / А.С. Запесоцкий. — СПб.: СПбГУП, 2010. — 112 с.
3. *Клейнер, Г.Б.* Институциональные факторы долговременного экономического роста / Г.Б. Клейнер // Экономическая наука современной России. — 2000. — № 1. — С. 5–20.

4. *Клейнер, Г.Б.* Институты как социально-экономические системы / Г.Б. Клейнер // Институциональная экономика: развитие, преподавание, приложения: материалы Междунар. конф. (17 — 18 ноября 2009 г.): в 2 вып. — Вып. 1 / Федеральное агентство по образованию; ГОУВПО «Государственный ун-т управления». — М.: ГУУ, 2009. — С. 81–90.
5. *Клейнер, Г.Б.* Парадигма декоммерциализации: глобальные императивы и национальные интересы / Г.Б. Клейнер // Современные глобальные вызовы и национальные интересы: XV Международные Лихачевские научные чтения (14–15 мая 2015 г.). — СПб.: СПбГУП, 2015. — С. 103–106.
6. *Клейнер, Г.Б.* Интеллектуальная экономика нового века: экономика постзнаний / Г.Б. Клейнер // Экономическое возрождение России. — 2020. — № 1 (63). — С. 35–42.
7. *Самуэльсон, П.* Экономика / П. Самуэльсон. — М.: НПО «Алгон», 1992. — С. 367–370.

G.B. Kleiner³. Decommmercialization of society as a prerequisite for intellectualization of the economy.

The article shows that the movement towards total commercialization of «everything and everyone» is moving the economy away from the knowledge economy and the economy of intelligence. The orientation towards commercialization has outgrown reasonable limits, has replaced all other value attitudes, and has become a brake on the path of a positive development of society. The negative consequences of hyper-commercialization are revealed. The ways and methods of de-commercialization of a significant part of economic activity in Russia are determined. The tasks of the reconstruction of economic theory and economic policy aimed at correcting the current imbalance are formulated.

Keywords: commercialization, intellectualization, de-commercialization, hyper-commercialization, economics, business.

³ *Georgy B. Kleiner*, Deputy Scientific Advisor, Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of System Analysis in Economics, Financial University under the Government of the Russian Federation.

*Е.Б. Ленчук*¹

О КАЧЕСТВЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ²

Анализируются основные недостатки и ошибки реформ, проводимых в последние 30 лет в сфере управления научно-технологическим комплексом России, которые привели к хроническому недофинансированию науки, снижению научно-технологического потенциала, системному разрыву между наукой и производством. В результате отечественная наука перестала быть ведущей производительной силой, обеспечивающей динамичное развитие страны, ее глобальную конкурентоспособность и безопасность. Рассмотрены основные направления совершенствования системы государственного управления научно-технологическим развитием, способные вывести этот процесс на более высокий качественный уровень.

Ключевые слова: научно-технологическое развитие, инновационное развитие, государственное управление, реформа науки.

¹ Елена Борисовна Ленчук, директор Института экономики РАН, д-р экон. наук.

² Опубликовано в журнале «Экономическое возрождение России». 2021. №1(67). С. 31–38.

С момента развала СССР, когда Россия проиграла научно-технологическую гонку, ситуация в этой сфере практически не изменилась. Мы по-прежнему наполняем бюджет за счет сырьевых ресурсов, хотя постоянно говорим о необходимости перехода к инновационной модели развития, о важности технологического рывка, освоения самых передовых технологий новых технологических укладов, цифровизации экономики. Эта риторика звучит и в выступлениях Президента РФ³. За последние 20 лет мы приняли целый ряд программных документов в сфере развития науки и инноваций, в рамках которых заявлены амбициозные цели по поддержке науки, укреплению научно-технологического потенциала, формированию национальной инновационной системы. Тем не менее серьезных успехов в научно-технологическом развитии нам достичь не удалось. Сегодня можно говорить о точечных успехах страны в ряде научных направлений и в отдельных сегментах технологий, преимущественно в военной сфере.

За последние 30 лет научно-технологический фактор так и не стал драйвером экономического развития, и к 2020 г. мы так и не преодолели стагнационные тренды в экономике и зависимость от экспорта энергоресурсов. В 2020 г. Россия столкнулась с новыми вызовами — пандемией коронавируса и резким падением цен на нефть. В таких условиях курс на научно-технологическое развитие становится безальтернативным, когда речь идет о скорейшем восстановлении устойчивой динамики экономического роста, решении проблем, связанных с пандемией коронавируса.

Чтобы поставить правильный диагноз нашей застарелой болезни, посмотрим на некоторые показатели в этой сфере (рис. 1). Последние 20–30 лет, к сожалению, приводят нас

³ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.03.2018 // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42902>; Указ Президента Российской Федерации от 07 мая 2018 года №204. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027>.

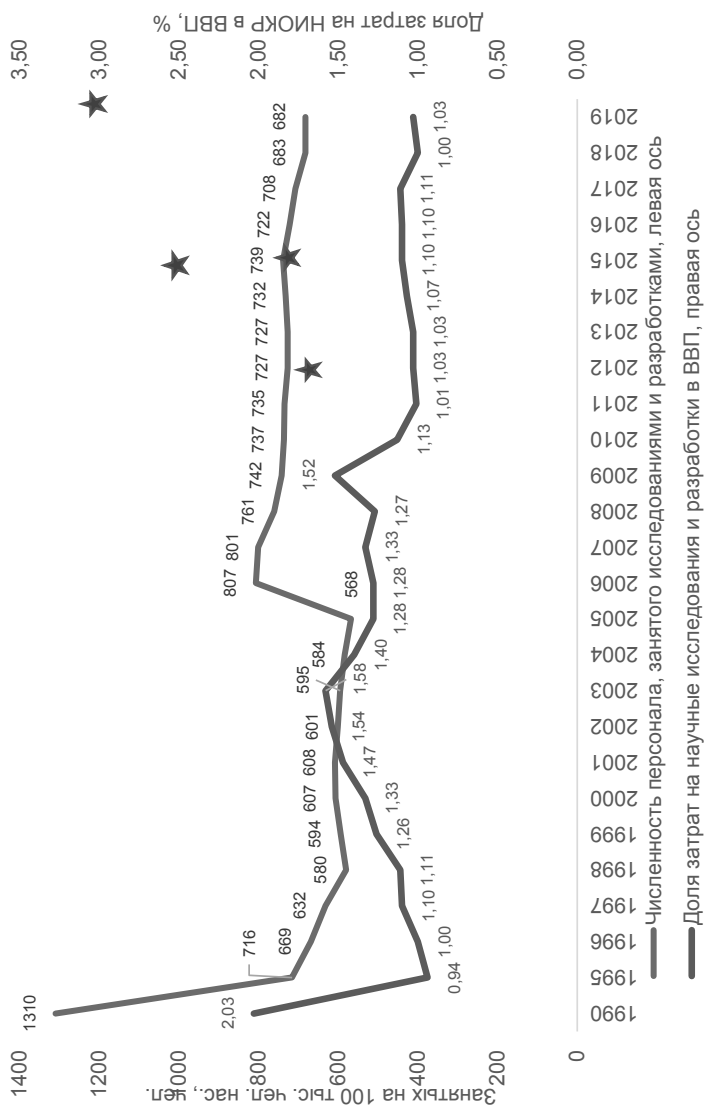

Рис. 1. Динамика изменения доли внутренних затрат (1) на исследования и разработки ВВП и численности персонала (2), занятого исследованиями в 1990–2019 гг. (источник: Росстат)

к неутешительным выводам, свидетельствующим, что государство оказалось не способным проводить эффективную научно-технологическую политику, направленную на превращение науки в производительную силу общества, а научно-технологического фактора в ключевой в обеспечении высокой динамики экономического роста.

Анализ статистических данных свидетельствует, что за прошедшие 30 лет беспрецедентно сократилось финансирование науки. Доля внутренних затрат на НИОКР в ВВП крайне низка (находится примерно на одном уровне), не выполняется ни один целевой показатель, установленный Стратегией Российской Федерации в области развития науки и инноваций на период до 2015 года (1,8% — инерционный сценарий или 2,5% ВВП — целевой); Стратегией инновационного развития России до 2020 г. — 2,5...3% ВВП к 2020 г.; Указом Президента РФ №599 — 1,77% к 2015 г.; Стратегией научно-технологического развития РФ — 2% ВВП к 2035 г.

Постоянное недофинансирование науки ведет к постепенному сворачиванию исследований в области перспективных научных направлений. Выступая на заседании комитета Госдумы РФ в ноябре 2020 г., Президент РАН академик А. М. Сергеев заявил, что мы больше не можем конкурировать в космосе с ведущими в этой области державами, поскольку финансирование космической науки в России в 60 раз меньше, чем научных проектов NASA в США. В рамках Федеральной космической программы планировалось за 2016–2025 гг. выйти на финансирование 12...15 млрд рублей в год под задачи научного космоса, но на деле мы видим, что к 2022 г. финансирование работ должно упасть до 2,9 млрд рублей⁴.

Постоянно недофинансируются проекты в других областях науки, особенно в фундаментальных исследованиях. Реализация проектов «Мегасайнс» затягивается, они устаревают и становятся

⁴ <https://www.mk.ru/science/2020/11/25/glava-ran-zayavil-o-potere-rossiey-kosmosa.html>

не интересными не только мировому научному сообществу, но и нам самим. В условиях недофинансирования отечественная наука теряет главное богатство — интеллектуальный капитал, который плавно перетекает на Запад. Быстро восполнить эти потери невозможно в силу специфики научного труда, постепенного приобретения исследовательских навыков и сложности адаптации в науке специалистов из других сфер экономики [1, с. 30].

В последнее время кадровый потенциал беспрецедентно сокращается. Напомним, что Россия единственная страна из G-20 шла по пути сокращения количества занятых в науке (рис. 2). За прошедшие 30 лет численность занятых в сфере НИОКР сократилась в два раза. И сегодня по количеству ученых Россия уже давно не является лидером, в шесть раз уступая Китаю и в два раза США.

Согласно данным табл. 1 и 2, результативность НИОКР и основные показатели инновационной деятельности остаются на устойчиво низком уровне, динамика из года в год практически не меняется. Уровень инновационной активности и доля нашей страны в мировой торговле высокотехнологичной продукцией также остаются крайне низкими.

Представленные в табл. 2 данные свидетельствуют, что в стране сложилась критическая ситуация с развитием научных исследований и инноваций, осуществлением технологической модернизации производства, связанной с переходом к новому технологическому укладу. Причины — хроническое недофинансирование развития науки, разрушение кооперации науки и производства, старение научных кадров и «утечка мозгов». Во многом они являются следствием приватизации, которая привела к разрушению отраслевого сектора прикладной науки [2, с. 18–19].

Вместе с тем все системные ошибки кроются прежде всего в системе управления научно-технологическим развитием в России, и допущены они были государственной властью. Поэтому очень важно вскрыть все эти провалы, чтобы оценить — куда и как двигаться.

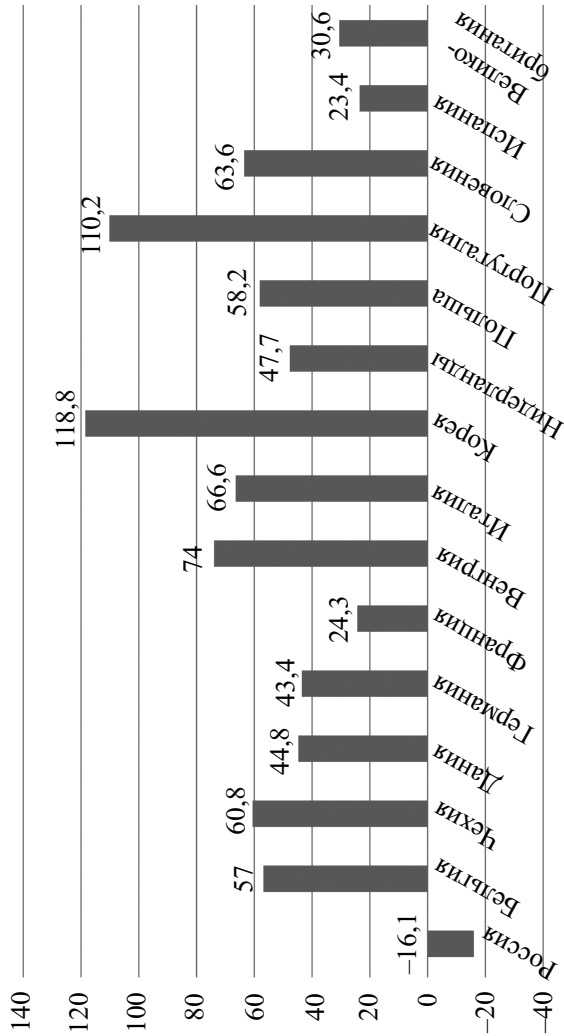

Рис. 2. Изменение численности персонала, занятого в сфере НИОКР в 2018 г. по сравнению с 2005 г., % (источник: Доклад РАН «О реализации государственной научно-технической политики в Российской Федерации за 2019 г.», М.: ИПРАН РАН, 2019)

Таблица 1

Результативность исследований и разработок 2018 г.

Страны-лидеры	Позиция в рейтинге по топ-15 странам по числу статей в научных изданиях, индексируемых в Scopus	Число статей в научных изданиях, индексируемых в Scopus	Удельный вес в общемировом числе статей в научных изданиях, индексируемых в Scopus, %	Число патентных заявок на изобретения	Удельный вес в общемировом числе патент- ных заявок, %
Китай	1	473 278	22,7	1 460 244	43,9
США	2	446 415	21,4	515 180	15,5
Великобритания	3	138 621	6,5	56 216	1,7
Германия	4	121 499	5,8	180 086	5,4
Индия	5	108 290	5,2	30 036	0,9
Япония	6	92 355	4,4	460 369	13,8
Франция	7	82 621	4,0	69 120	2,1
Италия	8	78 197	3,7	32 286	1,0
Канада	9	76 787	3,7	24 483	0,7
Австралия	10	73 585	3,5	12 261	0,4
Испания	11	70 581	3,4	10 292	0,3
Республика Корея	12	68 658	3,3	232 020	7,0
Россия	13	66 602	3,2	30 289	0,9
Бразилия	14	63 399	3,0	6 859	0,2
Иран	15	50 567	2,4	12 074	0,4

Источник: Индикаторы науки: 2020: стат. сб. / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2020, С. 21.

Таблица 2

Сравнительная характеристика некоторых показателей научно-технологического развития России и стран-лидеров

Показатель	Россия	Страны-лидеры
Затраты на НИОКР, % ВВП (2018 г.)	0,99	Израиль — 4,94; Южная Корея — 4,53; Тайвань — 3,46; Швейцария — 3,37
Внутренние затраты на фундаментальные исследования, % к ВВП (2018 г.)	0,15	Швейцария — 1,29; Южная Корея — 0,68; Франция — 0,54; США — 0,76
Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, % (2018 г.)	8,5	Норвегия — 71; Бельгия — 68; США — 65; Финляндия — 65
Объем высокотехнологичного экспорта, млрд долл (2018 г.)	10,2	Китай — 739,9; Германия — 207,0; США — 156,4; Сингапур — 155,4
Число патентных заявок, поданных национальными заявителями в стране и за рубежом (2018 г.)	30289	Китай — 1460244; США — 515180; Япония — 460369; Южная Корея — 232020
Производительность труда за один чел.-ч (2016 г.)	23,8	Страны ОЭСР — 52,0; в том числе США — 70,3; Франция — 67,6; Германия — 69,6

Источники: Индикаторы науки: 2020: стат. сб. / Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский, Е. И. Евневич [и др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2020. Режим доступа: <https://www.hse.ru/primarydata/in2020>; World Development Indicators 2018. Режим доступа: <http://wdi.worldbank.org/table/5.13>

Истоки лежат в реформах научной сферы, проводившихся в начале нулевых годов, когда наука была выведена из реального сектора экономики и отнесена к сектору услуг [3, с. 5], когда вместо Министерства промышленности науки и технологий было создано Министерство образования и науки как федеральный орган исполнительной власти, ответственный за формирование научно-технической политики. По сути, с этого момента образовался разрыв в управлении наукой и инновационной деятельностью, который повлек за собой крайне негативные последствия.

Был взят курс на переход на англосаксонскую модель организации науки — перенос фундаментальных исследований в университеты. В 2013 г. академические институты были выведены из юрисдикции РАН, а сама РАН впоследствии была лишена функций управления фундаментальными научными исследованиями, а потом и проведением самих исследований. Все функции, включая определение направлений научных исследований, были переданы в административные органы управления. Вообще, наши высшие органы власти постоянно пытаются копировать и имплементировать в систему управления наукой западные институты без продуманной работы и оценки того, насколько нам подходит тот или иной институт; без учета огромного опыта и накопленных традиций в той или иной области. Так, у нас в стране исторически сложилась академическая модель организации науки, опорным каркасом которой стали сформированные академическим сообществом исследовательские институты, ориентированные на комплексное изучение отраслей и основных направлений фундаментальной науки [3].

Отрыв науки от реального сектора экономики привел к разрыву инновационной цепочки: фундаментальная наука — прикладные разработки — производство. Сегодня в системе управления научно-технологическим развитием продолжает сохраняться системный разрыв между наукой и реальным сектором производства.

Если во всем мире технологический фактор определяет конкурентоспособность и процветание страны и активно реализуется курс на новую индустриализацию на основе передовых технологий четвертой промышленной революции, то в России практически нет субъекта управления этим процессом. Кто занимается технологиями и инновациями? Кто определяет ключевые приоритеты и ключевые технологии, необходимые стране для обеспечения структурной перестройки и технологической модернизации? Эти проблемы не решают ни Минэкономразвития, ни Минпромторг, ни Министерство цифрового развития России. Министерство науки и высшего образования как отраслевое решает в основном задачи развития науки и образования [4, с. 132]. Более того, получив в качестве подведомственных организаций большое число академических институтов и вузов, Миннауки успевает лишь решать хозяйственные дела своих «подведомственных» и разрабатывать самые немыслимые целевые показатели для оценки их деятельности вместо того, чтобы прорабатывать вопросы формирования эффективной научно-технологической политики, обеспечивающей высокий уровень конкурентоспособности страны.

Сегодня можно только гадать, для чего нам нужно биться за публикации в журналах, индексируемых в международных системах Web of Science and SCOPUS, вместо того чтобы создавать научно-технологические заделы для освоения новых рынков и скорейшего преодоления высокой степени импортозависимости в технологиях и оборудовании для развития собственных производств.

Как отмечает академик С. Ю. Глазьев: «...в отсутствие координирующего органа созданные в целях стимулирования инновационной активности институты (РВК, Роснано, фонды финансирования научных исследований и др.) работают исходя из своих ведомственных и субъективных интересов, не неся ответственности за результаты своей работы. Следствием этого является неэффективность использования государственных средств, хронически низкая инновационная активность, на-

растающее технологическое отставание и продолжающаяся деградация экономики» [2, с. 19].

Обозначенные в стратегии научно-технологического развития целевые установки в основном связываются с ростом интеллектуального потенциала нации и не направлены на превращение научно-технологического фактора в драйвер развития экономики, в фактор ее роста и повышения конкурентоспособности. В стратегии не нашлось ответа на вопрос, какие ключевые технологии и под какие ключевые задачи мы должны сегодня развивать.

Безусловно, чтобы Россия смогла задействовать научно-технологический фактор в качестве драйвера экономического роста, необходимо кардинально повысить качество управления этим процессом по следующим основным направлениям:

1. Особое внимание должно быть уделено созданию целостной системы организации научных исследований, прикладных разработок и инновационной деятельности, научно-технической экспертизы, что предполагает не только налаживание их организационного взаимодействия, но и единой сквозной системы планирования научной и научно-технической деятельности.

2. Необходимо, наконец, определить субъект управления научно-технологическим развитием, способный формировать и реализовывать научно-технологическую политику в контексте перехода к новой модели развития. Такие функции может выполнять только надведомственный орган, действующий под руководством заместителя Председателя Правительства РФ, прототипом которого является ГКНТ.

3. Следует усилить и вывести на качественно новый уровень процесс целеполагания в стране и обеспечить содержательное сопряжение целей, задач и индикаторов Стратегии научно-технологического развития со Стратегией социально-экономического развития в долгосрочной перспективе, с последующей их конкретизацией в целях и задачах документов планирования и программирования.

4. Если страна хочет оставаться цивилизованной, то она должна формировать другие приоритеты бюджета и наращивать финансирование в сфере НИОКР. Альтернативы сохранению высокой доли бюджетного финансирования НИОКР у нас нет, поскольку к настоящему времени в стране не сформировано достаточное количество крупных научно-технологических компаний, готовых инвестировать в науку.

5. Следует восстановить статус Российской академии наук не только как высшей научной и экспертной организации страны, но и как самостоятельной научной организации, осуществляющей управление и проведение научных исследований, прежде всего фундаментальных, которые будут определять нашу технологическую конкуренто-способность в 10...15-летней перспективе.

Все это требует продуманных реформ управления научно-технологическим развитием, успех которых обеспечит превращение науки в ведущую производительную силу, поставленную на службу человеку, обществу и экономике.

Список литературы

1. *Черных, С.И.* Государственное управление российской наукой в условиях больших вызовов / С.И. Черных // Инновации. — 2020. — № 2. — С. 29–36.
2. *Глазьев, С.Ю.* О создании систем стратегического планирования и управления научно-техническим развитием / С.Ю. Глазьев // Инновации. — 2020. — № 2. — С. 14–23.
3. *Онищенко, Г.Г.* Научно-технологическое развитие России в контексте достижения национальных целей: проблемы и решения / Г.Г. Онищенко, Е.Н. Каблов, В.В. Иванов // Инновации. — 2020. — № 6. — С. 3–16.
4. *Ленчук, Е.Б.* Научно-технологическое развитие как фактор ускорения экономического роста / Е.Б. Ленчук // Научные труды Вольного экономического общества России. — 2020. — Т. 222, № 2. — С. 126–134.

E.B. Lenchuk⁵. On the quality of public administration of research and technology development. The article analyzes the main shortcomings and mistakes carried out in the past three decades of reform in the management of Russian scientific and technological complex, which led to the chronic underfunding of science, reducing the scientific and technological potential, the systemic gap between science and production. As a result, our science is no longer a leading productive force for the dynamic development of the country, its global competitiveness and security. The author considers the main directions of improvement of public administration system for scientific and technological development that can bring this process to a higher level of quality.

Keywords: scientific and technological development, innovative development, public administration, science reform.

⁵ *Elena Lenchuk*, Director, Institute of Economics of the RAS, D. Sc. Econ.

*Я.М. Миркин*¹

ТРАНСФОРМАЦИЯ В СОЦИАЛЬНУЮ РЫНОЧНУЮ ЭКОНОМИКУ — МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ ДЛЯ РОССИИ?²

Раскрываются цели, условия и механизмы трансформации российской модели в социальную рыночную экономику. В качестве целей объявлены продолжительность и качество жизни, сверхбыстрый рост экономики, технологическая модернизация. Даны количественные параметры указанных целей. Объяснены необходимые изменения моделей коллективного поведения населения и российской элиты как условие такой трансформации. Представлены на обсуждение этапы трансформации: 1) расширенное вмешательство в экономику государства развития для устранения деформаций и запуска сверхбыстрого роста; 2) нормализация. Раскрыта формула трансформации — содержание экономической, финансовой, административной политики, ведущей к созданию в России социальной рыночной экономики.

¹ *Яков Моисеевич Миркин*, зав. отделом международных рынков капитала Национального научно-исследовательского института мировой экономики и международных отношений РАН им. Е. М. Примакова, д-р экон. наук, профессор.

² Опубликовано в журнале «Экономическое возрождение России». 2021. №1(67). С. 48—53.

Ключевые слова: государство развития, модернизация, политика сверхбыстрого роста, продолжительность жизни, социальная рыночная экономика, экономика развития, экономическое чудо.

«Социальная рыночная» — это экономика, подчиненная реализации трех целей: а) увеличение продолжительности и улучшение качества жизни; б) рост экономики; в) технологическая модернизация. Ее еще нужно строить в России.

Каковы **цели** такой **трансформации**? Доля среднего класса — выше 70% (схоже с Германией, Австрией, Чехией — континентальной моделью рыночной экономики). «Благосостояние для всех» — читаем Людвиг Эрхарда. Англосаксонская и азиатская модели нам не подходят, таковы исторические корни (традиции и ценности населения, степень его мобильности, инновационности, принятия рисков). Как вариант — шведская модель.

Количественные цели трансформации могут быть выделены в следующих областях: а) продолжительность жизни, демография; б) благосостояние, условия жизни.

В части ожидаемой продолжительности жизни **цель** — не ниже 80 лет (для 2020 г. — примерно 30...35-е место в мире, уровень Чехии). Сегодня — 72,5...73 года (100...104-е место в мире). При этом (еще одна цель) переход к расширенному воспроизводству населения (аналог — Чехия). Реальность иная — человеческое опустынивание в регионах, сжатие его в крупнейших городах, в «человейниках». Ежегодная «естественная убыль» в России достигает нескольких сот тысяч человек.

Укрупненная **цель** в части **благосостояния** — ВВП на душу населения (по номиналу) не ниже 25 тыс. долларов (для 2020 г., уровень Чехии — Испании, в России — Москва как нижняя точка отсчета). Примерно 30-е место в мире. Реальность (2020 г.) — 61-е место в мире (9,9 тыс. долларов — ниже, чем в Малайзии).

Еще одна **цель** — **выравнивание условий жизни** по всей территории России (в той мере, в какой позволяет климат). «Малоэтажная Россия», «Свой дом» как основа жизни. Прекратить сверхконцентрацию населения и активов в Москве (прежде всего), Московской области, Санкт-Петербурге и нескольких крупнейших городах. Осуществить массовую модернизацию (до современного уровня) любой инфраструктуры, обслуживающей население.

Необходимые условия трансформации

Все, что с нами происходит, социальные, экономические и политические структуры, которые мы выстраиваем, — функция от моделей коллективного поведения: а) населения, б) элиты в широком смысле (1...5% населения), в) узкой группы лиц, принимающих ключевые решения на макроуровне.

Изменения таких моделей — необходимые условия эволюции нынешней системы в социальную рыночную экономику в России.

Население. Вместо прикреплённости, вертикальной зависимости, «влюблённости» в государство и крупнейший бизнес (80...85% населения) как способов защитить себя — усиление независимости, рисков, мобильности, экономической самостоятельности в коллективной модели поведения, приращение имущества, успешности семьи на несколько поколений вперед — в центре жизнедеятельности («обогащайтесь», «свой дом», «своя семья», «все для них», «сам себе хозяин»).

Возможно ли? Модели коллективного поведения меняются, как только начинают изменяться целеполагание (не на словах, а на деле) и вектор экономической политики государства. Доказано международной практикой (Южная Корея, Китай, отчасти страны Восточной Европы).

Элита. Вместо холодного управления людьми «как расходуемыми ресурсами» (что в российской традиции), вместо при-

ватизации государства и подмены общих интересов мифами и / или частными целями — «новый курс», «новая экономическая политика», в основе которой — «благосостояние для всех» [1, 2, 5]. Жизнь по Людвигу Эрхарду — ясно выраженная любовь к собственному народу в центре экономической и социальной политики.

Возможно ли это? Имена известны — Людвиг Эрхард, Дэн Сяопин, Ли Куан Ю. «В моей должности я вынужден выполнять... специфическое задание. Это задание сводится к тому, что необходимо заставить народное хозяйство выявить столько энергии и показать столько достижений в производительности, чтобы люди могли жить без нужды и забот, чтобы они получили возможность приобретать имущество и становиться благодаря этому независимыми, чтобы они имели возможность в большей степени раскрыть свое человеческое достоинство. Именно тогда они не будут зависеть от милости других, а также и от милости государства» [5, с. 218].

В такой реальности личная цель политиков — бытие народа «без нужды и забот», рост имущества российских семей, независимость каждого, человеческое достоинство.

Этапы

1 — переход от стагнации и огосударствленной, тупиковой модели экономики к реструктурированию экономики, экономической либерализации, сверхбыстрому росту («экономика развития», «государство развития», «центральный банк развития», «минфин развития» и т.п.). Смысл первого этапа — в операционном вмешательстве государства, в том, чтобы исправить деформации в экономике, подчинить любые экономические и административные инструменты повышению качества и продолжительности жизни, росту, модернизации.

По сути, это форсаж, хирургическая операция над экономическим организмом, который настолько деформирован, что

уже не поддается амбулаторному лечению. Именно так и происходило во всех случаях «экономического чуда» — либо в жесткой форме (азиатские страны), либо в более мягкой (послевоенная Европа, Израиль) с учетом исходного уровня благосостояния и модели коллективного поведения населения [3, 4].

2 — нормализация, переход к свободному рыночному плавлению при сокращении объемов вмешательства государства. Тем не менее роль государства в экономике останется более высокой, чем в англосаксонской модели.

Параметры социальной рыночной экономики (этап нормализации)

Макроэкономические параметры. Доля государства (с учетом контролируемого бизнеса) — не выше 20...25% (сегодня — выше 50%). Доля среднего и малого бизнеса в ВВП — до 40...50% (сегодня — 21...22%). Универсальная экономика вместо преимущественно сырьевой. Сырье в экспорте составляет не больше 30...40%, машины и оборудование — до 15...20%. Зависимость от высокотехнологичного импорта — не выше 30...40%, от импорта непродовольственных товаров народного потребления — до 25...35%. Поддержание конкурентной среды — приватизация в пользу среднего класса (не крупнейших собственников), создание квазирыночной среды внутри крупнейших компаний с государственным участием. Потребление государства — до 14...15% ВВП (сегодня — 18,5%).

Финансовые параметры. Налоговое и квазиналоговое бремя — не больше 40...42% ВВП. Госдолг — до 35...40% ВВП (безопасный уровень). Насыщенность деньгами (монетизация) и кредитами — не ниже 90...100% ВВП (в Китае — за 200%) при уровне процента до 3...4% по коммерческим ссудам. Капитализация рынка акций — до 90...100% ВВП. Инфляция — до 2...3%. Регулятивная нагрузка — в половину нынешней. Инвестиции, накопление основного капитала — 24...25% ВВП (сейчас — 22%, в Китае — выше 40%).

Должна быть завершена децентрализация финансовых ресурсов, прекращено «денежное опустынивание» регионов, завершён переход к истинной федерализации бюджетной системы (значимый рост доли доходов бюджетов, оставляемых на местах).

Особенности параметров в период «экономики развития» (сверхбыстрого роста): налоговая и квазиналоговая нагрузка — 31...32% (в сочетании с сильными стимулами роста и модернизации) + умеренно ослабленный рубль (в 2020 г. — 75...77,6 рублей за доллар) + норма инвестиций, позволяющая быстро расти, в 28...32% ВВП (в Китае — 44...46%).

Политика сверхбыстрого роста

Международная практика [3,4] обнаруживает сотни экономических и административных инструментов, формирующих «чудо» сверхбыстрого роста и модернизации. Они хорошо известны, и макроэкономический инженер всегда создаст такой их набор, который лучше всего отвечает условиям России. Вместе с тем все они должны укладываться в единую политику, в «формулу сверхбыстрого роста», которая приведена ниже.

Формула сверхбыстрого роста

Экономическая либерализация

- «финансовый форсаж» (рост монетизации, насыщенности кредитами и финансовыми инструментами, «приводящими» инвестиции, при значимом снижении процента и сокращении инфляции; умеренно слабый курс национальной валюты, сокращение субсидирования процента и бюджетных преференций в этой сфере, создание механизмов «проталкивания» кредитов в реальный сектор, в жилищную ипотеку и другие сферы инвестиций населения)

- регулирование счета капитала «рыночными методами» (дестимулирование вывоза капитала и кэрри-трейдинга)
- снижение налоговой нагрузки до 31...32% ВВП (при максимуме стимулов бизнесу за рост, модернизацию и импортозамещение (на мировом уровне), населению — за инвестиции в качество жизни)
- максимум стимулов для прямых иностранных и долгосрочных портфельных инвестиций
- рост торгового протекционизма (стимулирование переноса производства в Россию вместо экспорта в Россию, торговые и неторговые барьеры)
- «распечатывание» до 30...40% резервов (Фонд национального благосостояния, международные резервы (валюта и золото в части, не относящейся к ФНБ) для размещения в инвестиции внутри страны (включая закупки технологий и оборудования))
- выделение «бюджетов развития» в составе консолидированного бюджета (в увязке с национальными проектами); рост инвестиционной составляющей при повышательной динамике цен на нефть
- программа крупных общественных работ по модернизации инфраструктуры жизни населения, прежде всего в центральной части России + в 7...10 крупнейших очагах населения
- национальная программа дешевой ипотеки «Свой дом, своя земля» (при дешевой раздаче — покупке земли, финансирование строительства собственных домов и малоэтажного строительства)
- программа инвестиций / выравнивания уровня жизни для 15...20 регионов, являющихся «зонами национального бедствия»
- замораживание цен и тарифов, устанавливаемых/регулируемых государством по формуле «инфляция минус»
- «большой взрыв» в создании конкурентной рыночной среды (реальность антимонопольного контроля, в том

числе в части цен, разгосударствление, широкая программа приватизации в интересах среднего класса, создание квазирыночной среды в крупных компаниях с государственным участием)

Административные меры

- «новый курс», «новая экономическая политика» как решение «сверху»
- создание администрации развития (с особыми полномочиями, отделенной от правительства и выполнения функций, связанных с текущей деятельностью)
- макроэкономическое программирование (точки сверхбыстрого роста)
- сокращение регулятивного бремени минимум на 50...60%, значимое устранение в нем «репрессивного уклона» (законотворчество, надзор, суды, правоприменение)
- замораживание внешнеполитических конфликтов, усиление «экономического эгоизма» в системе международных отношений России, подчинение глобальных целей России интересам роста качества и продолжительности жизни российского населения как первостепенным

= Итого

- рост нормы накопления до 30...32% ВВП
- темпы роста экономики от 4...5% и выше, ее масштабная реструктуризация на основе популярных решений, меняющих модели коллективного поведения населения и элиты
- прекращение/замедление вывоза людей, капиталов, других ресурсов; возникновение центростремительного движения к России; упрочение ее социальной стабильности; снижение политических рисков страны; удлинение инвестиционных горизонтов; создание основ для массовых прямых

иностранных инвестиций и трансфертов технологий из-за рубежа.

Миф или реальность?

Постановка вопроса о «политике сверхбыстрого роста», о «новой экономической политике» — это идеализм в условиях современной России, то же самое, что «построить мост из Петербурга в Москву»? Нам заранее известно, что такой поворот невозможен? Или все же он может стать реальностью?

Нужно помнить, что это техническая задача, которую решили после второй мировой войны 15...20 стран, совершив собственное «экономическое чудо». Задача решалась при многих политических, социальных и экономических деформациях, часто в условиях, в которых такая политика могла бы показаться невозможной. Но она осуществилась.

Что нужно, чтобы она стала реальностью? Ключевое условие — «переворот в головах» элиты, изменение идеологии, которой она придерживается.

Так бывает? Ответ — «да».

Формула новой идеологии проста: «продолжительность и качество жизни населения + государство развития + социальная рыночная экономика» как основа основ для решений, принимаемых на макроуровне.

Список литературы

1. *Дэн Сяопин*. Основные вопросы современного Китая / Д. Сяопин. — М.: Прогресс, 1988.
2. *Ли Куан, Ю.* Сингапурская история. 1965–2000 гг. Из третьего мира — в первый / Ю. Ли Куан. — М.: «МГИМО-Университет», 2010.

3. *Миркин, Я.* Механизмы стимулирования сверхбыстрого роста: мировая практика / Я. Миркин, Т. Жукова, К. Бахтараева, А. Комова. — М.: Магистр, 2018.
4. *Миркин, Я.* Финансовые стратегии модернизации экономики: мировая практика / Я. Миркин [и др.]. — М.: Магистр, 2014.
5. *Эрхард, Л.* Благополучие для всех / Л. Эрхард. — М.: Дело, 2001.
6. *Yanvry, A. de.* Development Economics: Theory and Practice / A. de Yanvry, E. Sadoulet. — New York: Taylor & Francis Ltd, 2015.

Y.M. Mirkin³. Transformation into a Social Market Economy — Myth or Reality for Russia?

The article reveals the goals, conditions and mechanisms of transformation of the Russian model into a social market economy. Life expectancy, quality of life, super-fast economic growth, technological modernization were announced as goals. The quantitative parameters of these goals are given. The necessary changes in the models of collective behavior of the population and the Russian elite are explained as a condition for such a transformation. The stages of transformation are presented for discussion the first, intensive intervention in the economy by the «development state», in order to eliminate deformations and launch superfast growth, the second stage is normalization. Revealed the transformation formula — the content of economic, financial, administrative policies leading to the creation of a social market economy in Russia.

Keywords: development state, development economics, economic miracle, life expectancy, modernization, social market economy, super-fast growth policy.

³ *Yakov M. Mirkin*, Doctor of Economics, Prof., Head of International Capital Markets, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations.

В.В. Окрепилов, А.Д. Шматко¹

**ГЕНЕЗИС КАЧЕСТВЕННО НОВЫХ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ
И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ
В ПРОЦЕССЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ
ТРАНСФОРМАЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА
КОНЦЕПЦИИ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
НА ПЕРИОД ДО 2030 ГОДА)²**

Технологические трансформации инновационного развития требуют переосмысления существующих инновационных стратегий на федеральном и региональном уровнях, перевода их на качественно новый уровень социально-экономических и общественных отношений, сконцентрированных на повышении качества жизни. Обеспечить учет всех разнообразных факторов инновационного развития позволяет экономика качества, располагающая на осно-

¹ *Владимир Валентинович Окрепилов*, научный руководитель Института проблем региональной экономики Российской академии наук, академик РАН, д-р экон. наук, профессор; *Алексей Дмитриевич Шматко*, директор Института проблем региональной экономики Российской академии наук, д-р экон. наук, профессор.

² Статья подготовлена по результатам ФНИ по Программе фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013–2020 гг.

ве метрологии, стандартизации и управления качеством всеобъемлющим арсеналом методов и инструментов исследования для разработки и оценки эффективности инновационных стратегий.

Ключевые слова: инновационное развитие, экономика качества, качество жизни, концепция научно-технологического развития

Введение

Существующая в настоящее время в РФ ориентация на развитие элементов инновационной инфраструктуры недостаточна для формирования необходимых для инновационного развития экономических механизмов. Даже более широкая концепция национальной инновационной системы (НИС) не охватывает всего проблемного поля и не решает весь спектр проблем формирования экономической среды инновационного развития, что нашло отражение в реорганизации институтов инновационного развития в России в ноябре 2020 года.

Регионы РФ с наиболее высокой концентрацией научно-технического, производственного и образовательного потенциалов остаются основой развития НИС. Это определяет актуальность исследования территориальных факторов и закономерностей развития научно-инновационного пространства и формирования на этой основе региональных концепций научно-технологического развития.

В целом международная практика свидетельствует, что именно на региональном уровне формируются условия, от которых зависит успешность реализации стратегий инновационного развития. Опыт инновационного развития свидетельствует о том, что обеспечение связности региональных инновационных систем лежит в основе его успешности.

Результаты и обсуждение. Среди ключевых проблем развития инновационного сектора и формирования качественно новых социально-экономических и общественных отношений

в процессе технологических трансформаций не решена важнейшая проблема функционирования эффективных связей между сектором науки и производства, которые могут быть созданы при активном участии государства как координатора инновационных процессов, создателя и регулятора национальной инновационной среды, что должно найти отражение в региональных концепциях научно-технологического развития³. Для формирования эффективных связей в системе «государство — наука — производство» необходимо внедрять на федеральном и региональном уровнях новые организационно-управленческие решения и механизмы, способствующие тесному и эффективному взаимодействию всех субъектов национальной инновационной системы (НИС) — научных организаций, вузов, предпринимательства и государственных структур.

Важным направлением исследований при этом становится выявление характеристик институциональной среды, необходимых для реализации эффективной промышленной отраслевой политики, региональных концепций научно-технологического развития. Также важным аспектом успешного проведения инновационной стратегии является позитивное отношение общества — восприятие большинством экономических субъектов и населения страны отраслевой политики в качестве составной части стратегии, направленной на расширение экономических и социальных возможностей развития и, в конечном счете, их благосостояния.

Вместе с тем, необходимо учитывать, что изменения в экономических связях и действующих хозяйственных механизмах управления инновационной деятельностью, обусловленные

³ Кузнецов С.В., Горин Е.А. Инновационный процесс в экономике Санкт-Петербурга: стимулирующие и сдерживающие факторы// Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития, 2017, № 3-4 (56-57). С. 39-50.

последствиями новой коронавирусной инфекции (COVID-2019), в значительной степени влияют на их результативность.

В настоящее время направлением качественно новых социально-экономических и общественных отношений в процессе технологических трансформаций выступает использование современных информационных и коммуникационных технологий во всех сферах деятельности и, в частности, формирование Индустрии 4.0 на основе цифровой трансформации. Цифровая трансформация промышленности является условием использования передовых производственных технологий (ППТ). Технологические возможности развития новых видов услуг в сфере логистики, бизнеса и производства также определяются процессами цифровизации.

При этом важны принципиальные различия как между процессами оцифровки и цифровой трансформации, так и между прорывными и радикальными технологиями. Цифровая трансформация, в отличие от цифровизации, — это не просто автоматизация в форме внедрения цифровых технологий в существующую систему управления. Она требует и, в свою очередь, вызывает изменения в структуре и культуре управления, стратегиях развития, а также, еще более радикальные изменения, связанные с инновационным развитием — созданием абсолютно новых продуктов, видов услуг и сервисов, новых отраслей промышленности в соответствии с региональными концепциями научно-технологического развития.

Анализ практики инновационного развития зарубежных стран показал, что наиболее адекватной формой взаимодействия участников инновационного процесса: государства, малого, среднего и крупного бизнеса, научно-образовательных структур и др., являются инновационные кластеры. Именно инновационные кластеры обеспечивают реализацию нелинейных инновационных моделей, поскольку эффективные вертикальные и горизонтальные связи между его участниками оптимизируют весь инновационный цикл, способствуют эффективному распределению функций меж-

ду субъектами, обеспечивают рост показателей эффективности инноваций⁴.

Переход к кластерному типу организации инновационного развития экономики, включая сектор образования и его предпринимательскую составляющую, обуславливает необходимость развития методологии управления кластерами, которая существенно отличается от традиционной методологии управления вертикально-интегрированными сложными системами. Преимущественно горизонтальные типы связей внутри кластера требуют применения методологии субъект-субъектного управления, точнее субъект-субъектной координации.

Субъект-субъектное управление представляет собой управление самоорганизующимися системами, в которых нет централизованного органа управления. Следовательно, управляться такие системы должны через координационные органы с равным представительством в них всех участников.

Многочисленные исследования показывают наличие тесных взаимосвязей между устойчивым развитием регионов, качеством управления их экономикой и наличием региональных программ инновационного развития. Инновационное развитие, основанное на технологических трансформациях социально-экономического пространства, обеспечивает значительную часть роста валового регионального продукта и оказывает непосредственное влияние на качество жизни населения региона. В то же время, широкий круг проблем инновационного развития отрицательно сказывается на политической обстановке, экономической активности и повседневной жизнедеятельности людей, усиливает традиционно высокую дифференциацию российских регионов. Неравномерность регионального развития определяет потребности в формировании эффективной государственной политики по устранению реги-

⁴ *Андрейковец И.Н., Кудряшов В.С., Шматко А.Д. Формирование инновационных кластеров: анализ существующего опыта и перспективы // Журнал правовых и экономических исследований. 2012. № 1. С. 168-171.*

ональных различий в качестве жизни населения. Поэтому один из наиболее востребованных подходов к анализу социально-экономической дифференциации территорий базируется на оценке качества жизни населения.

Проблематика качества жизни актуальна постольку, поскольку качество жизни является индикатором общественного благосостояния. Более чем полувекковая история развития понятия создает хорошую основу для его полезного использования. Качество жизни является предметом научных исследований, целью и предметом управления развитием регионов.

Выступая как ключевой фактор социального устройства общества, качество жизни предопределяет постановку соответствующих задач макроуровня: оценки социально-экономических преобразований, уровня социальной напряженности, получения целостной картины развития региона, развитие инновационных технологий и т.д.

Существует много трактовок понятия «качество жизни», что связано с множественностью подходов к анализу его содержания. Приведем одно из самых точных, на наш взгляд, определений. Качество жизни — это оценочная категория, которая обобщенно характеризует параметры всех составляющих жизни человека: его потенциала, жизнедеятельности и условий жизнедеятельности, по отношению к стандарту или эталону, который выработан и институционализирован обществом и (или) существует в индивидуальном сознании человека⁵.

Развитие методологического аппарата и инструментов измерения качества жизни в отечественной и зарубежной науке и практике показывает, что качество жизни на протяжении последнего столетия превратилось из стихийного в управляемый процесс. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что в условиях инновационной экономики основу разработки прин-

⁵ *Окреплов В.В., Гагулина Н.Л.* Развитие оценки качества жизни населения региона // Журнал экономической теории. — 2019. — Т. 16. — № 3. — С. 318-330.

ципиальных подходов к уточнению роли инструментов экономики качества в оценке качества жизни населения региона составляет система управления качеством.

Исходя из принципов системного подхода, ранее нами показано, что региональная система управления качеством является многоуровневой, так как распространяется на макро-, мезо- и микроуровни экономического взаимодействия (рис. 1).

Рис. 1. Уровни функционирования системы управления качеством

Такая система включает в себя составляющие, позволяющие учитывать потребности населения региона и оценивать степень их удовлетворения; отслеживать и своевременно реагировать на изменения в отношениях между государством, бизнесом и обществом.

Многоуровневая система управления качеством позволяет обеспечить последовательный рост благосостояния населения, эффективное воспроизводство и модернизацию производства, повышение инвестиционной привлекательности региона и даль-

нейшее развитие рыночных механизмов хозяйствования, укрепление конкурентоспособности, повышение качества жизни населения.

Место показателей качества жизни в рамках структуры многоуровневой системы управления качеством показано на рис. 2.

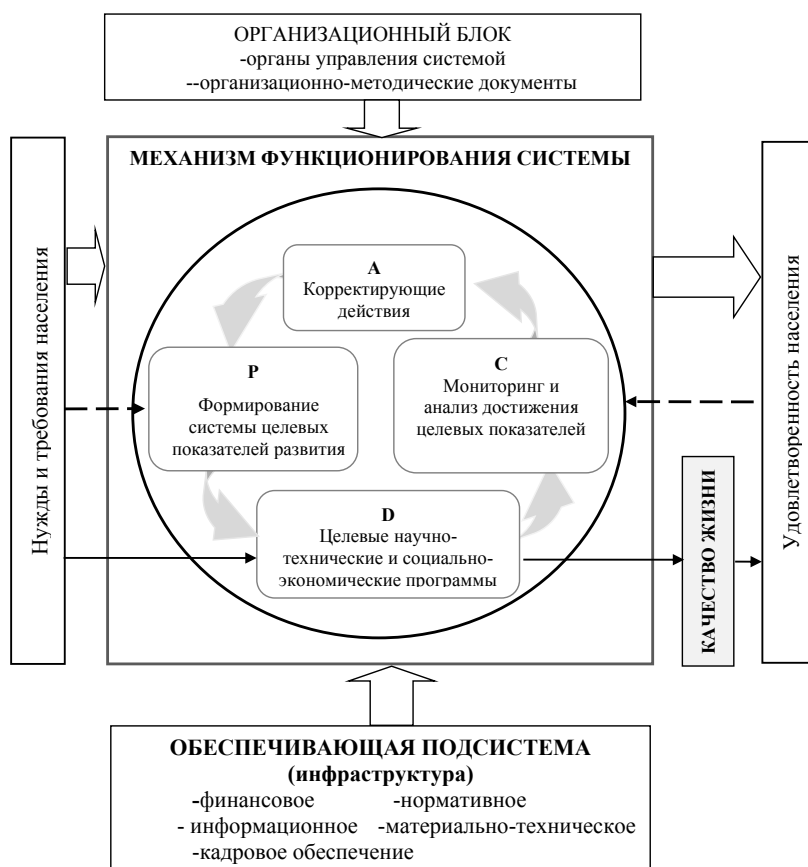

Рис. 2. Структура многоуровневой системы управления качеством

Управление качеством жизни на базе многоуровневой системы управления качеством можно назвать системным управлением, поскольку показатели качества жизни при этом органично вписываются в систему стратегических приоритетов и текущих показателей деятельности социально-экономической системы региона.

Необходимое качество жизни обеспечивается в процессе выполнения цикла PDCA, составляющего основу механизма функционирования системы. Показатели качества жизни находятся под управлением на каждом этапе цикла PDCA: и на этапе определения целевых показателей развития экономики региона, и на этапе реализации целевых программ и разработок, и в связи с мониторингом и анализом целевых показателей, и при выполнении корректирующих действий.

Системное управление качеством жизни призвано обеспечить условия для повышения качества жизни населения региона посредством нормативно-целевого подхода. Как показывает практика, это необходимое, но не достаточное условие достижения высокого качества жизни. Поэтому целесообразно задействовать внутрисистемные механизмы, широкий круг проблем инновационного развития должен решаться именно на региональном уровне. Это особенно справедливо в отношении такой крупной страны с резко различающимся уровнем развития регионов, как Российская Федерация. Управление региональным экономическим развитием должно базироваться не на отдельных единичных проектах, а на долгосрочных комплексных программах развития, интегрирующих синергетические эффекты, возникающие между отдельными направлениями.

В Институте проблем региональной экономики Российской академии наук сформирован новый методологический подход к управлению качеством жизни населения в регионах, сконцентрированный на оптимальном сочетании методов экономики качества и экономико-математического моделирования в стратегическом управлении экономикой региона, разрабо-

тано методологическое обеспечение измерений качества жизни, которое открывает новые возможности в области моделирования управления качеством жизни.

В рамках вышеуказанного представляется крайне важно обратиться к проекту Концепции научно-технологического развития Санкт-Петербурга на период до 2030 года, разработка которой началась по инициативе Научно-технического совета, поддержанной Губернатором города. Концепция разработана в полном соответствии с национальными целями России и стратегическими приоритетами развития Санкт-Петербурга.

Ее осуществление должно создавать условия для достижения генеральной цели Стратегии развития Санкт-Петербурга 2035 — «обеспечение стабильного улучшения качества жизни горожан и повышение глобальной конкурентоспособности Санкт-Петербурга на основе реализации национальных приоритетов развития, обеспечения устойчивого экономического роста и использования результатов инновационно-технологической деятельности».

Концепция имеет принципиально важное значение не только для будущего Санкт-Петербургской науки, но и для долгосрочного развития всего комплекса экономики и социальной сферы Санкт-Петербурга. Именно достижения в сфере науки, техники и технологий все в большей степени определяют общественный прогресс, позволяют ускорить решение самых актуальных и сложных проблем.

Работа над Концепцией совпала с началом периода дополнительных сложностей в осуществлении стратегии устойчивого развития, вызванных пандемией коронавируса. Сегодня у нас есть понимание, что этот период не будет кратковременным и существенно скажется на динамике социально-экономических показателей. В этих условиях тем более важно изыскивать резервы, чтобы компенсировать возникающие потери. В этой связи, представляется, что разработка и принятие соответствующей моменту Концепции является своевременным и чрезвычайно значимым действием.

Следует отметить полноту рассматриваемых в рамках Концепции вопросов и транспарентность заявленных целей, задач и результатов. Для ее подготовки проведен всесторонний анализ конкурентных преимуществ научно-технологического комплекса Санкт-Петербурга, а также дана обоснованная оценка перспектив его развития.

В основу разработки Концепции положены национальные цели и приоритетные направления развития Санкт-Петербурга как субъекта России Российской Федерации. В Концепции отмечены важные особенности современных вызовов научно-технологического и инновационного развития, а также обосновано применение мер, позволяющих не только противостоять этим вызовам, но и использовать потенциальные возможности. Все это приводит к необходимости формирования проактивной политики в области научно-технологической и инновационной деятельности, обновления инструментальной базы исследований и разработок, совершенствование методов обработки информации и оценки ее качества, и других мер.

При разработке проекта были учтены предложения многих научных, исследовательских, проектных, внедренческих организаций, учебных заведений, общественных объединений, фондов и институтов развития, в том числе представленных своими участниками в Научно-техническом совете. Внес свои предложения также Институт проблем региональной экономики Российской академии наук, имеющий опыт разработки подобных документов. Над проектом Концепции работали ученые, специалисты, объединенные в тематические группы на базе электротехнического университета «ЛЭТИ». Необходимо особо отметить координационную работу Комитета по науке и высшей школе Правительства Санкт-Петербурга, который согласно соответствующим рейтингам является одним из лучших в стране. По его инициативе, при полной поддержке Администрации города, проводятся конкурсы в области науки и образования, определяются лучшие научные школы, многое делается для развития фундаментальной и прикладной науки.

К достоинствам Концепции следует отнести объективное представление вызовов в научно-технологической сфере Санкт-Петербурга и предложений по преодолению существующих проблем. В документе четко сформулированы задачи в различных направлениях научной, образовательной и технологической деятельности, решение которых призвано обеспечить позиционирование Санкт-Петербурга среди регионов России и мира. В Концепции представлены принципы государственной политики в области научно-технологического развития Санкт-Петербурга, а также определены сферы деятельности и конкретные научные организации и структуры, на которые возложена ответственность за ключевые действия по реализации Концепции.

Принципиальным моментом являются предложения о включении указанных в Концепции структур в государственную программу Санкт-Петербурга «Экономика знаний», их поддержке и учета при формировании иных городских государственных программ.

Имеет важное положительное значение тот факт, что проект Концепции обсужден на Общественном совете при Комитете по науке и высшей школе и Президиуме Союза промышленников и предпринимателей Санкт-Петербурга, а также прошел обсуждение и утверждение на заседании Научно-технического совета Санкт-Петербурга.

Вывод. Технологические трансформации инновационного развития радикально меняют качество жизни, что требует переосмысления существующих инновационных стратегий на федеральном и региональном уровнях, перевода их на качественно новый уровень социально-экономических и общественных отношений. Обеспечить учет факторов инновационного развития регионов на высшем, результирующем уровне качества — качества жизни через повышение качества продукта, качества процесса, качества организации деятельности, позволяет экономика качества, которая располагает огромным арсеналом методов и инструментов исследования, сконцентрированных в метрологии, стандартизации и управлении качеством.

Принятие Концепции научно-технологического развития Санкт-Петербурга на период до 2030 года и ее осуществление в практической деятельности будет чрезвычайно важным вкладом для формирования качественно новых социально-экономических и общественных отношений в процессе технологических трансформаций путем ускорения интеграционных процессов в научно-образовательной сфере и консолидации ресурсов образовательных организаций высшего и среднего образования, научных организаций и сектора реальной экономики для укрепления позиций Санкт-Петербурга как крупнейшего международного научно-образовательного центра и развития его экспортного потенциала.

Список литературы

1. *Кузнецов С.В., Горин Е.А.* Инновационный процесс в экономике Санкт-Петербурга: стимулирующие и сдерживающие факторы // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития, 2017, № 3-4 (56-57). С. 39-50.
2. *Андрейковец И.Н., Кудряшов В.С., Шматко А.Д.* Формирование инновационных кластеров: анализ существующего опыта и перспективы // Журнал правовых и экономических исследований. 2012. № 1. С. 168-171.
3. *Окрепилов В.В., Гагулина Н.Л.* Развитие оценки качества жизни населения региона // Журнал экономической теории. — 2019. — Т. 16. — № 3. — С. 318-330.

V.V. Okrepilov, A.D. Shmatko⁶. Genesis of qualitatively new socioeconomic and public relations in the process of technological transformations (case study of the Concept of Scientific and Technological Development of St. Petersburg until 2030).

The technological transformations of innovative development requires rethinking of the current innovative strategies at the federal and regional levels, raising to the qualitatively new level of socio-economic and public relations focused on improving quality of life. Economics of quality including metrology, standardization and quality management of the comprehensive methods' arsenals and research tools for developing and evaluating effectiveness of innovative strategies, allows to incorporate various factors of innovative development.

Keywords: innovative development, Economics of Quality, Quality of Life, the Concept of scientific and technological development

⁶ *Vladimir Okrepilov*, Doctor of Economic Sciences, Professor, Doctor of Economics full Member (academician) of the Russian Academy of Sciences (RAS), Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences; *Alexey Shmatko*, Doctor of Economic Sciences, Professor, Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences

*J. Sapir*¹

**IS EUROZONE ACCUMULATING
AN HISTORIC LAG TOWARD ASIA
IN THE COVID-19 CONTEXT?²**

The COVID-19 epidemic is affecting the global economy since early 2020. This pandemic has hit countries and shaken the global economy as it has not actually recovered from the financial crisis of the years 2008-2010.

The process of economic de-globalization accelerated in recent years. It began to manifest openly with the 2008-2010 crisis. In fact, it is from this crisis that we can date a breaking point in the various statistical data. This does not mean that the tendencies towards this de-globalization did not exist before 2007. However, it took this global financial crisis, which was a crisis of globalization both in its causes and in its unfolding, for these trends to manifest themselves openly.

The COVID-19 epidemic therefore broke out in a context that was then marked by fundamental changes. It has hit different countries very unevenly and will also unevenly affect post-COVID-19 recovery trajectories. The COVID-19 could then accelerate significantly trends,

¹ *Jacques Sapir*, economics professor; Director of Studies at École des Hautes Études en Sciences Sociales and Centre d'Étude des Modes d'Industrialisation (France); Associate Professor at Lomonosov Moscow State University; Foreign Member of the Russian Academy of Sciences.

² Опубликовано в журнале «Экономическое возрождение России». 2021. №1(67). С. 89-102.

which were already perceptible before the pandemic. It will play the role of both revealing and accelerating changes that had been noticeable for ten years now. The shift of the world growth pole from the Atlantic zone (USA-Europe) to the Pacific zone, and more particularly Southeast Asia, seems irreversible today.

Keywords: Covid-19, Deglobalization, Multilateralism, Investment, Europe, Asia.

The COVID-19 epidemic has particularly affected the global economy. Coming from China, this epidemic has hit different countries in a close succession. Western Europe and the Eurozone were severely hit by the pandemic. The so-called «2nd wave» is creating havoc in countries that had before quite well managed the 1st wave of spring 2020. Even with the vaccine it is quite probable that economic recovery will be postponed to 2022-2023. Would the Eurozone accumulating an historic lag toward Asia in the pandemic context? Analysis done by end of September 2020, that is before the 2nd epidemic wave struck Europa were already showing that the EU and the Eurozone, as some other advanced economies, fared worse in that context. This 2nd wave would quite probably strengthen this trend.

1. The COVID-19 Shock

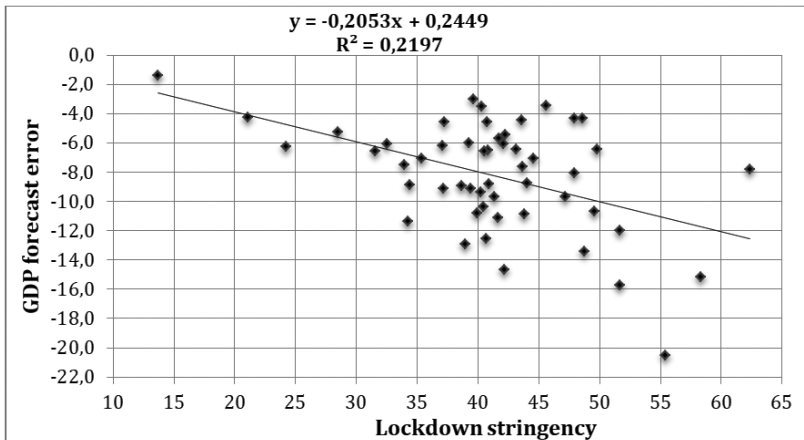
With the spreading of the COVID-19 and consequences of the « the Great Lockdown », the world faced a crisis like no other³. There is a subtle link between protective measures taken, like lockdowns, and the impact of the COVID-19 induced recession.

³ <https://blogs.imf.org/2020/10/13/a-long-uneven-and-uncertain-ascent/>

The analysis shows evidence on the association between lockdowns and economic activity over a sample of up to 52 advanced, emerging market, and developing economies. Graph 1 shows the correlation between the stringency of lockdowns during the first half of 2020 and the decline in GDP relative to pre-pandemic forecasts.

Nonetheless, these findings have to be interpreted with some caution given omitted variable concerns that affect cross-country analyses. A number of variables (nature of production, weight of services in the GDP, population density) could alter the ultimate result. The situation can be also clearly seen through sectoral analysis and particularly when looking at industrial and services sector (graph 2 and 3). It is to be noted that China has been affected earlier than other countries, but is recovering now much faster.

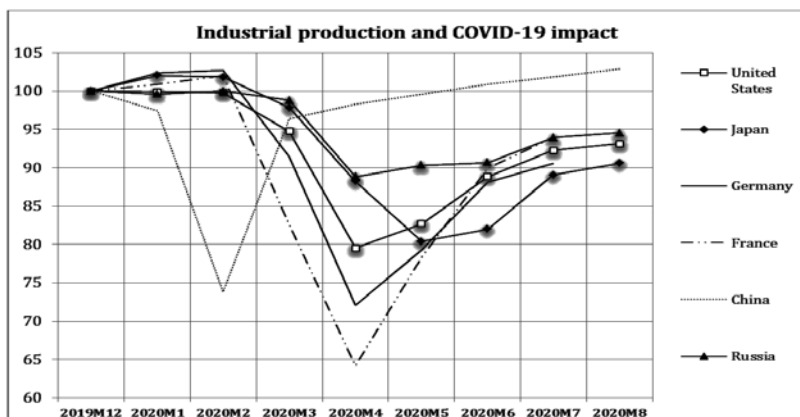
Graph 1
Relation between lockdown stringency and GDP forecast error

Source: IMF

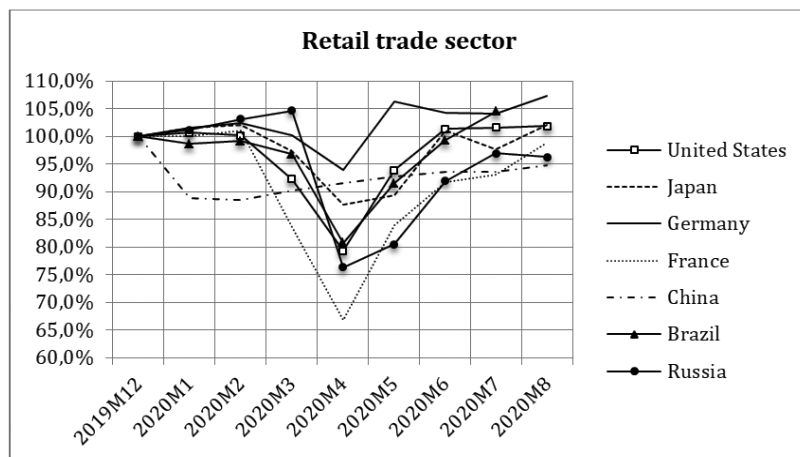
It is then quite clear that the COVID-19 pandemic has affected different world economies in very different ways. Differences cannot

Graph 2

Source: IMF

Graph 3

Source: IMF

be explained only by the stringency of sanitary measures and lockdowns. But, what is even more important is the fact that recovery path is to be very different in the coming months

2. How the European Union and the Eurozone have wavered the COVID-19 pandemy?

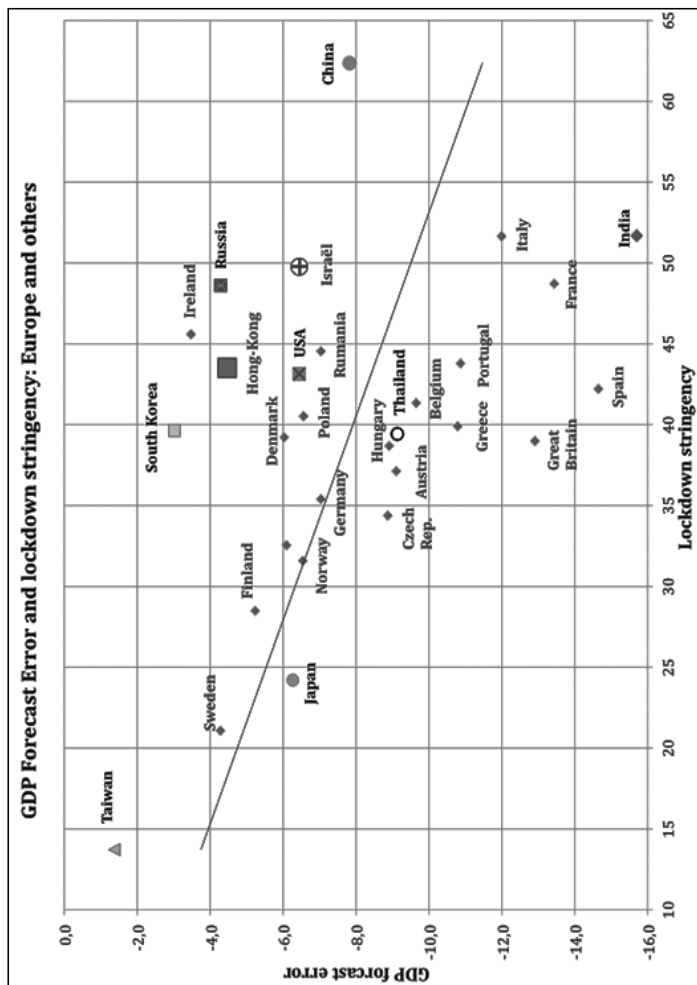
Lockdowns have been implemented in different European countries leading to different economic consequences. Quite interestingly on data compiled by the IMF by September

2020 (that is not including the 2nd wave shock), European countries are faring quite worse than non-European ones.

Quite interestingly in graph 4 no Asian countries (but for India) had a GDP forecast error worse than 10% when 6 European countries had (France, Italy, Greece, Spain, Great Britain and Portugal).

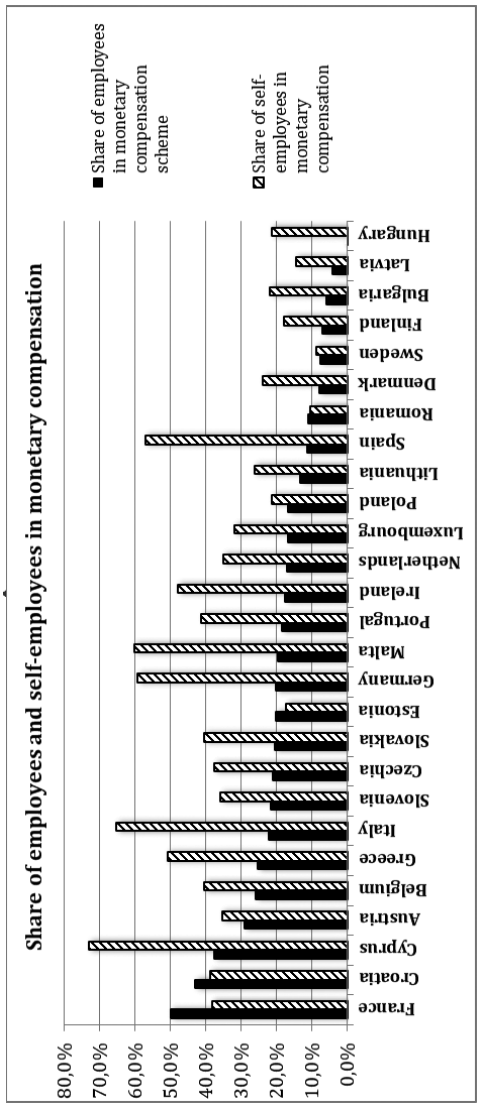
How European countries have managed this situation? First of all, most countries tried to protect employees and, in some, even self-employees people (graph 5). France certainly was the country that protected most employees. But, she protected not as much self-employees, and this category was certainly hit the hardest by administrative lockdowns. On the contrary, Belgium, Greece, Italy, Spain, Portugal and Germany protected much better self-employees, to the point that in all these countries the share of self-employees in monetary compensation exceeded the share of employees. Actually, in 9 countries the share of self-employees in monetary compensation was equal or superior to 40%. This prove that we had significant differences in the way the welfare-state reacted to the Pandemy, even in countries where the model of welfare state and the level of protection it affords is quite comparable. Another interesting point is what economic sector got the major part of the protection afforded by the State in employees compensation scheme. Here too we can see some important differences among countries. Only 24 of the 27 EU countries have given disaggregated data (graph 6). On these countries, we can see 9 countries (France, Croatia, Cyprus, Belgium, Greece, Italy,

Graph 4

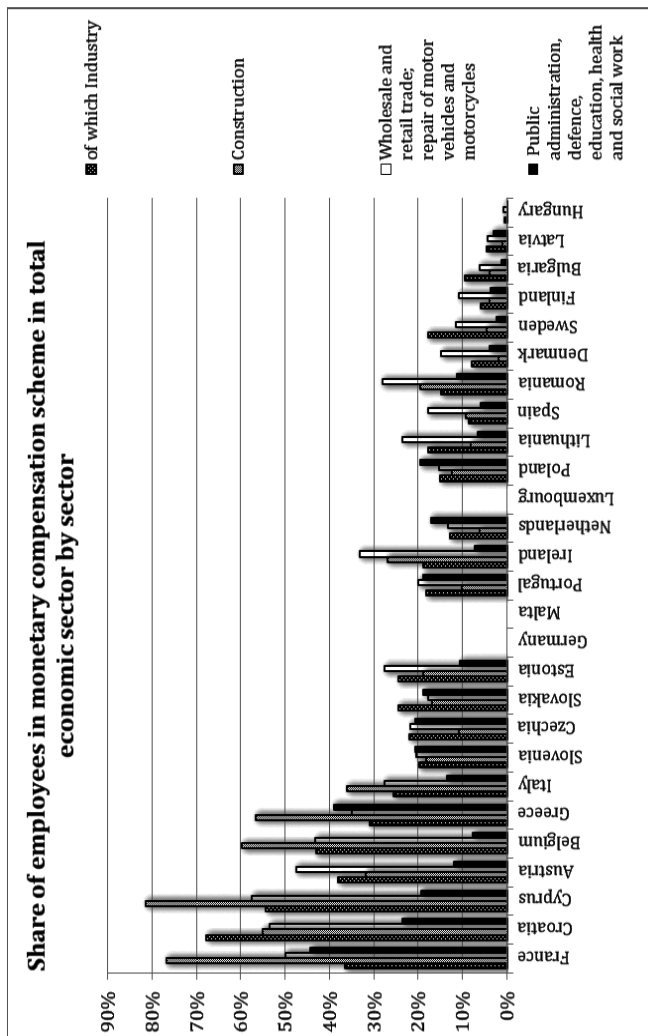
Source: IMF and CEMI

Graph 5

Eurostat

Graph 6

Eurostat

Ireland, Spain and Romania), which gave their support in priority to the construction and wholesale retail trade workers. Other countries supported more industrial workers. However, these data are incomplete, as Germany has not provided disaggregated data.

This support was mostly done by March, April and May and protected, at its peak (graph 7), more than 30 millions of worker (employees).

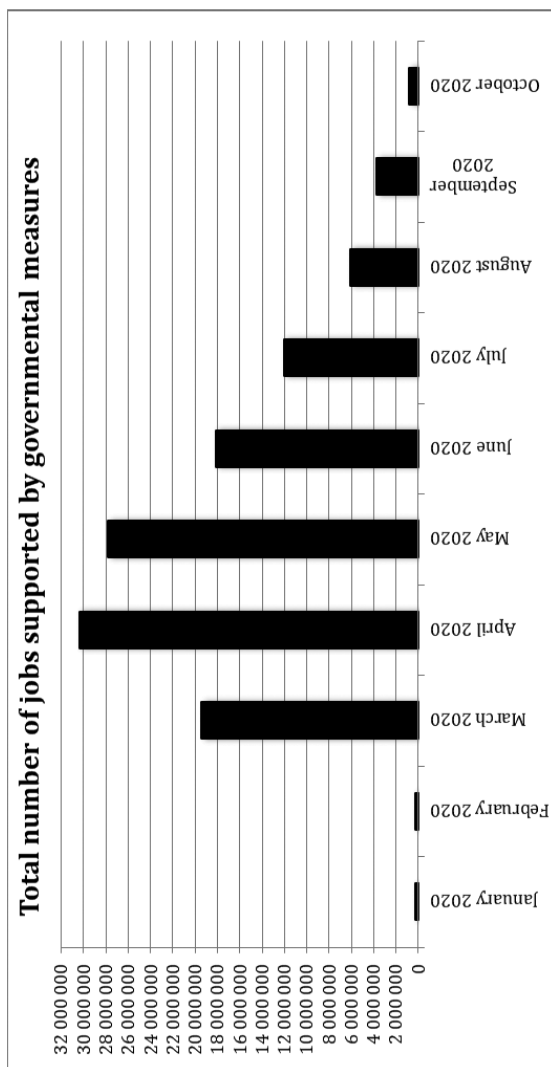
How EU countries have to pay for such massive a social protection is the next question to be asked. As a matter of fact, governments needed a lot of money for two different but interlinked undertaking: first to support people under administrative lockdowns and second to help the economic recovery. Here comes the complicated story of the EU recovery plan⁴.

On Monday, May 18, 2020, Berlin and Paris proposed a 500 billions stimulus plan, accompanied by a transfer mechanism: the European Union would thus create a common debt. However, this initiative provoked violent reactions from the so-called «frugal 4» countries, namely Austria, the Netherlands, Sweden and Denmark. They have presented very different proposals. The European Union agreed to go into debt to raise these some 500 billion and the countries which would receive this money would not reimburse what they would have received but in proportion to their share in the European budget. It is the European Commission, which will raise this sum on the markets it represents three and a half times the annual European budget before redistributing it via the budget to sectors and regions in difficulty, Italy and Spain in the lead. Undoubtedly, it is a mechanism that favours small countries that need a lot of money, but not the big contributors to the budget, like Germany or France. In fact, for some countries, the sums would be almost donations. Also, since what they would repay, if they repay it, would be through the EU budget, the debt burden would not be added to theirs.

The plan was finally adopted in July 2020 and confirmed on November 10, 2020. The European Parliament and the EU countries

⁴ https://ec.europa.eu/info/strategy/recovery-plan-europe_fr

Graph 7

Source: Eurostat

meeting in the Council reached agreement on the next long-term budget of the EU and *NextGenerationEU*⁵. The Recovery and Resilience Facility is a cornerstone of *NextGenerationEU*⁵. It is endowed with € 672.5 billion in loans and grants to support reforms and investments undertaken by EU countries. The aim is to mitigate the economic and social consequences of the COVID-19 pandemic and to make European economies better prepared for the challenges posed by ecological and digital transitions and the opportunities that they offer.

For European cohesion and territories (REACT-EU), *Next-GenerationEU* also includes a budget of 47.5 billion euros. This is a new initiative that continues and expands crisis response measures and measures to address the consequences of the crisis⁶. However, for impressive it seems, this programme is not to be operational before late 2021 or early 2022, a good example of the slow and cumbersome bureaucratic process of the EU. So far it is the European Central Bank who is doing the job of supporting the Economy. Actually most of the money for support and recovery didn't come from budget.

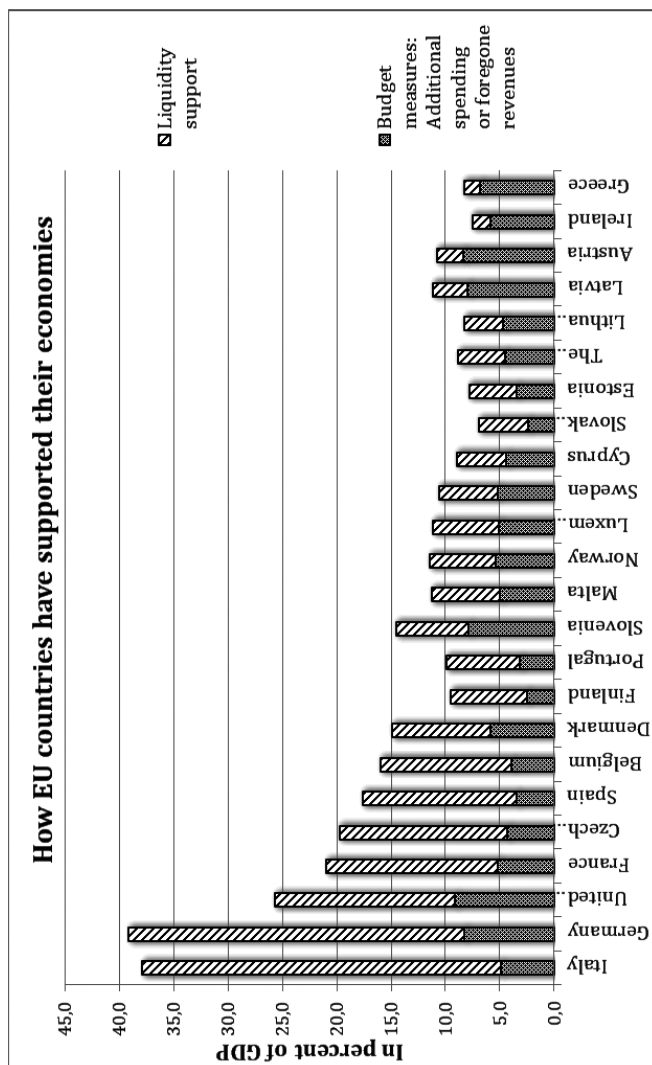
The predominance of liquidity support (graph 8) highlighted the European Central Bank role. In the context of the second wave of the COVID-19 pandemic, the European Central Bank (ECB) on Thursday, December 10, devoted its monetary policy meeting to the changes to be made to its action⁷. The Pandemic emergency purchase program (PEPP) was increased by 500 billion, bringing it to 1,850 billion euros and it will last until March 2022, a distant date to take into account the uncertainty about the deployment schedule of vaccines. This amounts to saying that the ECB is extending its horizon

⁵ https://ec.europa.eu/info/business-economy-euro/recovery-coronavirus/recovery-and-resiliencefacility_fr

⁶ https://ec.europa.eu/info/live-work-travel-eu/coronavirus-response/jobs-and-economy-duringcoronavirus-pandemic/cohesion-policy-support-measures-coronavirus-response-investment-initiative_fr

⁷ <https://covid19-economie.banque-france.fr/comprendre/la-bce-recalibres-mesures-face-ala-persistence-de-la-crise-sanitaire/>

Graph 8

Source: IMF

even beyond the health crisis and signalling that it will continue its special pandemic operations beyond the pandemic. This shows that these operations mainly aim to remove the risk of a debt crisis and to facilitate the financing and refinancing of States reassuring investors.

However, one of the problems posed by the ECB's actions is that only 25% of its operations have helped Eurozone banks. In fact, ECB helps a bit blindly. Instead of taking targeted actions like a national central bank would do, like the Bank of England, for example, it is watering the market. As a result, the asset buyback program will not help countries out of deflation and have little ripple effect on the real economy. On the other hand, we can fear a strong financial instability in the medium term, given the scale of these programs, and the mass of central liquidity discharged on the markets. The markets are now totally dependent on central bank liquidity. The addiction has become unhealthy.

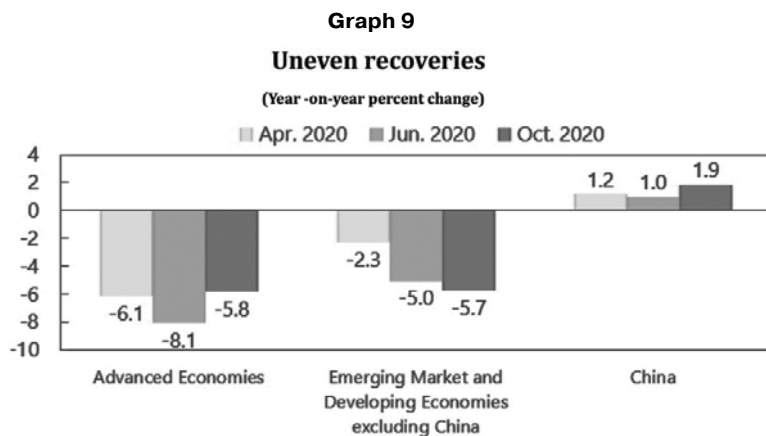
3. Differences in recovery path and the EU and Eurozone

The European Union and the Eurozone have stalled in relation to the process of economic recovery in Southeast Asia (graph 9). This stall is significant, because it could herald a form of marginalization of the EU and the Eurozone vis-à-vis what is now one of the main centres of global economic growth.

The second wave of the epidemic (fall 2020) is affecting Europe in a particularly strong and spectacular way, and will amplify this phenomenon. It is worth wondering here why countries whose health systems were often given as a reference could not manage this epidemic more adequately.

It could quite profoundly modify the situation of the countries of the European Union and of the Euro zone (EMU)⁸. The impact on the economy will be considerable and the forecasts drawn up by

⁸ <https://www.lopinion.fr/edition/economie/pib-francais-devrait-se-contracter-11-en-2020-227896>

Sources: IMF, and *World Economic Outlook*. October 2020

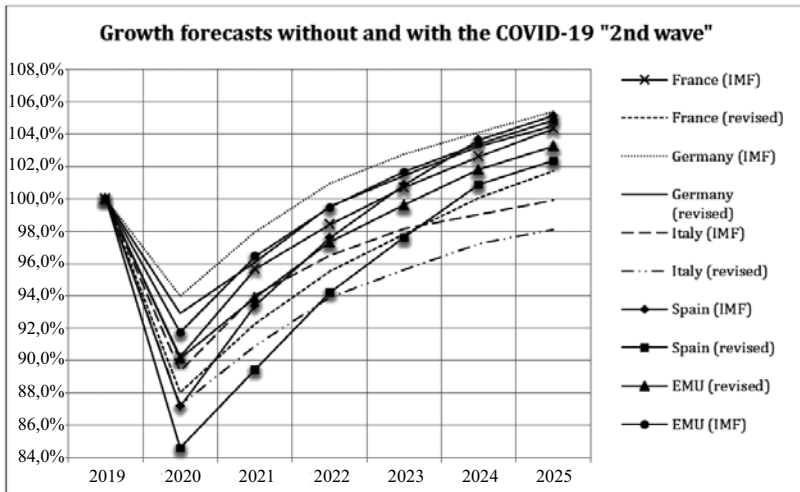
From: <https://blogs.imf.org/2020/10/13/a-long-uneven-and-uncertain-ascent/>

the IMF at the beginning of October 2020 will necessarily have to be revised. From the revision carried out in November concerning the French economy⁹, we have here extended the reasoning to the main countries of the Euro zone (graph 10). The gap with what had been anticipated at the beginning of October 2020 is obvious.

The fact that the health crisis is globally under control in Southeast Asia plays an important role in the trajectory of economic recovery of these countries. This difference in the path of recovery in economic activity also reflects to the strategies for supporting the economy adopted by each country. The interesting point here is not only that the volumes of support, calculated as a percentage of GDP, vary widely, but that there is also a clear difference between countries that support their economies through bank loans and bank shares

⁹ Sapir J., «The economic consequences of re-containment on the French economy», paper presented to the French-Russian seminar on Economic Development of Russia, regional session, November 12th, 2020, Paris, CEMI-Fondation Robert de Sorbon.

Graph 10

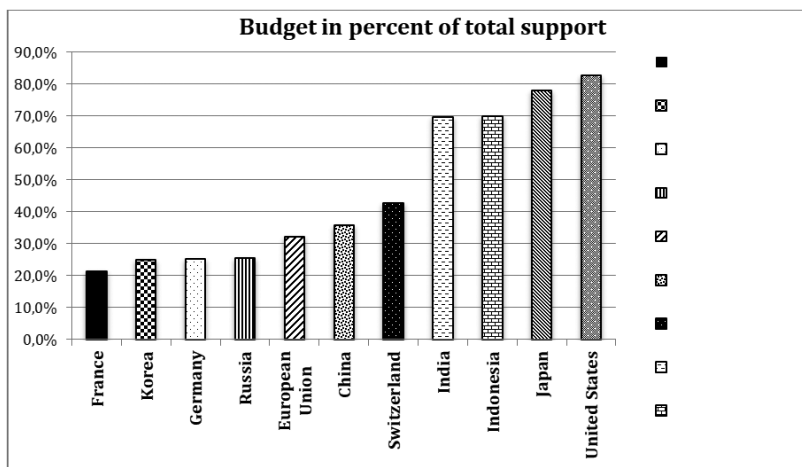
Source: IMF (October 2020) and CEMI

and those who favour budgetary action, either through direct subsidies or tax cuts.

These data were (graph 11), again, compiled by end September 2020; differences nevertheless are significant. They display different approaches to the issue of fiscal deficits, and for relationship with central banks and in the role left to the latter in economic policy. This translates into significant uncertainties in the levels of economic activity and significant differences between the major economic areas of the world. But an important point is the fact that the EU appears quite low in this graph and that the two main countries of the EU and Eurozone, Germany and France appear even lower. One can wonder if the quality of aid will not be affected, if only indirectly, by the instruments of its financing.

The difference between the recovery trajectories of economic activity in China and the European Union is to be noticed. With this second wave, we will have to expect an even greater difference.

Graph 11

IMF

Computation of the probable EMU growth rate once the impact of the COVID-19 has been accounted for shows a decrease by at least 1,6% for 2020 and by around 2,6% for 2021. These differences also translate into divergences for the coming years. This was already obvious in data computed by the IMF *before* the second wave (graph 12).

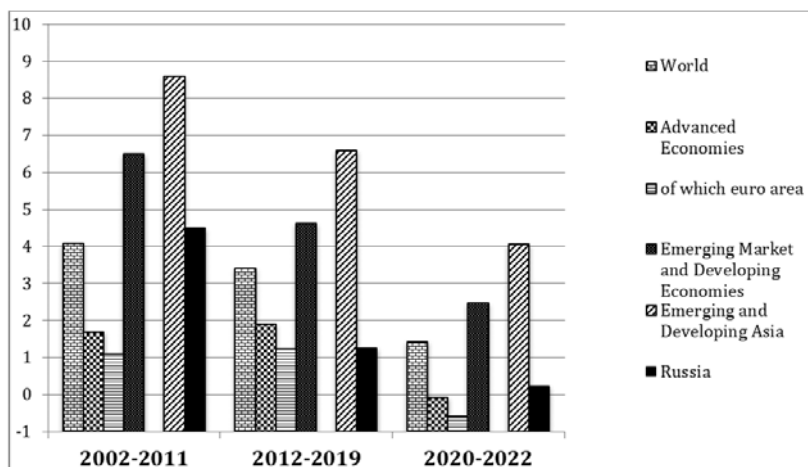
As shown in Graph 13, the EMU stall by comparison with other countries group is even more spectacular. It should be noted, however, that this trend already existed before the COVID-19 pandemic.

Indeed, the countries of the Euro zone have experienced abnormally low growth compared to other developed economies since 2007, or even since 2000¹⁰.

A study carried out by the Center for European Policy (CEP or Centrum für Europäische Politik) of Freiburg (Germany), has caused a lot of talk and writing, whether in France, Germany or even in

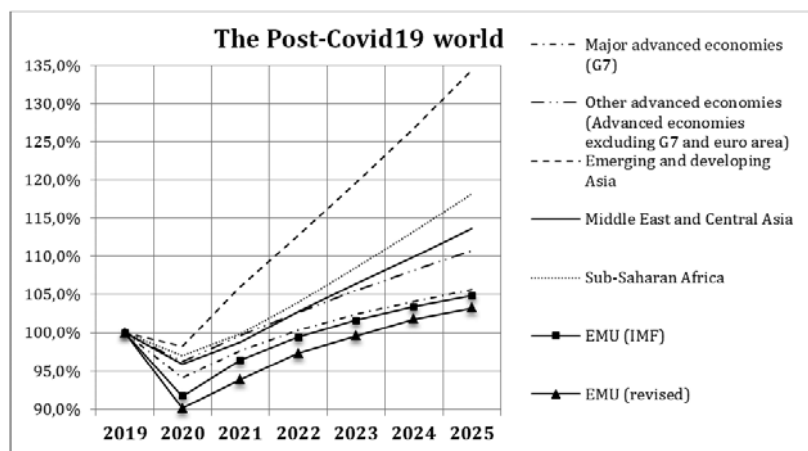
¹⁰ Sapir J., *Faut-il sortir de l'Euro ?*, Paris, Seuil, 2012.

Graph 12
Average GDP rate of growth

Source: IMF

Graph 13

Source: IMF and CEMI

Brussels¹¹. It shows that the introduction of the Euro made winners and losers and that the introduction of the Euro would have cost since 1999 and until 2017, in cumulative amounts, 3,591 billion Euros to France, 4,325 billion for Italy and 424 billion for Spain, while Germany would have earned 1893 billion euros and the Netherlands 346 billion.

It can be seen that, compared to the OECD average, the euro zone has only grown by 0.5% to 0.7% lower (table).

SOURCES: OECD database. For 2011, estimates. For 2010, provisional figures. Sources and Methods, (<http://www.oecd.org/eco/sources-and-methods>). These figures are corrected for the number of working days.

**GDP growth rate at constant prices.
Average per period**

	Average 2001-2011	Average 2001-2007	Average 2007-2011
Australia	3,1%	3,4%	3,1%
Canada	2,1%	2,6%	1,4%
Norway	1,8%	2,3%	1,2%
Sweden	1,8%	3,0%	0,5%
Switzerland	1,7%	2,0%	1,6%
United Kingdom	1,6%	2,6%	0,4%
United States	1,9%	2,4%	1,3%
EMU (Eurozone)	1,1%	1,9%	0,4%
OECD, total	1,8%	2,4%	1,1%
Deviation from the OECD average	-0,7%	-0,5	-0,7

¹¹ <https://www.dw.com/en/cep-study-germany-gains-most-from-euro-introduction/a-47675856>

Note: The establishment of the SNA93 and ESA95 systems of national accounts has progressed at an uneven pace between OECD member countries, for the variables and the period covered. As a result, several national series contain breaks. In addition, several countries use chain price indices to calculate real GDP and expenditure components.

From this point of view it is striking to note that, since the introduction of the Euro, the role of Europe on the international economic scene has continued to decrease. However, it should be noted that the impact of national economic policies implemented in the countries of the zone precisely because of the introduction of the single currency have had considerable importance too on the individual trajectory of the countries¹².

We can therefore think that the Euro has stifled growth in some of the countries that have adopted it, because of the transfers of wealth that it would have caused. This situation is very evident when we compare the different recovery trajectories of economic activity. As we have seen Eurozone and EU countries have adopted different strategies to face the COVID-19 challenge. These different, and national, strategies look now much more important than the «common» response of the EU Commission. Without the EMU, and the Euro, a logical consequence of these differences would have been depreciation and appreciation of national currencies. But, because of the Euro, a process of budget subsidization implying a process involving transfers of wealth had to be engineered, and that was exactly what aimed for the July 2020 agreement. However, we could wonder if the sums provided for in this agreement are up to the transfers that these different response strategies to COVID-19 make necessary in a common currency situation. If they aren't, as we actually believe, then the economic consequences on recovery paths not just for «worse-off» countries but for the Eurozone as a

¹² Bibow J. et A. Terzi (eds), (2007) *Euroland and the World Economy: Global Player or Global Drag?*, New York (NY), Palgrave Macmillan.

whole are to be very important¹³. This problem will arise in an acute manner as soon as the European Central Bank begins to reduce its bond purchase programs and the issue of financing policies to support the economy reverts to the top of the government's agenda. The debate on debt cancellation that is currently developing in Italy is an anticipation of the debates to come¹⁴. It is then clear that the COVID-19 epidemic will have played the role of both revealing and accelerating changes that had been noticeable for ten years now. The shift of the world growth pole from the Atlantic zone (USA-Europe) to the Pacific zone, and more particularly Southeast Asia, seems irreversible today.

The new division of the world will very likely take place without the Europeans, who remain faithful for the time being to the ideology of «globalization». It doesn't stop at the G-7 door, because both the EU and the Euro deserve to feature prominently here¹⁵. From this point of view, it is worth highlighting the extremely harmful consequences of German domination over the European Union, a domination that is expressed both by the standards that this country imposes and by the instruments it controls such as the euro¹⁶. The French President of the Republic, Emmanuel Macron, had he not recognized in a rare flash of lucidity that the euro had mainly benefited Germany?¹⁷ German policy is, as a matter of fact, destroying the

¹³ See, Kelejian, H. & al. (2011), «In the neighbourhood: the trade effects of the euro in a spatial framework», Bank of Greece Working Papers, 136.

¹⁴ <https://www.lesechos.fr/monde/europe/les-italiens-revent-deffacer-la-dette-due-au-covid-1268709>

¹⁵ Voir, Joseph Stiglitz : « Il faudra peut-être abandonner l'euro pour sauver le projet européen », entretient avec Benoît Georges, in Les Echos, 16 septembre 2016.

¹⁶ Husson E., Paris-Berlin, La Survie de l'Europe, Paris, Gallimard, 2019.

¹⁷ Voir, « Emmanuel Macron in his own words — The French president's interview with The Economist », 7 novembre 2019, <https://www.economist.com/europe/2019/11/07/emmanuel-macronin-his-own-words-english>

European Union, and with it the idea of European cooperation¹⁸, as it could be seen in the tensions that have emerged between the France and Italy but also between Italy, Poland and Hungary and France and Germany.

But, the obvious failure of the G-7 signals too the exhaustion of the «Western model». This confirms a trend, which has been notable since the end of the 2000s¹⁹. It is therefore clear that the process of de-globalization is now irreversibly underway²⁰.

Conclusion

If we look at the growth rates as they were estimated before the 2nd wave in Europe, we see that the gap is widening between the developed countries, France, Germany, Japan and the United States of America on one side and China on the other.

Obviously, with the economic consequences of the re-containment that we have seen in many European countries, this gap will widen even more. Countries, which have managed to partially preserve their economy, such as Germany or the United States, will be less affected than those, which have stopped many activities. But they too will fall significantly behind China, and Southeast Asia overall. The Covid-19 has thus revealed major trends that have been present for more than twenty years.

This translates to two things. On the one hand, the Euro acts as a stifle for growth. On the other hand, the pole of world growth has shifted over time to the Asia-Pacific basin.

¹⁸ Cafruny, A, Europe's Twin Crises: The Logic and Tragedy of Contemporary German Power, in Valdai Paper 10, 2015; Ryner, M et Cafruny, A, The EU and Global Capitalism: Origins, Development, Crisis, London: Palgrave, MacMillan, 2017.

¹⁹ Sapir J., *Le Nouveau XXIe Siècle*, op.cit..

²⁰ Sapir J., *La Démondialisation*, Le Seuil, Paris, 2011.

Ж. Сапир²¹. Аккумулирует ли Еврозона историческое отставание от Азии в контексте COVID-19? С начала 2020 г. наблюдается влияние эпидемии COVID-19 на глобальную экономику. Эта пандемия затронула многие страны и стала потрясением для глобальной экономики, которая еще не успела восстановиться после финансового кризиса 2008-2010 гг. В последние годы ускорился процесс экономической деглобализации. Его первые открытые проявления связаны с кризисом 2008-2010 гг. Фактически в разных статистических данных наступление переломного момента приходится именно на этот кризис. Это не означает, что тенденций к деглобализации не существовало до 2007 г. Однако именно этот глобальный финансовый кризис, который являлся кризисом глобализации как с точки зрения причин его возникновения, так и с точки зрения его протекания, способствовал открытому проявлению данных трендов. Таким образом, эпидемия COVID-19 разразилась в контексте, уже отмеченном наличием фундаментальных изменений. Она крайне неравномерно затронула разные страны, и ее влияние на траектории восстановления после COVID-19 будет столь же неравномерным. COVID-19 мог значительно ускорить тренды, которые прослеживались и до пандемии. COVID-19 будет способствовать выявлению и ускорению изменений, наблюдавшихся в последние десять лет. Смещение мирового полюса роста из зоны Атлантики (США-Европа) в Тихоокеанский регион, в особенности в Юго-Восточную Азию, на данный момент представляется необратимым.

Ключевые слова: COVID-19, деглобализация, мультилатерализм, инвестиции, Европа, Азия.

²¹ Жак Сапир, директор по исследованиям Высшей школы социальных наук и Центра исследований моделей индустриализации (Франция), доцент МГУ им. М. В. Ломоносова, иностранный член РАН, профессор экономики.

Раздел 2

ГЕНЕЗИС НООНОМИКИ: НОВАЯ ПОВЕСТКА ДЛЯ XXI ВЕКА

А.В. Бузгалин¹

КРЕАТИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ТРАНСФОРМИРУЕТ РЫНОК И ОТНОШЕНИЯ СОБСТВЕННОСТИ²

Дается характеристика качественных изменений, происходящих в общественном производстве, основой которых становится креативная революция, переход к доминированию творческой деятельности. Показано, что творчество есть процесс субъект-субъектных отношений, в результате которого создаются общественные блага. Вследствие этих изменений возникают глубокие противоречия в развитии рынка, отношениях собственности, ценностях и мотивации человека. Все большую роль в накоплении капитала начинает играть не прибыль, а интеллектуальная рента; возникают новые формы подчинения труда капиталу и феномен эксплуатации капиталом мировой культуры. Креативная революция создает условия для появления субъекта, сопоставимого по своей созидательной (и разрушительной) мощи с капиталом. Это — человек творческий, но и для него в пространстве тотального рынка

¹ *Александр Владимирович Бузгалин*, руководитель Московского отделения Института нового индустриального развития (ИНИР) имени С.Ю. Витте, профессор кафедры политической экономии МГУ имени М.В. Ломоносова, д-р экон. наук, профессор.

² Опубликовано в журнале «Экономическое возрождение России». 2021. №1(67). С. 109-115.

и гегемонии капитала характерны глубокие противоречия, раскрываемые автором статьи.

Ключевые слова: креативная революция, рынок, собственность, капитал, марксизм.

Рассматриваемая проблема, имеет меньший исторический горизонт, чем исследования, посвященные переходу от мира социально-экономического отчуждения к качественно новому общественному состоянию, которое интерпретируют по-разному: «царство свободы» [1, с. 386–387], информационное общество [2], постиндустриальное общество [3] или подвергающая критике миражи постиндустриализма теория ноономики [4, 5]. Вопрос о качественном скачке обсуждается давно, хотя и недостаточно активно. Несколько сужая временной горизонт, сегодня будем говорить о том, что изменения в реальных экономических отношениях современного позднего капитализма [6, 7] — отношениях, называемых рынком, и отношениях, которые называют капиталом, — происходят под влиянием креативной революции.

Несколько слов об этой революции. На мой взгляд, ключевое изменение происходит в содержании труда. Этот процесс носит, с одной стороны, по видимости, постепенный характер, но с другой — это качественный скачок. Приведу образ-аналогию — лесное озеро. В России, вы знаете, бывает холодно, и озера замерзают, весной постепенно превращаются в замечательное пространство с чистой водой, но превращаются постепенно. Сначала среди льда появляются лужи, затем среди воды остается очень много льдин, но в конечном итоге происходит качественный скачок: Н О из твердого состояния переходит в жидкое. Вот точно так же происходят революции в социально-экономических отношениях. Качественное изменение есть, и одно из них — это качественное изменение в содержании труда: с конца XX — начала XXI в. все больше людей

(а в ближайшей перспективе — большинство), которые могут стать креаторами и посвятить свою основную деятельность творческим функциям, работая педагогом, медиком, программистом, инженером, художником и т.п. Материальная база для этого создана. Когда-то считали, что эта материальная база будет создана к 1980 г.: была такая программа КПСС, были научно-фантастические книги и научные прогнозы, которые утверждали, что к концу XX в. на дорогах не останется водителей — будет полная автоматизация, в кафе не будет ни одного официанта, магазины вообще исчезнут, потому что люди будут получать достаточное количество благ и проблемы новой кофточки или здоровой еды исчезнут сами собой. Но реальность оказалась иной. Прогресс идет гораздо медленнее. И причина этому — тот самый рынок и тот самый капитал, о которых я хочу сейчас поразмышлять. Но сначала — о некоторых принципиальных изменениях в труде.

Творческая деятельность становится массовой. И речь идет не только об ученых, программистах, инженерах, о которых мы привыкли говорить. Это и огромный слой работников здравоохранения в широком смысле слова, начиная от тех, кто приходит к тебе и помогает, когда ты в больнице в тяжелом состоянии (мне довелось познакомиться с этими людьми), и от их творческого, человеческого отношения к тебе здоровье зависит не меньше, чем от профессионального врача, и заканчивая гениальным хирургом или гениальным диагностом. Это широчайший круг педагогов, которые работают с тобой всю жизнь и работают с каждым — «образование для всех и через всю жизнь» (не забудем, что образование — это единство воспитания, просвещения и обучения; об этом последние работы Натальи Яковлевой) [8, 9]. Это погружение в эстетическую среду, где каждый включен в художественное творчество, хотя бы как человек, способный распределить музыку, картину, произведение искусства в любой его форме. Это огромный пласт работы для каждого, работы, которая занимает всю жизнь и все время, ибо для творческого человека нет границы между сво-

бодным и рабочим временем. Самые интересные мысли приходят мне в голову в консерватории или в бассейне. Я отдыхаю или я работаю в этом пространстве-времени? Свободным становится время личностного развития, включая творческую деятельность, а рабочим становится то время, когда ты занят репродуктивной, рутинной деятельностью. Это качественное изменение.

Еще одно качественное изменение связано с тем, что творческая деятельность делает феномены культуры из феноменов культуры. Материальное производство выступает как посредник, как предпосылка, но не как главное пространство и не как главный фактор развития (об этом в последние годы пишет С.Д. Бодрунов [4, 10, 11]).

Еще один тезис, также хорошо известный, — творчество является субъект-субъектным диалогом. В нем нет субъекта и объекта. Нет ситуации, где один начальник, другой — дурак (замечу в скобках: в наших реалиях даже в университетах ситуация «я начальник, ты — дурак» срабатывает очень часто, но это исключение, точнее, извращение творческого процесса). Творчество — это пространство, где мы соревнуемся, кто больше подарит другому. Любая конференция, конгресс — это соревнование «кто больше подарит знаний», кто представит самый аргументированный доклад. Тот, кто дарит больше всех, лучше всех, интереснее всех, тот выигрывает соревнование. Это нечто противоположное рыночной конкуренции.

Далее. Творчество создает результат, который по своей природе, по своему содержанию не ограничен. Все, что сказано творцом, может быть использовано каждым жителем планеты Земля, если... если мы не вводим режим интеллектуальной собственности. Это потенциальное движение от частной собственности к собственности каждого на все [12] или к отсутствию собственности, о чем говорится в работах профессора Бодрунова [13]. Такое творчество создает новую экономику, новую реальность, но пока оно осуществляется в условиях господства рынка и капитала, причем особого типа. И здесь генерируется огромное количество новых противоречий.

Противоречие первое связано с тем, что рынок становится тотальным и выходит за пределы производства, обмена, распределения и потребления. Рынку подчиняются те сферы, которые, в принципе, должны лежать в пространстве сотворчества. Это вся социальная сфера — образование, искусство, наука и т. д.; сфера межличностного общения — семья, отношения дружбы, любовь и т. д. Рынку становится тесно в экономике, и он паразитирует, более того, он подчиняет себе неэкономическую сферу. И с этим связаны противоречия — он вторгается туда, где он подрывает сами основы жизнедеятельности. Как только, скажем, врач начинает ориентироваться на коммерческий результат в узком смысле слова, как только он попадает под власть капитала, который имманентно ориентирован на прибыль, мы оказываемся в пространстве, где врач работает «на деньги». Знаете главный лозунг платной медицины? Главное, чтобы пациент не умер, но и не вылечился. И это лишь отчасти шутка. То же самое касается и других пространств творческой деятельности.

И здесь начинается глубокое, фундаментальное противоречие, которое в марксизме называли противоречием производительных сил и производственных отношений: содержание труда, с одной стороны, и социально-экономические отношения, с другой стороны: рынок, особенно современный тотальный рынок, ограничивает и тормозит, ограничивает и деформирует творчество, подчиняя его отчужденным целям и трансформируя мотивацию его актора. Из этого не следует, что завтра необходимо рынок запретить, но из этого следует, что его вытеснение и создание отношений, адекватных для прогресса сотворчества, есть императив современности.

Второе противоречие состоит в том, что рынок сам по себе генерирует высокий уровень концентрации производства и капитала (эта связка давно известна, но от этого не перестает быть очень значимой). Более того, в сфере производства креативных результатов наблюдается удивительная закономерность: чем четче специфицированы права частной собственности,

т.е., чем лучше работают институты рынка, тем меньше возможностей для конкуренции. Если вы абсолютно жестко запатентуете каждую технологию и превратите ее навсегда в частную собственность данного актора, то конкуренция будет невозможна. Если сегодня некто «Икс» придумает вакцину от коронавируса и запатентует технологию ее производства, превратив ее в свою интеллектуальную частную собственность, и этот патент будет бессрочным, то человечество никогда не сможет использовать лекарство от коронавируса без позволения собственника патента. Никакой конкуренции.

Находятся и паллиативы. Например, патенты выдают на несколько лет, но это паллиативы. Мы входим в противоречие творческой деятельности и частной собственности, противоречие спецификации частной собственности и конкуренции. Рынок начинает отрицать сам себя и создавать сам себе проблемы.

Третье противоречие современного рынка — подрыв собственности, независимости, экономической свободы производителей вследствие распространения манипулирования. Мы все превращаемся в марионеток, подвешенных на ниточках корпоративного манипулирования. Об этом писал Джон Кеннет Гэлбрейт [14]. Чем сильнее корпорация, тем мощнее ее манипулятивное воздействие, тем меньше экономической свободы и частной собственности у акторов, вступающих с ней во взаимодействие. Это реалии сегодняшнего дня. Напомню, что информационную сферу в настоящее время контролирует «банда пятерых» (старшее поколение помнит, как китайское руководство в свое время критиковало «банду четырех», сегодня одна из студенток МГУ ввела понятие «банда пятерых»). Пять крупнейших корпораций контролируют сегодня ИТ сферу. В 2020 г. общая капитализация Apple, Microsoft, Amazon, Alphabet и Facebook превысила ВВП большинства стран «Большой двадцатки» (G20) за 2019 г.³

³ Стоимость пяти ИТ-гигантов США — \$7 трлн. Больше, чем ВВП 16 стран G20. РБК, 26 августа 2020 г. URL: <https://quote.rbc.ru/news/article/5f4363819a79479d6cdb08a1> (дата обращения: 3.02.2021).

Важнейший компонент сегодняшней экономики — это трансформация в новое качество — *homo economicus* (человека экономического). Человек творческий по своей природе ориентирован на другую логику действий. Для него труд является потребностью. Кстати, о коммунистической утопии: когда приводятся слова о коммунизме как пространстве, в котором распределение осуществляется «по потребностям», то у реципиента невольно возникает ассоциация с сегодняшним *homo economicus*, утилитарные потребности которого бесконечны: каждый хочет иметь бесконечное количество максимально дорогих костюмов, дворцов, автомобилей... Это, естественно, невозможно. Но предпосылкой торжества «царства свободы», и об этом писали все теоретики коммунизма, начиная от Маркса, является превращение труда в потребность вследствие развития творческого содержания деятельности. По Марксу — всеобщего труда. Но если труд — потребность, то человеку просто неинтересно тратить силы и время на то, чтобы купить дворец и потом думать о том, как его содержать... Человеку интересно быть, а не иметь [15]. Работать. Совершать поступки. Творить. В этом пространстве-времени главная проблема распределения по потребностям — это проблема распределения труда. Доступа к интересной, творческой деятельности. По поводу чего конкурируют профессора в общественном университете, если они работают фулл-таймерами с пожизненным контрактом? Главный объект их конкуренции — количество студентов и курсов (при той же зарплате). Они конкурируют за возможность больше и интересней работать. Больше дарить свои знания и талант студентам, человечеству.

Рынок вступает в противоречие с этой системой. В реальных условиях позднего капитализма каждый *homo creator* находится в двойственном, противоречивом положении. С одной стороны, каждый творец есть актер рынка и как таковой он хочет как можно больше денег. С другой стороны, он хочет интересной работы, главная его потребность — в труде, в творческой деятельности,

самореализации, общественном признании. Если ты художник, это противоречие становится особенно мучительным. Я хочу писать стихи («Я помню чудное мгновенье...»). Но если ты хочешь зарабатывать на жизнь и иметь приличный доход, ты должен пойти в рекламную фирму, и кто-то эти строки превратит в рекламный слоган, что-то вроде: «Я помню чудное мгновенье, купите мыло «Очищенье»»...

Не меньшие изменения происходят и с капиталом. Капитал стремится купить креативного работника, причем купить уже не его рабочую силу, не способность к труду, а купить его «бессмертную душу». Купить его творческий потенциал. Заключить с ним долгосрочный контракт, чтобы все, что он создал, принадлежало капиталу. Интеллектуальная частная собственность — это в большинстве случаев собственность на произведение не творца. Это собственность капитала в той или другой его форме. И даже если небольшие творческие коллективы развивают стартапы, их новации очень быстро скупает или «банда пятерых», или кто-то еще из крупных корпораций. То же самое происходит в искусстве. Художник продает вдохновение (свою «бессмертную душу») и получает за это большие деньги. Так возникает новая форма подчинения труда (и человека) капиталу — своего рода «крепостничество XXI века» — нечто наподобие крепостных художников или крепостных актеров в России XVIII–XIX вв.⁴

Еще одно противоречие: капитал начинает эксплуатировать уже не просто работника, пусть даже креативного, он эксплуатирует мировую культуру. Когда на коробке конфет появляется Моцарт, или в рекламе звучит музыка Бетховена, или строчки из Толстого, капитал присваивает себе мировую культуру. Он подчиняет ее себе и использует в своих целях. Точно так же капитал эксплуатирует бесплатное образование, присваивая себе его результаты, и т.п.

⁴ Подробнее об этом см.: [16].

Еще один феномен — интеллектуальная рента. Сегодня главный источник богатства крупных, креативных корпораций (в том числе вот этой «пятерки») интеллектуальная рента. Не прибавочная стоимость, не прибыль, а рента. Рента — это всегда паразитический доход, мы это знаем из истории феодализма, против чего боролись капитализм и рынок.

И наконец, последнее: креативная революция создает условия, в которых возникает субъект, сопоставимый по своей созидательной (и разрушительной) мощи с капиталом. Это человек творческий, способный создать культурные феномены, эффект (влияние на развитие технологий, человеческих качеств, социальный прогресс) которых будет превосходить эффект функционирования корпоративных капиталов. Но и ему в пространстве тотального рынка и гегемонии капитала присущи глубокие противоречия, на которые было указано выше.

Мы входим в реальность, в которой рынок и капитал, по большому счету становятся излишни и вредны, но это реальность, в которой рынок и капитал господствуют, это реальность, которая из хомо креатора делает крепостного, из рынка — систему манипулирования людьми, а из нас — тех, кто дергается на ниточках капитала и рынка, да еще с бюрократией сверху. Вот такая не очень оптимистичная картина, но с надеждой на будущий скачок в «царство свободы».

Список литературы

1. *Маркс, К.* Капитал. — Т. III / К. Маркс, Ф. Энгельс. — Соч. — 2-е изд. — Т. 25, ч. II. — М: ИПЛ, 1962.
2. *Кастельс, М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс; пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. — М.: ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с.

3. *Белл, Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. — М.: Academia, 2004. — 944 с.
4. *Бодрунов, С. Д.* Ноономика / С. Д. Бодрунов. — М.: Культурная революция, 2018. — 432 с.
5. *Бодрунов, С. Д.* К вопросу о сравнительном анализе теорий ноономики и социализма / С. Д. Бодрунов // Вопросы политической экономии. — 2020. — №3. — С. 52–66.
6. *Бузгалин, А. В.* Поздний капитализм и его пределы: диалектика производительных сил и производственных отношений (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) / А. В. Бузгалин // Вопросы политической экономии. — 2018. — №2. — С. 10–38.
7. *Бузгалин, А. В.* Реальные противоречия (не)реального капитализма: Рецензия на книгу: Рязанов В. Т. (Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мировой экономики и России. — М.: Экономика, 2016) // Вопросы политической экономии. — 2016. №3. — С. 146–150.
8. *Яковлева, Н. Г.* Социальные последствия финансиализации образования / Н. Г. Яковлева // Социологические исследования. — 2019. — № 12. — С. 104–114.
9. *Яковлева, Н. Г.* Образование в России: общественное благо или коммерческая услуга? // Социологические исследования. — 2018. — № 3. — С. 149–153.
10. *Бодрунов, С. Д.* Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка / С. Д. Бодрунов. — Изд. 2-е, испр. и доп. — СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2016. — 328 с.
11. *Бодрунов, С. Д.* Ноономика: траектория глобальной трансформации / С. Д. Бодрунов. — М., 2020. — 224 с.
12. *Межуев, В. М.* Социализм — пространство культуры / В. М. Межуев // Социализм-21. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма. — М.: Культурная революция, 2009. — С. 113–164.
13. *Бодрунов, С. Д.* Глобальные риски в пространстве пандемии: практика подтверждает теорию ноономики // Экономическое возрождение России. — 2020. — №2. — С. 4–14.
14. *Гэлбрейт, Дж.* Новое индустриальное общество / Дж. Гэлбрейт. — М.: Прогресс, 1969. — 900 с.

15. *Фромм, Э. Иметь или быть / Э. Фромм.* — М.: Прогресс, 1990. — 384 с.
16. *Булавка-Бузгалина, Л. А. Не продается вдохновенье? / Л. А. Булавка-Бузгалина // Вопросы философии.* — 2021. — №1.

A.V. Buzgalin⁵. Creative Revolution Transforms Market and Property Relations.

The author describes the qualitative changes currently taking place in social production indicating that their basis is the creative revolution, the transition to the dominance of creative activity. The article shows creativity is a process of subjects' subject, as a result of which unlimited public goods are created. So deep contradictions arise in the market development, property relations, values and the human motivation. Intellectual rents, instead of profit, begins to play an increasing role in capital accumulation, new forms of subordination of labor to capital and the phenomenon of exploitation by capital of world culture arise. The creative revolution creates the conditions in which the subject comparable in its creative (and destructive) power with capital, arises. This is a creative person but for him deep contradictions in the space of the total market and the capital hegemony, revealed by the author of the article, are typical.

Keywords: creative revolution, market, property, capital, marxism.

⁵ *Alexander Buzgalin*, Head of the Moscow Branch of S.Y. Witte Institute for New Industrial Development, Professor in the Department of Political Economy at the Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Economics, Professor.

*А.Е. Варшавский*¹

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО И НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

В работе рассматриваются актуальные проблемы социально-экономического и научно-технологического развития России на этапе кризиса мировой экономической и финансовой системы, отягощенном эпидемией коронавируса. В их числе такие проблемы, как совершенствование экономической политики, кредитно-финансовой системы, системы налогообложения и другие. Рассматриваются вопросы выбора приоритетов социально-экономического развития, проблемы, связанные с сокращением чрезмерного неравенства доходов населения, а также имеющие особое значение для нашей страны проблемы значительного пространственного неравенства; большое внимание уделяется повышению уровня государственного управления в условиях кризиса.

Ключевые слова: социально-экономическая политика, коронавирус, кризис, неравенство, приоритеты государственное управление.

¹ *Александр Евгеньевич Варшавский*, главный научный сотрудник, руководитель лаборатории Центрального экономико-математического института РАН, д-р экон. наук, канд. техн. наук, профессор.

Совершенствование экономической политики и кредитно-финансовой системы. Необходимо выделить следующие меры, в том числе те, которые были предложены С.Глазьевым (1):

- ввести ограничения на трансграничное движение спекулятивного капитала;
- осуществление деофшоризации экономики, прекращение утечки капитала, стабилизация курса рубля, регулирование финансового рынка и полное восстановление над ним государственного контроля;
- увеличение монетизации экономики;
- уменьшение процентных ставок по кредитам, предоставление в ряде случаев беспроцентных кредитов по приоритетным направлениям;
- снижение налоговой нагрузки на все виды инновационной и высокотехнологической деятельности, приоритетное выделение бюджетных ассигнований на эти цели;
- значительное увеличение государственных расходов на науку, образование и здравоохранение;
- использование нефтегазовых доходов бюджета для закупки критически необходимых импортных технологий и оборудования с целью развития, прежде всего, обрабатывающих производств в соответствии с государственными приоритетами;
- диверсификация внешней торговли;
- отход от политики, нацеленной на обеспечение профицита бюджета, использование средства ФНБ для развития экономики;
- увеличение инвестиций в основной капитал, повышение их доли в ВВП примерно в 1,5 раза;
- введение прогрессивного налогообложения, прогрессивных налогов на сверхдоходы и имущество физических лиц, акцизов на продажи предметов роскоши и т.п.;
- обеспечение экономической безопасности, осуществление национализации важнейших предприятий инфраструктуры, обеспечивающих энергоснабжение, хранение сельско-

хозяйственной продукции, лечение инфекционных заболеваний и т.д.;

- создание стратегических резервов основных сырьевых товаров, продовольствия и лекарств и медицинских средств (в том числе масок и других средств индивидуальной защиты от эпидемий на случай бактериологической войны и др.).

При разработке и реализации этих мер следует учитывать, что для России требуются нестандартные решения, отличающиеся от тех, которые используются в странах с устойчивым экономическим ростом (2).

Проведение политики протекционизма. Выход России из под контроля ВТО. Восстановление экспортных тарифов на сырье и импортных тарифов на готовую продукцию, а также мер по защите внутреннего рынка от недобросовестной конкуренции извне.

Приоритетные направления социально-экономического развития.

Приоритетное ускорение развития обрабатывающих производств. Восстановление системы дотаций с целью снижения цен на продукцию ОП (3). Одновременно с импортозамещением необходимо разработать и реализовать программу стимулирования и поддержки импорта новых технологий, оборудования и комплектующих, которые пока не могут быть созданы в стране и которые нужны для обновления производственного аппарата ОП.

Отказ от преимущественной ориентации на цифровизацию в условиях разрушения электронной промышленности и производства компьютерной техники. Следует понимать, что цифровизация в России сможет быть по настоящему реализуемой и эффективной только при восстановлении обрабатывающей промышленности, в первую очередь, машиностроения в целом и, в частности, производства элементной базы и аппаратных средств (4). Очевидно, цифровизация, вынужденно ориентированная на сферу услуг и слежение за гражданами (учитывая, что поле деятельности специалистов в области ИКТ в России

вынужденно ограничено этими областями), будет источником социальных проблем, причем для России масштабы этих проблем будут значительными. Кроме того резко возрастает основная угроза — создание электронного концлагеря, которая уже вызывает недовольство населения и может привести к социальному взрыву.

Развитие сферы НИОКР и ускорение инновационной деятельности. Следует учитывать, что государственный сектор НИОКР России играет центральную роль в сохранении и развитии науки России. Реформированию науки в России должен предшествовать значительное (в 1,5-2 раза) увеличение затрат на НИОКР относительно ВВП. При этом повышение оплаты труда ученых не должно происходить, как в настоящее время, за счет сокращения финансирования развития материальной базы науки. Необходимо учитывать исторически сложившуюся специфику организации науки в России, ведущую роль академического сектора НИОКР и, в первую очередь, Российской академии наук, а также значение ГНЦ. При этом следует ориентироваться, в первую очередь, на опыт не США, а европейских стран с более близкой к нам системой организации науки, учитывая в первую очередь то, что проводимое реформирование науки значительно тормозит решение задачи срочного повышения инновационной активности. Следует вернуть прежний статус РАН и сформировать аналог прежнего ГКНТ, в составе которого должны работать высококвалифицированные специалисты из различных областей науки и техники. Требуется переработка Налогового кодекса с целью расширения направлений государственной поддержки науки. Необходима разработка долгосрочной концепции развития российской науки на период до 2030-2040 гг. и др.

Восстановление и полноценное развитие отраслей, в том числе системы здравоохранения, обеспечивающих эффективное реагирование в случае чрезвычайных ситуаций. Отказ от политики «оптимизации» развития жизнеобеспечивающих отраслей, в том числе системы здравоохранения, и перехода

к восстановлению системы, обеспечивающей эффективное реагирование в случае чрезвычайных ситуаций, включая применение новых видов оружия (целевое биологическое, кибернетическое и информационное когнитивное оружие). Следует учитывать и гибридный характер будущих войн, когда возможно широкое применение финансовых, торговых, дипломатических методов подавления противника. Должны учитываться также риски, связанные с экологическими угрозами. Восстановление сети больниц и лечебных учреждений до уровня СССР.

Развитие сельского хозяйства. Особое внимание должно уделяться самообеспечению продуктами сельского хозяйства, а также методам нетарифного регулирования для обеспечения качества и безопасности импортируемых и производимых в стране продовольственных продуктов. Должны быть установлены стандарты и нормы содержания вредных веществ в сельскохозяйственной и пищевой продукции, которые необходимо регулярно пересматривать в сторону ужесточения с использованием законодательно введенных санкций, вплоть до уголовного наказания. Должны быть сделаны значительно более строгими меры наказания импортеров, осуществляющих ввоз в страну недоброкачественной продукции, а также тех, кто реализует такую продукцию, особенно после введения санкций. Приоритет должен быть отдан отечественным производителям сельскохозяйственной продукции при строгом контроле ее качества. Необходимо снижение роли торгово-посреднических операций, наценок и сокращение звеньев посредников. При этом на первом этапе для повышения продовольственной безопасности необходимо не только снизить импорт, но и не наращивать экспорт продовольствия, значительно сократив экспорт высококачественной продукции. Первоочередной целью должно быть обеспечение внутреннего рынка качественной продукцией.

Переориентация жилищного строительства. Эпидемия коронавируса показала, что требуется переход на строительство

малоэтажного жилья, тем более, что все больше людей, особенно с учетом эпидемии коронавируса хотят жить в индивидуальных домах. Для реализации этого следует особое внимание уделить развитию 3D технологии строительства малоэтажных домов. Необходим отказ от многоэтажного строительства, в первую очередь в Москве и Московской области,

Развитие транспортной инфраструктуры. Требуется строительство новых автомагистралей, высокоскоростных железных дорог, мостов, взлетно-посадочных полос, объектов энергетики. Необходимо восстановить внутренний рынок авиационных транспортных средств, инфраструктуру авиаперевозок между регионами страны, местные воздушные линии в малонаселенных регионах, обеспечив транспортную доступность этих регионов с высоким уровнем безопасности и качества.

Сокращение чрезмерного неравенства доходов населения. Необходим переход к неравенству, характеризующему коэффициентом Джини для располагаемого дохода порядка 30–35 (уровень Германии, Дании, Белоруссии) на основе перераспределения доходов с помощью установления прогрессивной ставки НДФЛ и совершенствования системы налогового администрирования и др.

Сокращение пространственного неравенства. Особое внимание следует обратить на снижение пространственного неравенства, которое угрожает территориальной целостности России (5,6). В первую очередь снижение высокой концентрации населения в Московском регионе, учитывая основные угрозы (возможность ядерного удара, применения высокоточного или бактериологического оружия, эпидемий, подобных эпидемии коронавируса; природные явления, риски, возникающие при землетрясении, которые особенно опасны для многоэтажных зданий). Необходима разработка и реализация программы сокращения неравенства доходов и пространственного неравенства, нацеленная на ускоренное развитие всех субъектов РФ на основе перераспределения ресурсов консолидированного бюджета страны, для этого также должен быть осуществлен

переход к прогрессивному НДСЛ. Главным при этом должно быть использование критериев, исходящих из необходимости решения не только экономических, но в первую очередь, геополитических и социальных задач, и ориентированных на долгосрочные цели развития страны. Большое внимание при этом должно уделяться развитию восточных и северных территорий, где необходимо создать привлекательные для людей условия жизни и работы.

Повышение роли государственного управления. В кризисной ситуации резко возрастает роль государственного управления, ориентированного на разработку и реализацию долгосрочной стратегии развития России. Особое внимание при этом должно быть уделено качеству государственных документов. Развитие экономики и инновационная деятельность должны быть подчинены целям более высокого порядка по сравнению с теми, которые преследуются в обществе, нацеленном на потребление и краткосрочную выгоду, а именно на решение задач долгосрочного развития — обеспечение национальной безопасности, повышение благосостояния людей; создание условий для максимального раскрытия возможностей, заложенных в каждом человеке, в том числе для самосовершенствования на основе расширения знаний и повышения уровня культуры; обеспечение здоровья, безопасности для человека и окружающей среды, сохранение биосферы и ноосферы в целом. Требуется создание системы долгосрочного индикативного планирования. При этом следует, безусловно, использовать опыт разработки Комплексной программы НТП (КП НТП) с учетом сегодняшних реалий (7)

Выводы. Выход из мирового кризиса неизбежно должен быть основан на введении жесткого государственного регулирования. Необходимо учитывать наиболее реальный сценарий введения ограничений на деятельность финансового сектора, аналогичных имевших место с середины 1930-х до конца 1970-х гг.

Требуется кардинальное изменение экономической политики для восстановления макроэкономической стабильности

и вывода экономики на траекторию опережающего роста исходя из задач долгосрочного развития России.

Учитывая большую территорию и природные богатства страны, необходимо развивать ОПК, используя его возможности также для производства гражданской продукции.

Требуется создание системы долгосрочного индикативного планирования, используя опыт разработки Комплексных программ научно-технического прогресса в СССР. Более подробное изложение проблем см. в (8).

Список литературы

1. *Глазьев С.* «О глубинных причинах нарастающего хаоса и мракх преодоления экономического кризиса», 14 апреля 2020 года. <http://spkurdyumov.ru/economy/o-glubinnyx-prichinax-narastayushhego-chaosa-i-merax-preodoleniya-ekonomicheskogo-krizisa/>
2. *Варшавский А.Е.* Бюджетно-налоговая политика: макроэкономические и микроэкономические проблемы. Научно-практический журнал «Концепции», Изд-во «ПИК ВИНТИ — Наука», №1 (35), 2016, с.3-16
3. *Корнев А.К.* Реиндустриализация отечественной рыночной экономики — резерв ее роста. Математика. Компьютер. Образование: Сб. научн. трудов (выпуск 25). № 6. — М.-Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2018.
4. *Восканян М.* Георгий Малинецкий: «Должен возникнуть новый порядок, вирус стал дымовой завесой» https://www.business-gazeta.ru/article/465593?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com
5. *Варшавский А.Е.* Пространственное неравенство и центростремительное движение населения России: угрозы экономической, научно-технологической и национальной безопасности // Научно-практический журнал «Концепции», Изд-во ООО «Арт-слово», №1 (37), 2018, с.3-27
6. *Варшавский А.Е.* Ускоренная деиндустриализация Москвы: основные проблемы и последствия // Научно-практический журнал «Концепции», Изд-во ООО «Арт-слово», №1 (37), 2018, с.79-96

7. *Варшавский А.Е., Яркин А.П.* Ведущая роль ЦЭМИ РАН в организации, управлении и разработке Комплексных программ научно-технического прогресса. Экономика и матем. методы, 2018, №3
8. *Варшавский А.Е.* Проблемы социально-экономического развития страны после завершения активной фазы борьбы с коронавирусом // Научно-практический журнал «Концепции». 2020. №1(39). С. 3-17.

Alexander Varshavsky³. Current problems of socio-economic and scientific-technological development. The paper deals with the current problems of socio-economic, scientific and technological development of Russia at the stage of the crisis of the world economic system, aggravated by the coronavirus. Among them are the improvement of economic policy as well as credit and financial system, etc. The issues of choosing priorities for socio-economic development, reducing excessive income inequality and spatial inequality, and improving the level of public administration in a crisis are considered.

Keywords: socio-economic policy, coronavirus, crisis, inequality, priorities, public state management

³ *Alexander Varshavsky*, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Head of the Laboratory, Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences

*М.И. Воейков*¹

ЭВОЛЮЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ НООНОМИКИ

В статье рассматриваются проблемы экономической роли государства в современном обществе. Показывается несостоятельность либеральной экономической модели и минимизации роли государства. Современное производство насыщенное новыми технологиями и научными знаниями требует совершенно новых регуляторов по сравнению с рыночными. Развивается новая экономика, которую в научной литературе называют ноономикой. В ней угасают многие элементы рыночной экономики, такие как частная собственность, деньги, финансы, свободная конкуренция, которые приобретают новое качество. Появляется новое проблемное поле для политической экономии.

Ключевые слова: Государство, либеральная экономическая модель, рыночная экономика, ноономика, политическая экономия.

¹ *Михаил Илларионович Воейков*, заведующий сектором политической экономии Института экономики РАН, д-р экон. наук, профессор.

Современная пандемия «COVID-19» заставляет о многом задуматься. И прежде всего это касается понятия государства и его функций. Ведь без вмешательства государства и строгих мер карантина, остановить пандемию было бы невозможно. В старой советской литературе государство рассматривалось как политическая надстройка над экономикой и властвующий аппарат господствующего класса. Но в современном мире многое изменилось. Когда-то бывшее четкое разделение общества на два противостоящих класса (работников наемного труда и собственников капитала) уходит в прошлое. Появляются новые классы и слои в обществе, собственность размывается, обостряется проблема социально-экономического неравенства, когда 1 % населения аккумулирует 42 % (как в США) или 74 % (как в России) всего богатства страны (4, с. 171). Государство начинает активно вмешиваться в повседневную жизнь граждан, минимизируя социальные риски и содействуя экономическому прогрессу. Государство становится активным и основным экономическим агентом. Так, например, пишет Дж. Стиглиц: «то, что мы едим и пьем, регулируется государством; где нам жить и в каком типе домов мы можем жить, регулируется различными государственными службами» (5, с. 11). Современная пандемия очень хорошо показала, что на место спонтанного развития, о чем мечтают либеральные экономисты, приходит жесткое государственное регулирование. И это неизбежно.

Сегодня мировое общественное развитие серьезно осложняется чередой глобальных кризисов, из которых на основе либеральной экономической модели, которая все пускает на самотек, просто нет выхода. Экономический либерализм, под лозунгом которого проводились реформы в России в 1990-х гг., к сегодняшнему дню не только себя исчерпал, но и доказал полную свою непригодность для современной экономики. Умные российские экономисты давным-давно это поняли и давно об этом писали. Так, М.И. Туган-Барановский писал еще в 1910 г.: «Идеал либерализма уже давно потерял свою

действенную силу и ни в ком энтузиазма не вызывает; уже давно никто не верит, что политическая и гражданская свобода, как бы широка она ни была, могла, сама по себе, привести к удачному разрешению социальных вопросов нашего времени и общему благополучию» (7, с. 56).

Человечество давно живет в придуманном, искусственном техническом мире. Современная человеческая цивилизация — это онаученное общество, общество знаний. Поэтому и социальное развитие общества и экономику надо оплодотворять научными знаниями. Научное знание проникает и в экономику, а с пришествием нового технологического уклада, новых технологий, в том числе цифровых, спонтанное экономическое развитие должно заменяться научно обоснованным, т.е. сознательно и планомерно организованным. В конце концов, экономическая наука только для того и существует, чтобы экономическую жизнь общества сделать лучше и просторнее. Из этого можно сделать тот вывод, что научное знание не есть товар в обычном понимании, который в процессе потребления утрачивается, что современное производство не есть уже рыночная экономика XVIII века. Рыночные регуляторы уходят в прошлое. Рыночная экономика, которая 200 лет назад была двигателем общественного прогресса, сегодня превращается в его тормоз.

Показательно, что когда рыночная экономика теряет свою позитивную функцию, плодятся фантомы экономической теории. Это касается разговоров о социальном капитале, интеллектуальном капитале фирмы, интеллектуальной собственности, экономики счастья и т.д. и т.п. То же самое можно отнести и к разговорам об информационном обществе, когда по мысли говорящих, информация превращается в особый ресурс и чуть ли не заменяет собой материальное производство. Информация нужна для развития и совершенствования того же материального производства и поиска благополучной жизни. Новый тип материального производства требует новых форм хозяйствования и управления и, видимо, нового понимания экономики вообще.

Традиционной экономике в общепринятом понимании уже нет места. Поэтому можно говорить о новом понятии «ноономика», которое ввел в научный оборот С.Д. Бодрунов (1). «Ноономика, — пишет С.Д. Бодрунов, — это неэкономический способ хозяйствования, удовлетворения несимулятивных потребностей общества и его членов. Это переход к реальности, которую в определенном смысле можно назвать постэкономической, о способе хозяйствования, где традиционные параметры — деньги, собственность, утилитарные и тем более симулятивные потребности — не будут иметь определяющего значения» (2, с. 10). Экономика как спонтанный хаос непреднамеренных действий уходит в прошлое. Новые технологии меняют роль государства, либеральное государство XIX века уходит в прошлое. И как бы ни сопротивлялись либеральные экономисты, рыночные отношения угасают, как и угасает частная собственность. И естественно, что при этом возрастает регулирующая роль государства. Современное государство уже нельзя рассматривать как политическую надстройку над экономическим базисом. Современное государство — это особая форма экономической самоорганизации общества.

Современное общество уже нельзя понимать как исключительно и сугубо рыночное (буржуазное) общество. Ценности менового общества начинают вытесняться ценностями гуманизма и социальности. Общественный интерес начинает преобладать над индивидуальными экономическими интересами, ибо индивидуальные экономические интересы не сводятся сами собой к общественному. Стало быть, максимизация прибыли (или дохода) на индивидуальном уровне уже не дает максимизации общественной полезности. Корпоративные производственные структуры отодвигают индивидуальные интересы на второй план, подчиняя их коллективным и групповым интересам, возрастает значение и общественного интереса. Государство перестает быть только «ночным сторожем» и следует говорить о ключевой роли государства в экономике.

Главное в этой трансформации состоит в том, что государство из политической формы перерождается в своеобразного экономического агента. Государство «погружается в экономику», как писал Н.И. Бухарин. В свое время Н.И. Бухарин считал, что государство как надстройка над экономическим базисом «вырастает из базиса вначале своего возникновения и оно погружается в базис и растворяется в нем в конце своего жизненного пути, когда государство отмирает» (3, с. 430). Государство действительно сегодня «погрузилось» в экономику, но это свидетельствует не об его отмирании, а, наоборот, о его разбухании. В этом была ошибка большевиков, когда они вслед за классиками утверждали, что в будущем обществе государство должно отмереть. Однако экономические функции государства сегодня состоят не столько в извлечении прибыли из менового процесса, сколько в стабильном и благополучном развитии общества, т.е. достижение интегральной общественной полезности. В том числе и в обеспечении стабильности извлечения прибыли. При этом меняется и само содержание стоимости. Современное государство не отменяет отношения стоимости, но трансформирует их самым существенным образом.

Это можно показать на примере современных денег. По мнению специалистов, за последние 30-50 лет в мире накопились колоссальные финансовые ресурсы, которые по большому счету некуда девать. Существует перенакопление капитала и тем самым капитализм переходит в какую-то иную стадию. Одним из важнейших факторов является, так называемая, финансиализация современного капитализма. Это означает, что финансовый сектор приобрел самостоятельное значение, оторвался от реального сектора экономики и по существу концентрируется на финансовых спекуляциях. Основой этого процесса, на наш взгляд, являются фидуциарные деньги.

В либеральном капитализме деньгами выступали драгоценные металлы (золото и серебро) или бумажные деньги, свободно конвертируемые в золото. В современном мире никакие бумажные деньги на золото не размениваются. Что же

представляют собой современные бумажные деньги? Ведь человеческий труд, заложенный в производство бумажной купюры ничтожен по сравнению с ее номиналом. *Сегодняшние деньги вообще ничем не обеспечены.* Все монеты и банкноты в США являются фидуциарными деньгами. А недавний мировой финансовый кризис вообще выводит деньги и в целом финансовую систему развитых стран из под рыночного саморегулирования. Поразительно, как это деньги, по природе своей, будучи самым рыночным инструментом регулирования экономики, сегодня становятся государственным рычагом регулирования рынка. В экономическом мире что-то переворачивается. Строго говоря, деньги превратились в особый документ политического соглашения (фидуциарные деньги, от латинского слова *fiducia* — сделка, основанная на доверии). Ничего рыночного в этих деньгах уже нет.

Современный мир сильно изменился, несмотря на то, что рыночные фундаменталисты не сдаются и не снижают своей активности в защиту рыночной экономики времен средневековой первозданности и чистоты методологического индивидуализма. Наоборот финансовые неурядица и кризисы они по-прежнему объясняют чрезмерной ролью государства. Государственное регулирование экономики, причем все более жесткое регулирование финансово-денежной системы, ведет в перспективе к плановому развитию экономики, что было характерно для Советского Союза. И это неизбежно. Если деньги перестали быть рыночным товаром и стали фидуциарными, т.е. формой политического соглашения и государственного регулирования, то это означает, что из под рынка выбит основной конституирующий его элемент. Экономика, основанная на рыночном процессе и экономическом индивидуализме, что было предметом исследования классической политической экономии, превратилась или превращается в огосударвленную экономику, где цель приращения экономической эффективности заменяется на цель приращения общественной полезности. И это хорошо показала современная пандемия, когда главное все же не прибыль, а здоровье людей.

Изменяются фундаментальные основы и рыночной экономики. Возрастание роли государства в распределительных процессах (почти половина ВВП в основных странах распределяется не через рынок), борьба с бедностью и неравенством, огосударствление финансовой сферы принципиально меняют основы рыночной экономики. Конечно, от всего этого проблем становится не меньше, но они уже изучаются в большей мере другими социальными науками.

Однако, утверждая, что проблемное поле классической политической экономии истончается, тем не менее, надо признать, что оно еще есть и требует политэкономического осмысления. Это относится как к старым проблемам, так и к новым. Например, как понимать и трактовать те же самые фидуциарные деньги, процент за кредит, ренту, распределение и т.п. Например, есть такая проблема как «поиск ренты» «Проблема заключается в том, — пишет Таллок, — что колоссальные суммы денег, похоже, поступают людям, которые не сделали никаких инвестиций для их получения» (6, с. 144). Т.е. деньги (богатство) поступают людям не как результат рыночного обмена, а как-то иначе. И, как правило, современное государство в этом процессе играет существенную роль. Это и призвана объяснять новая политическая экономия. Которую для условий ноономики можно назвать посткласической политической экономией.

Действительно, появляется новое проблемное поле политической экономии на границе рынка и нерынка. Тут можно выделить две противоречивые линии. Первая, то что есть процессы, отношения и блага, которые по природе своей не имеют рыночного характера, но в силу всеобщности денежной экономики, получают денежный эквивалент и предстают как результат овеществления. Т.е. нерыночное благо начинает функционировать в оболочке рыночного товара. Это благо (например, культура, образование, спорт) благодаря многим индивидуальным действиям приобретает товарную (денежную) форму и начинает функционировать как элемент (часть) ры-

ночной экономики. Часто некоторые авторы рассматривают культуру или образование как отрасли экономики. Возможно, это правильно, но только в том случае, если экономику брать не только как рыночный обмен, а как процесс максимизации общественной полезности. Таким образом, потребительная стоимость не через меновую, а непосредственно становится предметом политической экономии или богатством становятся самопредставляемые вещи. Другая линия обратная. Многие рыночные продукты (товары) в силу социальных ограничений налагаемых государством и других причин перестают быть товарами и выпадают из нормального рыночного функционирования. Например, общественные блага, для которых создается «квазирынок». Но это уже не рынок в традиционном понимании. Конкуренция здесь превращается в простой соревновательный процесс. Так, Большой театр в Москве соревнуется с Малым театром за качество постановок, за зрителя, благо, что они находятся рядом. Но это не есть рыночная конкуренция, ибо Большой театр не собирается скупить Малый и занять все театральное пространство в Москве. Так же и в отраслях высоких технологий, где рыночная конкуренция превращается в простой соревновательный процесс. Таким образом в ноономике угасает рыночный процесс, но остается соревнование производителей за максимизацию общественной полезности.

Список литературы

1. *Бодрунов С.Д.* Ноономика. — М.: Культурная революция, 2018. — 432 с.
2. *Бодрунов С.Д.* Технологическая революция требует глубокого реформирования экономики. // Экономическое возрождение России, 2019, № 2(60). С. 5-11.

3. *Бухарин Н.И.* Избранные произведения. — М.: Экономика, 1990. — 542 с.
4. *Воейков М.И., Анисимова Г.В.* Политическая экономия неравенства. — М.: ЛЕНАНД, 2018. — 272 с.
5. *Стиглиц Дж.* Экономика государственного сектора. — М.: Изд-во МГУ, ИНФРА-М, 1997. — 720 с.
6. *Таллок Г.* Общественные блага, перераспределение и поиск ренты. — М.: Изд. Института Гайдара, 2011. — 224 с.
7. *Туган-Барановский М.И.* К лучшему будущему. Сб. социально-философский произведений. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1996. — 528 с.

Michael Voeykov². Evolution of the economic functions of the state in the conditions of nonomics.

The article examines the problems of the economic role of the state in modern society. It shows the failure of the liberal economic model and minimization of the role of the state. Modern production saturated with new technologies and scientific knowledge requires completely new regulators in comparison with the market ones. A new economy is developing, which in scientific literature is called noonomics. Many elements of the market economy are fading away in it, such as private property, money, finance, free competition, which acquire a new quality. A new problematic field for political economy is emerging.

Keywords: State, liberal economic model, market economy, noonomy, political economy.

² *Michael Voeykov*, Doctor of Economic Sciences, Professor, Head Sector of Political Economy, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences.

А.Е. Городецкий¹

ГОДЫ 2020–2021: ИСПЫТАНИЕ КРИЗИСОМ, РОСТКИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ И КОНТУРЫ БУДУЩЕГО

В статье рассмотрены особенности второй волны кризиса в контексте теоретических положений и прогнозов. Проанализированы динамика коронавирусной инфекции, ее особенности по отдельным странам, российская действительность протекания пандемии, изменения экономической статистики. Обобщены данные об эффективности моделей антипандемической политики, которые были апробированы на первой стадии коронокризиса, проанализированы коррективы, которые вводятся уже в разгаре второй волны. Оценены тенденции разработки антивирусной вакцины и вакцинации, ситуация нездоровой конкуренции вокруг выводимых на фармакологические рынки вакцин, социальные издержки коронокризиса и роль пандемического нигилизма в ослаблении действенности правительственной политики противодействия коронокризису. Уточнены оценки роли Китая в преодолении последствий пандемии и экономического кризиса, его воздействия на формирование нового, будущего мироустройства. Определены возможные точки роста и направления постпандемического прорывного развития для России.

¹ *Андрей Евгеньевич Городецкий*, руководитель научного направления «Институты современной экономики и инновационного развития» Института экономики РАН, д-р экон. наук, профессор.

Ключевые слова: Сущность и противоречия коронокризиса, изменение показателей пандемической и экономической статистики, модели регулирования, китайский опыт, облик будущего, основные направления посткризисного развития.

**Коронокризис»:
принципиально новый вызов безопасности и развитию**

Время, истекшее с начала кризиса, во многом подтверждает наши первоначальные оценки, сделанные в марте — июне по итогам первой волны кризиса. Коронавирусная пандемия как разновидность глобального кризиса особого рода, по своим многосторонним последствиям действительно затронула все стороны бытия человека, общества, экономики. Она высветила новые реалии и глобальные тренды современного миропорядка, национальных экономик всех без исключения стран.

Коронавирус выступил и как самостоятельный кризис, связанный с демографией и медико-биологической безопасностью, и как триггер (т.е. спусковой крючок) и катализатор глобального экономического кризиса. Он породил новое противоречие: жизнь и безопасность жизни, с одной стороны, и непрерывность, устойчивость экономики, экономического процесса, обеспечивающей материальные условия жизни, — с другой, находящиеся в остром конфликте. Обратной стороной этого противоречия явился и социально-гуманитарный кризис за горизонтами которого просматривается и глубокий цивилизационный кризис. Последнее связано с критическим углублением и без того глубокого социально-экономического неравенства как глобальной проблемы, а для стран за пределами «золотого миллиарда», ряда развивающихся стран (входящих в региональные объединения ЕАЭС, БРИКС, ШОС, Восточного партнерства) — угрозы голода.

Эти совмещенные глобальные кризисы поставили в один ряд проблемы глобальной, национальной и региональной экономической безопасности в их органической и системной

связи с медицинской/биологической/бактериологической безопасностью. Они реально угрожают катастрофическими последствиями для всех, и требуют солидарной реакции, со стороны мирового сообщества, государства, гражданского общества, науки, образования, систем социально-культурной инфраструктуры, глобального управления, государственной экономической и социальной политики. Но императивы солидарности перед лицом кризиса, несущего капитальные угрозы всем без исключения государствам и странам, пока не в полной мере находят отклик и понимание среди ряда государств и правительств, играющих системообразующую роль в современном глобальном управлении.

Как совместить императивы антипандемической политики и необходимость противостоять падению производства, занятости, доходов? В выступлении Президента РФ В.В.Путина на заседаниях Валдайского клуба-2020, было сформулировано понимание того, существует и уже найден оптимум в применении мер антипандемической и антикризисной политики. Этот оптимум есть ближайший ориентир и критерий текущей политики и оперативного регулирования. Но осень/зима 2020 года уже преподнесла немало сюрпризов и время покажет, насколько мы действительно близки к этому «оптиму».

Американское лидерство и европейская инфекционная солидарность

Необходимо отметить, что, парадоксальным образом, страны Северной Америки и ЕС оказались наиболее неготовыми к пандемии и ее экономическим последствиям. Уже февральская статистика Рособрандзора 2021 г. свидетельствует².

² Информационный бюллетень о ситуации и принимаемых мерах по недопущению распространения заболеваний, вызванных новым коронави *COVID-19*.

- Всего в мире зафиксировано 102957194 случаев;
- Количество случаев на 100 тыс. — 1345,8
- прирост за сутки, случаев, — 394868
- прирост на 100 тыс. — 5,2
- прирост за сутки в % — 0,39%
- прирост за сутки — 8896 (0,62%).
- По общему количеству абсолютный лидер, — Американский регион (45889765), наибольший прирост случаев за сутки — (187533).
- Наибольший количество заболевших и максимум показателей прироста в относительных значениях после Американского региона зафиксирован в Европейском регионе (9,9).

Характерную по-страновую картину состояния эпидемиологической ситуации дает регулярную статистику Роспотребнадзора. По распространению вирусной инфекции лидируют США, страны ЕС, Индия, Бразилия, Турция. По летальности, — средне- и слаборазвитые страны Латинской Америки, Севера Африки и Ближнего Востока, Китай, Иран и единственная страна входящая в ЕС, — Болгария.

В странах-лидерах современного мира сконцентрирована и наиболее активная антипандемическая политика, — научные исследования, тестирование, разработка вакцин.

Показательна статистика второй, осенней волны коронакриза в России, представленная на рисунке 5, которая стартовала в августе-сентябре 2020 г. С одной стороны, Россия, на фоне других стран, сохраняет свое положение как наименее страда-

русом (за 01.02.20201r); https://www.rosпотребнадзор.ru/about/info/news/news_details.php?ELEMENT_ID=16259]. (Информация подготовлена ФКУЗ РосНИПЧИ «Микроб») Актуальная эпидемическая ситуация в России и мире (29.12.2020) [Электронный ресурс — Режим доступа : О новой коронавирусной инфекции (rosпотребнадзор.ru), https://www.rosпотребнадзор.ru/region/korono_virus/punkt.phphttps://www.rosпотребнадзор.ru/region/korono_virus/epid.php]

Таблица 1

Эпидемиологическая обстановка и распространение COVID-19
в мире по состоянию на 8.00 по мск от 01.02.2021 г.

Регион	Кол-во случаев	Кол-во случаев на 100 тыс.	Прирост за сутки, слу- чаев	Прирост на 100 тыс.	Прирост за сутки, %
ВСЕГО В МИРЕ	102957194	1345,8	394868	5,2	0,39%
Американский регион	45889765	2418,0	187533	9,9	0,41%
Европейский регион	34556528	1732,3	137418	6,9	0,40%
Восточно-Средиземномор- ский регион	5668745	610,3	19483	2,1	0,34%
Западно-Тихоокеанский регион	1406800	138,6	10562	1,0	0,76%
Юго-Восточная Азия	12870449	1794,8	27607	3,8	0,21%
Африканский регион	2564907	233,8	12265	1,1	0,48%

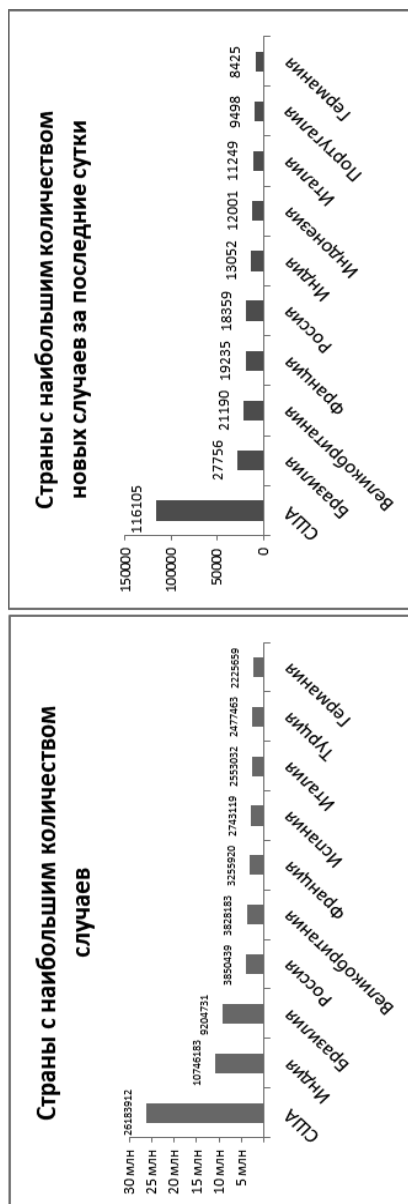

Рис. 1-2.
Страны с наибольшим общим количеством случаев и страны с наибольшим количеством случаев, выявленных за последние сутки

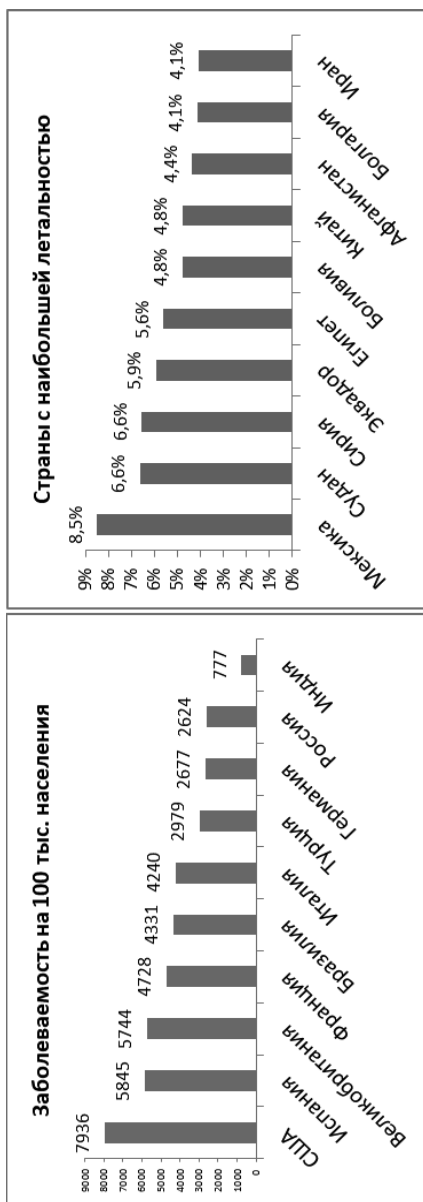

Рис. 3-4. Заболееваемость на 100 тыс. населения в наиболее пораженных странах и страны с наибольшей летальностью (среди государств с более чем 3000 случаев заболевания)

ющая страна с точки зрения динамики заболеваемости³, выздоровления и смертности⁴.

С другой стороны, характерен резкий взлет коронавирусной эпидемии по сравнению с ее первой волной. И здесь наши гипотезы и предположения, связанные с недостатком знаний о природе вируса, вариациях его поведения, способности к мутациям, возможных этномодификаций вируса в связи с географией его распространения, механизмах взламывания иммунитета, устойчивости во времени антител, образуемых после вакцинации⁵, тоже оказались небеспочвенны. Вирус во время второй волны оказался еще более опасным и непредсказуемым, нежели весной 2020 года. Произошел новый взрыв эпидемии в Китае, вызванный новым штаммом вируса. Появились бразильские, южноафриканские, британские штаммы. Они оказываются более активными, опасными с точки зрения распространения, протекания болезни, вероятности смертности.

И еще одно обстоятельство. Давление экономики, экономических обстоятельств и интересов после спада первой волны, на фоне завышенных ожиданий выхода из кризиса, усталости

³ Информационный бюллетень о ситуации и принимаемых мерах по недопущению распространения заболеваний, вызванных новым коронавирусом (за 01.02.20201r); https://www.rosпотребнадзор.ru/about/info/news/news_details.php?ELEMENT_ID=16259]. (Информация подготовлена ФКУЗ РосНИПЧИ «Микроб»). Актуальная эпидемическая ситуация в России и мире (29.12.2020). [Электронный ресурс — Режим доступа : О новой коронавирусной инфекции (rosпотребнадзор.ru), https://www.rosпотребнадзор.ru/region/korono_virus/punkt.phphttps://www.rosпотребнадзор.ru/region/korono_virus/epid.php

⁴ Данные по коронавирусу в России и мире Онлайн-статистика, графики и карты распространения COVID-19: число заболевших, умерших и выздоровевших в Москве, по регионам РФ и странам мира. «Коммерсантъ» от 08.04.2020, 14:35 (обновлено в 11:29, 05.02.2021) Последние данные по коронавирусу в России и мире — Мир — Коммерсантъ (kommersant.ru), <https://www.kommersant.ru/doc/4314405>

⁵ *Городецкий А.Е.* Развитие и безопасность в условиях кризиса, пандемии и в постпандемическом мире.// Развитие и безопасность/ НГТУ им. Р.Е. Алексеева. — Нижний Новгород, 2020 №2, — С.24-33

Таблица 2

Страны с наибольшим числом проведенных лабораторных исследований на COVID-19

Страна	Количество тестов	Данные от:	В расчете на 1 млн населения:
США	312136603	31.01.2021	945990
Индия	196588372	31.01.2021	142195
Китай	160000000	06.08.2020	113673
Россия	102002995	31.01.2021	695087
Великобритания	71677362	29.01.2021	1075476
Франция	44068668	31.01.2021	639979
Германия	38533736	27.01.2021	463428
Италия	32666726	31.01.2021	542471
Испания	32027728	26.01.2021	682390
Турция	29631422	31.01.2021	356340

Таблица 3

Эпидемиологическая ситуация в Российской Федерации

Всего в РФ:		с 02.03.2020 по	31.01.2021	За последние сутки	(по данным на 31.01)
Случаев заболевания		3850439	В 85 субъектах	18359	В 84 субъектах

А.Е. Городецкий

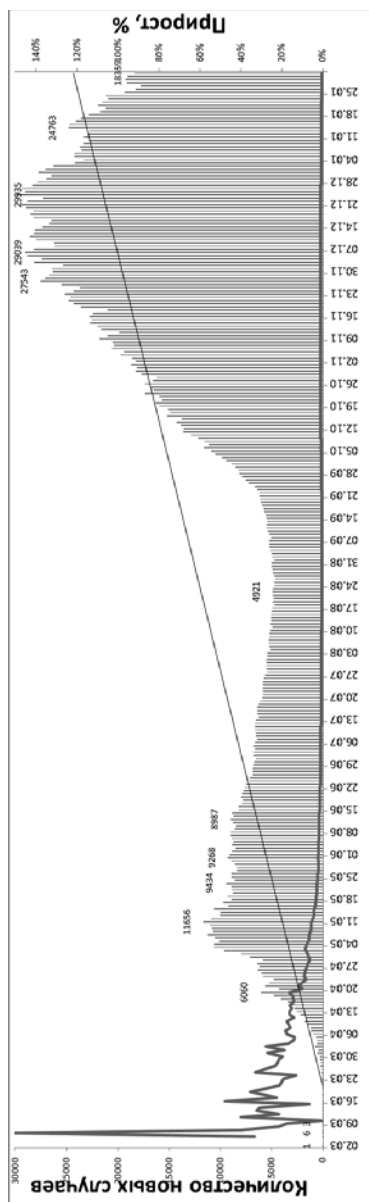

Рис. 5. Ежедневный прирост случаев в Российской Федерации

от локдаунов, других жестких ограничений привело к ослаблению мер антипандемической политики. Были сняты определенные барьеры на передвижения людей, запреты на деятельность предприятий и организаций торговли, социально-культурной инфраструктуры, И это тоже сыграло свою роль. Предупреждения о том, что мы уже «никогда не будем жить как прежде», что «коронокризис», — это надолго, не возымели должного действия. И социальные протесты против вновь вводимых новых ограничений, — карантинных, самоизоляции, комендантских часов, частичных ограничений работы торговых сетей, организаций культуры и досуга, спортивных мероприятий, — лучшее тому подтверждение.

Сегодня протесты социального характера охватили США, Великобританию, Францию, Нидерланды, Германию, они включают самые широкие слои населения, концентрируя в себе не только протест против недостаточно эффективной антикризисной политики, роста безработицы, падения жизненного уровня, фиаско сложившихся систем страховой медицины, но и появления новых форм социального неравенства, связанных с доступом к вакцинации, лечению заболевания, качеством медицинского обслуживания.

В октябре-ноябре 2020 года заболеваемость росла лавинообразно, она пошла в регионы, причем, когда в Москве наметился было спад/стабилизация пандемии, в регионах она продолжала устойчиво расти. Вообще, региональная дифференциация эпидемиологической ситуации в России, это вновь возникший вид острого социального неравенства, который, несмотря на несомненно важные усилия государства и успехи в лечении коронавируса, разработке противовирусных вакцин, интенсивном строительстве и вводе в строй инфекционных госпиталей, мобилизации инфекционных «красных зон» в действующих медицинских учреждениях, болезненно сказывается на положении и умиротворении населения.

Вторая волна коронокризиса и вакцинация

Вторая осенняя волна кризиса. С одной стороны, страны с более или менее последовательной антипандемической политикой ищут избирательных решений, более ответственно подходя к введению ограничений и контролю за ними. Более того, там, где прогрессирует ухудшение эпидемиологической обстановки, возвращаются ограничения на въезд-выезд в страну; комендантский час, работу социально-экономической инфраструктуры. Жесткой самоизоляции и карантинных стараются избегать. Идеи оптимума антипандемических мер и интересов экономики нацелены на применение моделей гибких, селективных решений. Этому способствуют оптимистические ожидания о скором получении вакцин и проведении вакцинации граждан. Но все меняется с обострением вирусной инфекции. Что и подтверждается реакцией властей в Северной Америке, ЕС, Израиле, Японии.

Проблемы создания и применения вакцины: это огромное достижение современной науки. Лидерство России в этой области уже не оспаривается, но распространение российской вакцины тормозится. На Западе эта тема идеологизируется и политизируется (кампании против российской вакцины и попытки запретить ее закупки в ЕС, странах-сателлитах). Против российских разработок и практики массовой вакцинации развернулась настоящая информационная война. Значительную лепту здесь вносят транснациональные фармакологические корпорации, явно проигрывающие конкурентную борьбу с российскими и китайскими разработками.

Усилились и негативные реакции определенных слоев общества на Западе, выступающих против вакцинации населения, выходящих на улицы с протестом против ограничительных мер (эксцессы либеральной культуры личных прав и свобод, культ безграничного индивидуализма; как разновидность социальных девиаций, — сложился даже особый социальный тип людей, — пресловутые «ковидисиденты», — принципиаль-

но отказывающиеся вакцинироваться и пытающиеся сформировать соответствующие протестные движения. Это, отчасти, объясняется побочными результатами недобросовестной конкуренции в области разработки и применения вакцин, когда, как в случае с американо-германской вакциной «Pfizer», возникают тяжелые осложнения и даже смертельные исходы⁶.

На этом противоречивом фоне, очень серьезными выглядят, оценки и ожидания, исходящие из профильным структур ООН. **В ООН предрекли катастрофический 2021 год.**

Ожидается, что в 2021 году мир рискует оказаться перед лицом самого тяжелого за последние 75 лет гуманитарного кризиса. По свидетельству директора Всемирной продовольственной программы (ВПП) ООН Дэвида Бизли на специальном заседании Генассамблеи Организации Объединенных Наций, посвященном борьбе с COVID-19.

По совокупности причин, количество людей, находящихся на грани голодной смерти, увеличилось с 80 до 135 миллионов. Из-за пандемии их число выросло до 270 миллионов, добавил он. В условиях продолжающегося экономического спада потребности увеличились вдвое», — пояснил он. И если не удастся предотвратить новые волны пандемии, связанный с ними продолжающийся кризис, мобилизовать необходимые средства, то мировое сообщество погрузится в совершенно

⁶ О смертях среди тяжелобольных пациентов домов престарелых и интернатов, получивших прививки от COVID-19, ранее сообщали власти Норвегии и Германии. Сообщалось о смерти чуть более 30 человек. По словам инфекциониста, доктора медицинских наук Николая Малышева, их появление может быть связано с тем, что вакцинацию в странах ЕС начали с уязвимых категорий населения. «Вакциной начали прививать стариков, глубоких стариков. Дома престарелых, интернаты... Они могут умирать, иметь различные осложнения просто по собственному возрастному статусу, и вакцина тут ни при чем», — сказал он, добавив, что нужно внимательно анализировать общую статистику по всем категориям населения. Подробнее на РБК: Как эксперты объяснили сообщения о смертях от вакцины Pfizer :: Общество :: РБК (rbc.ru); <https://www.rbc.ru/society/25/01/2021/600a97979a79475bd99822ea>

непредсказуемый экономический и гуманитарный кризис. В этом случае, заявил Бизли, человечество не сможет «пережить 2021 год»⁷.

Осенняя волна коронакризиса и экономические показатели

Экономический пессимизм в оценках последствий коронавируса, за некоторыми исключениями, сегодня доминирует.

В III квартале 2020 г., когда в большинстве стран масштабы распространения коронавирусной инфекции несколько сократились и усилилась экономическая активность населения, снижение ВВП оказалось не столь значительным, как в предыдущем квартале.

В странах «Группы семи» темпы прироста ВВП по сравнению с аналогичным периодом прошлого года были отрицательными и находились в диапазоне от -9,6% до -2,9%, но во II квартале снижение в этой группе было еще более глубоким — от -21,5% до -9,0%.

В странах «Группы семи» темпы прироста ВВП по сравнению с аналогичным периодом прошлого года были отрицательными и находились в диапазоне от -9,6% до -2,9%, но во II квартале снижение в этой группе было еще более глубоким — от -21,5% до -9,0%⁸.

В России спад в динамике ВВП в III квартале 2020 г. был менее выраженным, чем в большинстве государств семерки,

⁷ В ООН предрекли катастрофический 2021 год 18:57 04.12.2020 (обновлено: 20:08 04.12.2020). В ООН предрекли катастрофический 2021 год — РИА Новости, 04.12.2020 (ria.ru) https://ria.ru/20201204/oon-1587737785.html?rcmd_alg=collaboration2&rcmd_id=1587543617

⁸ Важнейшие экономические показатели России и отдельных зарубежных стран. [Электронный ресурс — Режим доступа : https://rosstat.gov.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/216.htm]

и составил -3,6% относительно соответствующего периода 2019 г. (во II квартале 2020 г. он составлял -8,0%).

В Китае отмечалась позитивная динамика ВВП — прирост 4,9% по сравнению с III кварталом предыдущего года (во II квартале прирост был 3,2%).

Более подробные данные об изменении этих и некоторых других показателей приводятся ниже.

Экономические показатели некоторых стран в III кв. 2020 г, согласно данным Росстата, выглядят следующим образом.

Картина кризиса достаточно выразительная. Практически все страны, кроме Китая, находятся в зоне спада. Сюрпризом явились показатели отдельных стран-членов БРИКС, — Бразилии (-11,4%), Индии -23,5%), ЮАР (-17,2%). Такого спада не наблюдалось даже в годы глобального экономического кризиса 2008-2010 гг. Но и для стран Запада спад в интервалах от -2,9% (США) до -9,6% (Великобритания) является существенным.

Еще более выразительная картина спада в области промышленного производства. Здесь вообще по пяти странам (Германия, Италия, Франция, Япония, Индия) фигурируют двузначные цифры при, в целом, очень высоких цифрах спада по остальным позициям группировки.

Характерна и по-страновая динамика занятости: она идет в русле основных экономических тенденций. Россия с ее показателем в 6,3 % выглядит вполне сносно на фоне Италии (9,6%), Канады (9,0%), США (7,9%), Франции (7,9%), уступая ФРГ (4,5%), Великобритании (4,8%), и Японии (3,0%).

Очень характерна статистика деловой активности организаций и предприятий. На фоне пестрой картины падения индекса предпринимательской уверенности предприятий и организаций обрабатывающих производств по странам ЕС, где по некоторым странам показатели падают от 10 % и выше (Польша — 19,6 %; Великобритания -16 %; Португалия — 16,6%; Франция -15,1 %; от 5 до 10 и выше процентов, — Австрия, Бельгия, Греция, Италия, Люксембург, Нидерланды, Финлян-

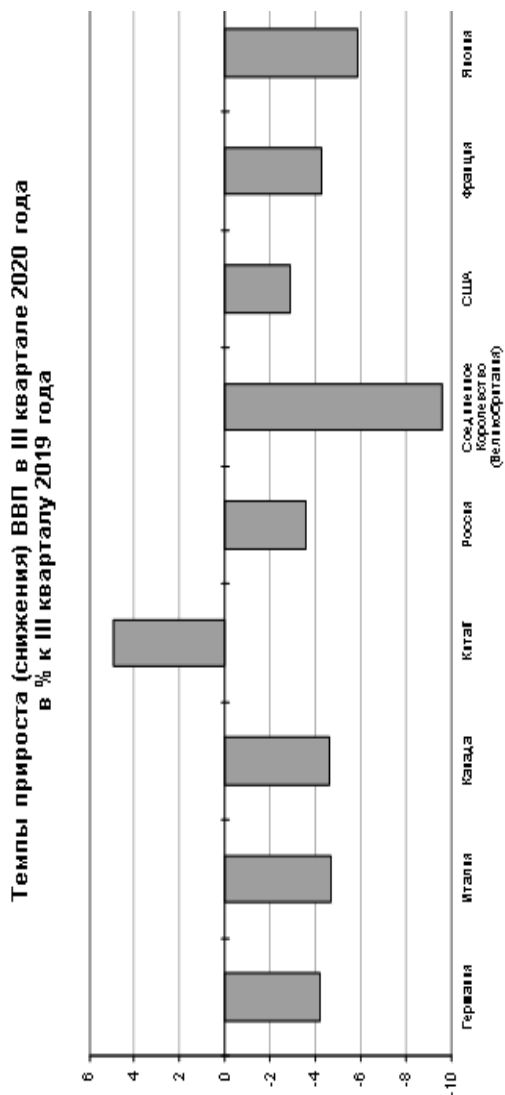

Рис. 6. Сравнительные данные по странам, темпы прироста ВВП^{*}

* Важнейшие экономические показатели России и отдельных зарубежных стран. [Электронный ресурс — Режим доступа : https://rosstat.gov.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/216.htm]

Таблица 4

Динамика реального объема валового внутреннего продукта¹
в % к предыдущему периоду, прирост (снижение)

	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	III квартал 2020 г. в % к III кварталу 2019 г.
Россия	0,2	1,8	2,5	1,3	-3,61)
Бразилия	-3,3	1,3	1,3	1,1	-11,42)
Германия	2,2	2,6	1,3	0,6	-4,2
Индия	8,3	7,0	6,1	4,2	-23,52)
Италия	1,3	1,7	0,9	0,3	-4,7
Канада	1,0	3,2	2,0	1,7	-4,6
Китай	6,8	6,9	6,7	6,1	4,9
Соединенное Королевство (Великобритания)	1,9	1,9	1,3	1,5	-9,6
США	1,7	2,3	3,0	2,2	-2,9
Франция	1,1	2,3	1,8	1,5	-4,3
ЮАР	0,4	1,4	0,8	0,2	-17,22)
Япония	0,5	2,2	0,3	0,7	-5,9
1) Предварительная оценка.					
2) II квартал 2020 г. в % к II кварталу 2019 года.					

* Важнейшие экономические показатели России и отдельных зарубежных стран. [Электронный ресурс — Режим доступа : https://rosstat.gov.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Sig/d02/216.htm]

Таблица 5

**Динамика промышленного производства
(в % к предыдущему году, прирост)¹**

	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	Январь-сентябрь 2020 г. в % к январю-сентябрю 2019 г.
Россия ¹	1,8	3,7	3,5	3,3	-2,9
Бразилия	-6,4	2,5	1,0	-1,1	-7,5
Германия	1,5	2,9	1,2	-4,2	-12,9
Индия	5,2	3,5	5,2	0,7	-15,2
Италия	2,1	3,8	0,7	-1,1	-13,8
Канада	0,1	5,5	3,9	-0,4	-9,22)
Соединенное Королевство (Великобритания)	1,1	1,8	0,9	-1,1	-9,8
США	-2,0	2,3	3,9	0,8	-7,7
Франция	0,5	2,0	0,5	0,3	-12,5
Япония	0,2	2,6	1,0	-2,6	-11,8

* Важнейшие экономические показатели России и отдельных зарубежных стран. [Электронный ресурс — Режим доступа : https://rosstat.gov.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Sig/d02/216.htm]

дия, Чехия), Россия, — по состоянию на декабрь 2020 г. показала падение всего на -3,3 %.

Таблица 6

Уровень безработицы (в % к численности рабочей силы)⁹

	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	Сентябрь 2020 г.
Россия	5,5	5,2	4,8	4,6	6,3
Германия	4,1	3,7	3,4	3,1	4,5
Италия	11,7	11,2	10,6	10,0	9,6
Канада	7,0	6,3	5,8	5,7	9,0
Соединенное Королевство (Великобритания)	4,8	4,3	4,0	3,7	4,81)
США	4,9	4,4	3,9	3,7	7,9
Франция	10,0	9,4	9,0	8,4	7,9
Япония	3,1	2,8	2,4	2,4	3,0

1) Август 2020 года.

Контурь нового миропорядка

То, что происходит глубокий, всеобъемлющий кризис экономического миропорядка, сегодня не оспаривается никем. Но за облик нового мира и миропорядка ведется ожесточенная борьба. Именно этим объясняется резкое обострение отношений между Россией и Западом, агрессивная политика США в отношении Китая, схватки за право формировать новые иерархии силы и лидерства, институты и правила в грядущем экономическом и политическом мироустройстве.

⁹ Важнейшие экономические показатели России и отдельных зарубежных стран. [Электронный ресурс — Режим доступа : https://rosstat.gov.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/216.htm]

Таблица 7

**Индекс предпринимательской уверенности организаций
обрабатывающих производств по России и отдельным странам¹**

Страна	Декабрь 2019 г.	Декабрь 2020 г.	Страна	Декабрь 2019 г.	Декабрь 2020 г.
Россия ²⁾	-2,2	-3,3			
Австрия	-8,7	-7,9	Люксембург	-16,8	-9,5
Бельгия	-10,6	-5,4	Нидерланды	-0,4	-6,4
Великобритания	-22,0	-16,4	Польша	-10,1	-19,6
Венгрия	-1,4	-11,3	Португалия	-4,8	-16,6
Германия	-16,5	-3,6	Словакия	-6,0	-0,2
Греция	2,0	-10,3	Финляндия	-7,7	-7,2
Дания	-6,1	-3,1	Франция	-8,7	-15,1
Испания	-2,6	-10,6	Чехия	-5,4	-5,1
Италия	-6,1	-10,2	Швеция	-9,2	1,8

1) По данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) (кроме России) с учетом сезонной корректировки.

2) Оценка данных с исключением сезонного фактора осуществлена с помощью программы «JDEMETRA+».

При поступлении новых данных статистических наблюдений динамика может быть уточнена.

* Срочные информации и справки по актуальным вопросам Copyright © Федеральная служба государственной статистики. Деловая активность организаций в России в январе 2021 года (rosstat.gov.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/20.htm)

Однополярный мир сдает свои позиции. Но при этом жестко борется за свое «место под солнцем». Однако какая многополярность идет ей навстречу, мы не знаем, она таит в себе многие неожиданности и риски оттеснения/выдавливания России из новых посткризисных иерархий экономического и политического лидерства, на периферию новых балансов сил и интересов, мировой политики, геополитики и геоэкономики. Но эти процессы таят в себе и многие новые возможности. Это выдвижение новых геополитических ориентиров, стратегических целей, приоритетов. Это переосмысление и формирование нового круга глобальных и национальных интересов. Предстоит понять принципиальные сдвиги в структуре Большой Евразии, формирование глобальных трендов в образовании региональных союзов и глобальных партнерств, суть и смыслы «Восточного разворота» России, ее места в этом новом Евро-Евразийском партнерстве, взаимоотношений с Китаем, старыми и новыми азиатскими лидерами, выстраивание контуров глобального восточно-тихоокеанского партнерства.

Роль Китая как локомотива выхода из кризиса, ядра новой глобализации и возможного лидера в постпандемическом и посткризисном мире, инициатора новых геополитических и геоэкономических конфигураций

Китайское лидерство сегодня — это объективный и устойчивый глобальный тренд в современных международных отношениях, мировых экономических связях. Подробно о перспективах Китая в постпандемическом мире наша позиция изложена в ряде работ Института экономики РАН, на страницах журнала «Развитие и безопасность»¹⁰.

Новая модель развития Китая: взгляд на внутренние и внешние задачи через призму статуса завтрашней глобальной державы.

¹⁰ Городецкий А.Е. Развитие и безопасность в условиях кризиса, пандемии и в постпандемическом мире // Развитие и безопасность / НГТУ им. Р.Е. Алексеева. — Нижний Новгород, 2020. № 2 (6). — С. 18-37

В настоящее время Китай продвигает формирование новой модели развития, основу которой составляют внутренние циклы страны. С международными они взаимодополняют друг друга, что не только открывает пространство для экономического развития Китая, но и дает импульс восстановлению и росту глобальной экономики.

Столкнувшись лицом к лицу с новыми вызовами, Китай выдвинул новую идею, — концепции Сообщества единой судьбы человечества. Ее суть — поддержка новой модели глобальной экономики открытого типа и активное участие в ее формировании. Китай выступает против коронокризисной вспышки идей и практик унилатерализма¹¹ и протекционизма и настаивает на необходимости защиты международной системы, ядром которой является ООН.

Лидер Китая Си Цзиньпин выступил со знаменательным утверждением, что ни одна страна мира не вправе доминировать в глобальных делах, вершить судьбами других и монополизировать преимущества развития. Тем более никто не имеет пра-

¹¹ **Унилатерализм** — любая доктрина или программа, которая поддерживает односторонние действия. Такие действия могут пренебрегаться другими участниками, или, в знак приверженности направлению, другие участники могут выражать согласие с ними. Унилатерализм является неологизмом (но, несмотря на это, часто используемым) созданным в качестве антонима для мультилатерализма — учение, которое утверждает выгоду от участия столь многих сторон, насколько это возможно. Оба этих термина имеют отношение к различиям в способах решения международных проблем во внешней политике. Когда абсолютно необходимо согласие между различными сторонами — например, в контексте международной торговой политики — билатериальные соглашения (с участием двух сторон) обычно являются более предпочтительными для сторонников унилатерализма. Сегодня, в условиях достаточно продолжительной истории американского монопольного доминирования, монополярного Pax Americana укоренились практики говорить об американском унилатерализме, в последние годы, — унилатерализме Д.Трампа (Источник: Унилатерализм. [Электронный ресурс — Режим доступа : <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A3%D0%BD%D0%B8%D0%BB%D0%B0%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%BC>]

ва действовать произвольно, проводить политику «исключительности» и «двойных стандартов».

Си Цзиньпин отметил, что ООН должна решительно отстаивать справедливость, строго придерживаться принципа верховенства закона, способствовать сотрудничеству и фокусироваться на реальных действиях. Эти четыре положения воплощают в себе ожидания международного сообщества в отношении Организации Объединенных Наций и задают правильный курс реформы системы глобального управления¹².

Эти идеи в развернутом виде были представлены на Давосском экономическом форуме — 2021¹³ и во многом прозвучали вызовом и идеолого-политическим ответом на идеи старых и новых глобалистов, сторонников консервации подкорректированных моделей монополярного мира и цивилизационно-культурной, геополитической и геоэкономической гегемонии Запада¹⁴.

¹² *Мария Беляева*. Под знаменем ООН. Посол КНР — о том, какой миропорядок отстаивает Китай // Еженедельник «Аргументы и Факты» № 43. 30 лет в свободном плавании 21/10/2020 [Электронный ресурс — Режим доступа : https://aif.ru/politics/world/pod_znamenem_oon_posol_knr_o_tom_kakoy_miroпорядок_otstaivaet_kitay0]

¹³ *Синьхуа* (Китай): полный текст специальной речи председателя КНР Си Цзиньпина во время Диалога «Давосская повестка дня» ВЭФ. 26.01.2021. Пекин — полный текст специальной речи на тему «Пусть факел мультилатерализма осветит путь к будущему человечества», с которой выступил председатель КНР Си Цзиньпин 25 января 2021 года во время диалога «Давосская повестка дня» ВЭФ. Синьхуа (Китай): полный текст специальной речи председателя КНР Си Цзиньпина во время Диалога «Давосская повестка дня» ВЭФ | Политика | ИноСМИ — Все, что достойно перевода (inosmi.ru); <https://inosmi.ru/politic/20210126/248995378.html>

¹⁴ *Тьерри Маллере, Клаус Шваб*. «COVID-19: Великая перезагрузка» (правильный перевод «Ковид-19: Великое обнуление» или «Великий сброс») / COVID-19: The Great Reset (ISBN Agentur Schweiz). ИЗДАТЕЛЬСТВО ФОРУМ Выпуск 1.0 Всемирный Экономический Форум 91-93 route de la Capite CH-1223 Колоньи / Женева, Швейцария. — С. 248; Давос-2021. Теория «Большой перезагрузки». 25.01.2021. Давос-2021. Теория «Большой перезагрузки» | Рынок и аналитика | Финам.ру (finam.ru) <https://www.finam.ru/analysis/forecasts/davos-2021-teoriya-bolshoiy-perezagruzki-20210125-134140/>

Облик будущего

Новый посткризисный и постпандемический мир есть процесс и определенный результат как цивилизационно-культурного, так и формационного развития, трансформации государств, их функций, моделей государственного регулирования и управления, в том числе, их места в системе обновленных международных отношений и институтов, глобального управления.

Можно ожидать капитальных перемен в пространственной структуре, конфигурации мировых рынков (в особенности, энергетических, финансовых и валютных, рынков инноваций), характера глобальной конкуренции, в иерархии и балансах сил — вот примерный перечень направлений перемен.

Глобальные процессы окажут системообразующее влияние на национальное развитие государств и народов. Так что, как оформится *новое будущее*, — *это не вопрос того, как избежать рецессии, и/или как долго она может продолжаться. Ясно, что это будет другой, капитально обновленный мир. И в нем принципиально по-иному будут представлены проблемы безопасности и развития.*

Есть ли место ноономике в мире будущего?

Сегодня в спорах об облике будущего представлено большое количество точек зрения. Часть из них сводится к формационным подходам, — будет ли это разновидность нового социализма или некоего облагороженного капитализма. Другие авторы мыслят в контексте следующих, новейших технологических укладов, будущих новых витков промышленной революции 4.0 (Клаус Шваб и его Промышленная революция 4.0)¹⁵, нового индустриального общества 2.0, цифровизации,

¹⁵ Клаус Шваб. Четвертая промышленная революция» / Die Vierte Industrielle Revolution. — Эксмо, 2016. — 208 с. — ISBN 978-5-699-90556-0; Клаус Шваб. «Технологии четвертой промышленной революции» / Shaping The Fourth Industrial Revolution. — Эксмо, 2018. — 320 с. — ISBN 978-5-04-095565-7; Тьерри Маллере, Клаус Шваб. «COVID-19: Великая

революций в управлении связанных с искусственным интеллектом.

Квинтэссенцией дискуссий об облике будущего мира во многом явился международный экономический форум «Давос-2021». На нем были озвучены и обсуждены фундаментальные платформы, представленные взглядами на будущее Клауса Шваба («Ковид-19: Великая перезагрузка») уже упомянутое выше выступление китайского лидера Си Цзиньпина, и российского Президента В.В. Путина. Выступление состоялось 27 января 2021 года на сессии онлайн-форума «Давосская повестка дня 2021», организованного Всемирным экономическим форумом. Характерно, что и российский и китайский лидеры представляют по существу альтернативное видение мира будущего, свободного от нового/старого глобализма, технологизма и искусственного интеллекта противопоставленных человеку и человеческому (прекрасное, благо, смыслы, идеи, ценности), имморализма, постправды, постхристианства, трансгуманизма, всяческих вариаций идей расового и цивилизационно-культурного превосходства, какого либо диктата и принуждения в отношениях между государствами, государством и обществом, обществом и человеком, навязывания людям чужих образцов политической организации, культуры общения и общежития.

Главная тема дискуссии — «новая глобальная ситуация», связанная с пандемией коронавируса¹⁶.

Обозначив главные противоречия и вызовы мирового развития, Президент назвал четыре контрпункта, вокруг которых завязывается и вырастает будущее, свободное от накопленных

перезагрузка» (правильный перевод «Ковид-19: Великое обнуление» или «Великий сброс») / COVID-19: The Great Reset (ISBN Agentur Schweiz,

¹⁶ В.В. Путин. Сессия онлайн-форума «Давосская повестка дня 2021». О новой глобальной ситуации. Сессия онлайн-форума «Давосская повестка дня 2021». Президент России (kremlin.ru) <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/64938>

конфликтов и искажений предкризисного мира, — мира человека, являющегося мерой вещей, обретающего все условия для собственного развития и саморазвития

Сегодня в научной среде имеются авторитетные научные школы и авторы, которые связывают развитие экономики и общества с идейным наследием академика Вернадского о будущей эре ноосферы, перестройке на этой основе всех оснований жизни. Именно в этом контексте С.Д. Бодруновым разработано и предложено понятия ноономики, которое синтезирует в себе наиболее прогрессивные тренды социально-экономического развития и воплощает в себе симбиоз гуманистических идеалов человечества с мощью технологических систем и производительностью экономики, где наука и знания являются главным и решающим компонентом развития¹⁷.

Есть ли в этом грядущем мире место для ноономики? Ноономики как господства духа и разума, научной рациональности, стратегического планирования и управления, технологического совершенства, социальной солидарности и гармонии в сфере экономики и экономических отношений, других сферах жизни? — Есть.

Но для этого, необходимо сделать все, чтобы избежать превращения западных демократий в агрессивные «политии» (по Аристотелю), использования искусственного интеллекта и цифровых технологий в интересах «сильных мира сего», разных версий «глубинных государств», *представляющих собой непроницаемые и закрытые пласты тоталитарной власти, стоящие над публичной государственной властью, манипулирующие обществом и общественным сознанием, институтами демократических выборов, превращающие человека в марионетку перед лицом непреодолимых стихий узкокорпоративных и узкоклановых интересов в мире свершившейся утопии «Шигалевицны» (Ф.М. Достоевский, Бесы).*

¹⁷ Бодрунов С.Д. Ноономика: траектория глобальной трансформации. / под ред. д.э.н. С.Д. Бодрунова. — СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2019. — 240 с.; Бодрунов С.Д. Общая теория ноономики. / Учебник / — М.: Культурная революция, 2019. — 504 с. ISBN 978-5-00020-061-2.

Перспективы и решения для России

В зависимости от выводов о характере кризисного развития должен оцениваться и спектр, и интенсивность вызовов и угроз. В пределе многие меры, предпринимаемые Западом в противостоянии с Россией свидетельствуют о вероятности сценариев альтернативы: либо поставить «на колени» и «вернуть в тренды», либо продолжение глобальных экономических войн вплоть до полной производственной, технологической и финансовой изоляции; блокирование возможностей развития и роста.

Ответом на такие угрозы может стать то, что мы отказываемся от идеологии догоняющей модернизации¹⁸, встраива-

¹⁸ В России, начиная с 90-х годов, теория, стратегии и институты социально-экономической модернизации выстраивались в соответствии с моделью так называемой догоняющей модернизации. Ставка на модель догоняющей модернизации привела к укоренению стереотипов политического и экономического мышления, согласно которым СССР/Россия «по определению» всегда отставали и отстают в своем развитии и обречены «догонять». Российская наука и образование архаичны и неэффективны по сравнению с соответствующими западными институтами, поэтому их надо перестроить по зарубежным образцам. Техника и технологии в лучшем случае не хуже и/или на уровне лучших зарубежных образцов, поэтому ставка на их модернизацию, а не на технологические прорывы и создание принципиально новых техники и технологий доминирует, — так дешевле, важно лишь «быть в тренде». То, что не обладает конкурентными преимуществами, подлежит рыночной выбраковке, то что не производим сами, закупим за рубежом, проще свертывать целые производства и отрасли в ущерб технологическому лидерству и независимости. Эта идеология «вдогонку» подготовила почву для разрушительных реформ, в особенности реформ пресловутого второго поколения, институциональных реформ, которые и нацелены были на «трансплантацию» институтов извне, «по аналогу», на имитацию чужого опыта. Все это капитально почти 30 лет тормозило и продолжает тормозить научно-техническое и технологическое развитие России. Эти исходные концептуально-стратегические предпосылки предопределяют и, при определенных условиях, будут предопределять общее незавидное место России в рейтингах инновационного развития. Согласно рейтингу Bloomberg,

ния/вписки в так называемую «общечеловеческую цивилизацию» с потерей собственной цивилизационной идентичности и государственного/экономического суверенитета («нам теперь не надо никого догонять», — В.В. Путин, из Послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ, февраль, 2020 год), не пытаемся безрезультатно вписываться в тренды, но «создаем тренды» (С. Кургинян).

Предпосылки движения к ноономике

Точки роста:

Прежде всего, развитие фундаментальной науки. Российская наука переживает не лучшие свои времена. Разрушительные реформы академической науки, многолетние экспериментальные экзерцисы в сфере университетского образования, конечно, не могли не оказать угнетающего воздействия на научную сферу, положение творцов науки¹⁹. И, тем не менее, наука и в эти годы, подтверждала свой высокий авторитет и способность выдавать выдающиеся открытия²⁰.

к самым инновационным экономикам мира относятся Германия, Южная Корея, Сингапур, Швейцария и Швеция. Япония, которую ожидалось увидеть в списке самых инновационных, вылетела во вторую десятку рейтинга, а США на 9 месте. Китай же, наоборот, прогрессирует достаточно быстро, и уже поднялся выше 15 места. Россия — в третьей десятке, на уровне многих стран Восточной Европы и Канады [16]. С одной стороны, может быть, и не плохо. А с другой — быть на уровне стран, для которых когда-то СССР был технологическим донором, и способствовал созданию в этих странах вполне современной по тем временам экономики?

¹⁹ См. А.Е.Городецкий. Развилки социальной политики государства: от патерналистского к социальному провалу в экономике // Вопросы политической экономии. № 4 2020 г. — С. 82-105.

²⁰ Вот краткий, далеко не полный перечень научных открытий, сделанных российскими учеными:

Отрасли: ОПК; электронная промышленность, микро и наноэлектроника; судостроение, авиастроение, космос, отечественное станкостроение; приборостроение, сельхозмашиностроение; национальная фармакология, биотехнологии; ТЭК (новые заводы в нефте- и газопереработке; «Новатэк» и производственное освоение технологий сжиженного газа и его транспортировки); комплексное развитие транспортной инфраструктуры, сшивание российских территорий, возврат к комплексному освоению Арктики.

❑ 1997. Пентаварк (теоретическое предсказание). В 1997 году российские ученые Д. Дьяконов, М. Поляков и В. Петров предсказали частицу пентаварк, которая была обнаружена в ходе эксперимента на Большом адронном коллайдере в июле 2015 года.[3]

❑ Г.Я.Перельман. В 1994 году он доказал гипотезу о душе в римановой геометрии, которая оставалась открытой проблемой в течение предыдущих 20 лет. В 2002 и 2003 годах он разработал новые методы в анализе потока Риччи, тем самым обеспечивая детальный набросок доказательства гипотезы Пуанкаре и гипотезы геометризации Терстона, первый из которых был известной открытой проблемой в области математики за последнее столетие. Полные детали работы Перельмана были заполнены и объяснены различными авторами в течение следующих нескольких лет. В августе 2006 года Перельману была предложена медаль Филдса за «его вклад в геометрию и его революционное понимание аналитической и геометрической структуры потока Риччи», Григорий Перельман — https://ru.qaz.wiki/wiki/Grigori_Perelman

❑ 2014. Новый способ производства фуллерита (самого твердого в мире материала). Российские ученые разработали новый способ производства фуллерита (самого твердого в мире материала), позволяющий производить его при комнатной температуре и сравнительно низком давлении, что должно обеспечить массовое производство этого материала. [8]

❑ 2014. Минералы россовскиит и ферропедрисит. Ученые Томского государственного университета совершили открытие двух минералов. Первый, россовскиит, содержит тантал, ниобий, титан и железо, а второй, ферропедрисит, указывает на месторождения редких металлов, например, того же тантала. [9]

Линии развития:

- цифровизация с развитием ее отечественной интеллектуально-производственной базы, стремление создание национальных производств полного цикла нано- и микроэлектроники; софт и лидерство на внутренних и международных рынках;
- искусственный интеллект: «коронокризис» резко подстегнул исследования и освоение технологий искусственного интеллекта в экономике и управлении, в сфере ОПК и военных технологий, кратно возрос интерес к институциональным проблемам искусственного интеллекта, связанным с выработкой согласованного понимания существа этого

□ 2016. Универсальный маркер стволовых раковых клеток и способ их уничтожения. Российские ученые из Федерального исследовательского центра Институт цитологии и генетики СО РАН (ФИЦ ИЦиГ СО РАН) в ходе исследований совершили открытие универсального маркера стволовых раковых клеток, а также способ их уничтожения, что позволило вылечить лабораторных мышей от двух форм злокачественных опухолей.[23]

□ Работы Ж. И. Алферова и Г. Кремера в области исследования гетеропереходов были отмечены присуждением им Нобелевской премии по физике в 2000 году. Находят широкое применение при создании высокочастотных транзисторов и оптоэлектронных приборов. На базе гетероструктур создаются быстродействующие опто- и микроэлектронные устройства: лазерные диоды для систем передачи информации в оптоволоконных сетях; гетероструктурные светодиоды и биполярные транзисторы; малощумящие транзисторы с высокой подвижностью электронов (ВПЭТ), применяющиеся в высокочастотных устройствах, в том числе в системах спутникового телевидения; солнечные элементы с гетероструктурами, широко использующиеся для космических и земных программ.

□ 2020 г. конце декабря 2020 года в Курчатовском институте запущена разрабатываемая с 1950 года экспериментальная термоядерная установка Токамак Т-15МД. Это первый в мире термоядерный реактор.

□ Вакцины против Коронавируса «COVID-19»

Источник: [Электронный ресурс — Режим доступа : https://ruxpert.ru/%D0%9E%D1%82%D0%BA%D1%80%D1%8B%D1%82%D0%B8%D1%8F_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8]

понятия, правил и стандартов его применения в практике, основ международного сотрудничества в этой сфере.

- преодоление анклавного развития передовых в технологическом отношении и стратегических отраслей с их особыми условиями и механизмами; отказ от ставки на элитарное образование и привилегированную науку, окончательное превращение здравоохранения в рынок медицинских услуг, с выделением элитной медицины для элитных клиентов.
- отрасли, создающие интеллектуальный капитал; формирующие циклы кругооборота «наука-образование-технологии»; стратегия «возврата к себе самим» в отечественном образовании, науке, культуре, народном здравоохранении и физической культуре, все, что суммарно приближает эпоху ноономики.

Человек и ноономика

Если оставаться на позициях, что человек — это всего-навсего пресловутый «квалифицированный потребитель», и «электротат» на период выборов, то ноономика может легко оказаться «по-номикой» т.е. своей противоположностью, «не-экономикой».

В этой конструкции внутриэлитные отношения господства неформальных связей и отношений, диктат асоциальной и имморалистической рациональности, конфликт человека и технологий (человек придаток технологий, «человек-кнопка» и человек-реликт в системе (безлюдного) производства, анонимная элитарно-клановая система принятия властных решений), симбиоз цифровизации и командно-административных систем, — превращает труд в кабалу, а человека, — в винтик и безличностный фрагмент технологической/информационной/сервисной систем. Или пожизненным клиентом общественных благотворительных систем, живущим на пресловутый гарантированный доход и пособия, лишенным права на труд, экономическую состоятельность, человеческое достоинство, развитие и само-

развитие. Такая модель асоциальна, негуманистична и абсолютно несовместима с ноономикой.

Какой человек востребован ноономикой и кого она воспроизводит

Человек, — как «ансамбль общественных отношений» (К. Маркс), действительно реализованная и постоянно утверждающая себя в созидании творческая личность.

Именно такой человек есть высшая цель жизни, развития и безопасности. В этом качестве он становится фундаментальной целью социального государства, стратегическим приоритетом динамичной и высокопроизводительной экономики, государственной экономической политики.

В этом смысле он есть по определению и предназначению носитель ценностных, мотивационных и стимулирующих качеств, генерирующих цивилизационно-культурный, экономический, социальный и научно-технический (технологический) прогресс. Поэтому все те условия, формы и сферы деятельности, — наука и образование, просвещение; культура; демография и здравоохранение; физическая культура и спорт; материальные условия жизни, дом и домашнее хозяйство (крыша над головой) с современным бытом и «интернетом вещей», — есть жизненно необходимая и достаточная (общественно необходимая) социально/культурно/экономическая инфраструктура развития и безопасности, формирования личности, реализации ее человеческих, социальных, политических и экономических прав. И главный актер будущей ноономики²¹.

²¹ См. А.Е.Городецкий. Развилки социальной политики государства: от патерналистского к социальному провалу в экономике // Вопросы политической экономии. № 4 2020 г. — С. 82-105.

Заключение

Оглядываясь назад, можно сказать, что прошедший, 2020 год был архисложным, но он не стал годом потерянного времени. Уже первые оценки Росстата за 2020 год показали, что номинальный объем ВВП в 2020 году составил 106 606,6 млрд рублей. Индекс его физического объема относительно 2019 года — 96,9%, индекс-дефлятор — 100,7%.

Производство ВВП

Снижение ВВП в 2020 году на 3,1% связано с введенными ограничительными мерами, направленными на борьбу с коронавирусной инфекцией, и падением мирового спроса на энергоресурсы.

Значительно сократилась добавленная стоимость в отраслях, ориентированных на обслуживание населения: гостиницы и рестораны (–24,1%), учреждения культуры и спорта (–11,4%), предприятия транспорта (–10,3%), организации, оказывающие прочие услуги населению (–6,8%).

Неблагоприятная конъюнктура экспорта и снижение цен на энергоресурсы повлияли на снижение индекса физического объема добавленной стоимости (–10,2%) и индекса-дефлятора добавленной стоимости (–17,6%) в добывающей промышленности. Изменение цен на нефтепродукты стало одной из причин снижения индекса-дефлятора валовой добавленной стоимости обрабатывающих производств (–0,3%).

Возросший спрос на финансовые услуги обусловил увеличение добавленной стоимости в сфере финансов и страхования (+7,9%).

Увеличение тарифов на коммунальные услуги повлияло на рост индексов-дефляторов валовой добавленной стоимости предприятий, обеспечивающих электрической энергией, газом и паром (+3,9%), водоснабжением, водоотведением, утилизацией отходов (+6,2%).

Рост индекса-дефлятора добавленной стоимости относительно прошлого года в здравоохранении (+11,9%), образова-

нии (+5,5%) и других отраслях сектора государственного управления связан с ростом средней заработной платы на одного работника в этих отраслях²².

На фоне кризисных провалов в 2008-2010 гг, межстрановых сравнений это вполне удобоваримый результат, имея в виду особый характер, масштабы и глубину пресловутого «Коронакризиса».

В начале года, на старте коронакризиса западные эксперты не скупались на пессимистические прогнозы для России. Так Венский институт международных экономических исследований (WIIW) опубликовал прогноз, согласно которому пандемия коронавируса, вызовет в этом году рецессию экономики в России и в Беларуси.

До начала пандемии коронавируса рост экономики РФ в 2020 году прогнозировали на уровне 2,1 процента, в Беларуси — 1 процента. «Коронавирус все изменил. Наши первоначальные прогнозы давно стали макулатурой... Я боюсь, что так называемый пессимистичный сценарий теперь скорее является оптимистичным», — заявил исполнительный директор WIIW Марио Хольцнер (Mario Holzner), представляя исследование влияния коронавируса SARS-CoV-2 на экономики 23 стран Центральной, Восточной и Южной Европы.

Соответственно, Венский институт подготовил три сценария: оптимистичный, средний и пессимистичный. Согласно пессимистичному сценарию, ВВП России сократится на 0,1 процента²³.

²² Росстат представляет первую оценку ВВП за 2020 год. GDP-2020-1. pdf (rosstat.gov.ru); <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ytm0IG1M/GDP-2020-1.pdf>

²³ Коронавирус вызовет рецессию экономик РФ и Беларуси: прогноз WIIW. Институт WIIW опубликовал экономический прогноз для стран Восточной Европы с учетом пандемии COVID-19. Коронавирус приведет к сокращению роста экономики региона и рецессии в двух странах. Источник: [Электронный ресурс — Режим доступа : <https://www.dw.com/ru/коронавирус-вызовет-рецессию-экономик-рф-и-беларуси-прогноз-wiww/a-52807197>]

Как подчеркнули в Венском институте, пессимистичный сценарий основывается на предположении, что распространение коронавируса удастся ограничить в первом полугодии 2020 года, а в крупнейших экономиках прибегнут к решительным мерам поддержки. Если этого не случится, то негативные последствия будут еще острее.

Эти прогнозы не учли и вероятность второй волны кризиса, и способность стран Запада с помощью масштабных финансовых вливаний противостоять коронокризису и возможности России к проведению активной и успешной антипандемической и антикризисной политики. Хотя масштабы экономических потерь оказались и выше исходных пессимистических прогнозов.

Второе. Несмотря на вызванную коронавирусом рецессию, Россия уже на пути постепенного восстановления. Масштабы финансовой поддержки российской экономики, которые составляют менее 5% ВВП, серьезно отставая от европейских программ, дают более успешный результат. И они связаны с последовательным и упорядоченным подходом, когда на основе государственного плана восстановления экономики смысл антикризисной стратегии сводится к тому, чтобы поддержать бизнес стимулирующими мерами в области налогообложения и процентной политики, институциональными мерами, и серьезными экономическими мерами в области здравоохранения и медицинской науки. Здесь важно подчеркнуть, что Россия не пошла по наиболее простому пути раздачи «вертолетных денег». Ее подход оказался много ближе к рекомендациям ООН по разработке планов восстановления кризисных экономик, получившим название **Плана ответных действий ООН на пандемию COVID-19** с целью спасти жизни, защитить сообщества, восстановиться лучше, чем было²⁴.

²⁴ **План предусматривает:**

☐ Ответные действия на глобальном уровне с целью не оставить никого позади,

Третье. Реформы и достройка здания стратегического контура («венки» государственных стратегий развития и безопасности) и институтов государственного стратегического планирования. 2020 год явился стартом важнейших экономических и институциональных реформ, проводимых Правительством М.Мишустина — А.Белосува. Год начался капитальными изменениями в составе Правительства РФ, затем последовали конституционные реформы, в ходе которых были проголосованы и приняты важнейшие поправки к Конституции РФ, окончательно закрепившие положения о государственном и экономическом суверенитете, социальном государстве, примате национальных интересов и национальных правовых норм в отношении норм международного права. Реформирована разбухшая и неэффективная система институтов развития. Продолжены забуксовавшие в первое десятилетие 2000-х годов реформы государственного управления. Взята под контроль системы национальных стратегических проектов и государственных программ, продолжено выстраивание стратегического контура государственного регулирования (пресловутый

-
- ❑ Снижение уязвимости человечества перед лицом будущих пандемий,
 - ❑ Создание предпосылок для проявления устойчивости к вызовам будущего, включая, в первую очередь, изменение климата,
 - ❑ Преодоление серьезного и укоренившегося неравенства, которое проявилось в результате пандемии.

План сосредоточен на трех основных сферах:

- ❑ Крупномасштабные, скоординированные и всеохватные ответные меры в области здравоохранения,
- ❑ Принятие мер политики, направленные на урегулирование проблем социально-экономического, гуманитарного и правозащитного плана, возникших в результате пандемии,
- ❑ Процесс восстановления с целью сделать лучше, чем было.
- ❑ С этой целью Генеральный секретарь представляет аналитические записки, которые дают правительствам рекомендации по мерам выхода из кризиса.

Источник: Ответные меры ООН на пандемию COVID-19. План действий | Организация Объединенных Наций (un.org); <https://www.un.org/ru/coronavirus/UN-response>

«венков государственных стратегий развития и безопасности), дополнительно принят ряд новых государственных (отраслевых) стратегий, в том числе, инфраструктурных (развития туризма, речного транспорта). При таком подходе есть основания надеяться, что развитие проектно-стратегических институтов поможет выстроить, в конечном итоге, реально работающее государственное стратегическое планирование. И, наконец, очень важно то, что несмотря на противодействие монетарных властей, создаются финансовые институты финансирования социально-экономического развития (Правительство до конца года планирует запустить венчурный Фонд фондов, в бюджете на это уже заложено 14 млрд рублей. Предполагается, что в дальнейшем на 50% фонд будет финансироваться частным бизнесом)²⁵.

Все это вместе взятое позволяет надеется на лучшее, — как в плане противостояния вирусным атакам, так и купирования последствий многолетней предкризисной стагнации, экономического кризиса 2020 года, безвременья и паралича в системе государственного управления. А, следовательно, выхода на безусловную реализацию стратегических национальных задач на горизонтах до 2030 года, и, хотелось бы надеется, возвращение утраченных за последние 30 лет позиций одной ведущих экономических сверхдержав мира.

²⁵ Тимур Батыров. Правительство анонсировало запуск Фонда фондов для инвестиций в стартапы. (forbes.ru); <https://www.forbes.ru/newsroom/tehnologii/411885-pravitelstvo-anonsirovalo-zapusk-fonda-fondov-dlya-investitsiy-v-startapy>

Andrey Gorodetsky²⁶. 2020–2021: The test of the crisis, the sprouts of recovery and the contours of the future.

The article examines the features of the second wave of the crisis in the context of theoretical provisions and forecasts obtained on the basis of data from March-June 2020 based on the results of its first wave. The dynamics of coronavirus infection, its features in individual countries, the Russian reality of the course of the pandemic, changes in economic statistics are analyzed. The data on the effectiveness of the anti-pandemic policy models that were tested at the first stage of the coronavirus crisis are generalized, the adjustments that are introduced already in the midst of the second wave are analyzed. Trends in the development of antiviral vaccines and vaccinations, the situation of unhealthy competition around vaccines introduced to pharmacological markets, the social costs of the coronavirus crisis, and the role of pandemic nihilism in weakening the effectiveness of government policies to combat the coronavirus crisis are assessed. The assessments of China's role in overcoming the consequences of the pandemic and the economic crisis, its impact on the formation of a new, future world order were clarified. Possible growth points and directions of post-pandemic breakthrough development for Russia have been identified.

Keyword. The essence and contradictions of the KoronoCrisis, changes in indicators of pandemic and economic statistics, regulatory models, the Chinese experience, the shape of the future, the main directions of post-crisis development.

²⁶ *Andrey Gorodetsky*, Doctor of Economic Sciences, Professor, Scientific Direction «Institutes of Modern Economics and innovative development», Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

А.А. Пороховский¹

ЧЕЛОВЕК И РОБОТ: ТЕХНОЛОГИЗАЦИЯ VERSUS ГУМАНИЗАЦИЯ НООНОМИКИ²

Рассмотрена роль человека на различных этапах становления и развития капитализма. Показано, как наемный труд постепенно из фактора производства превратился в человеческий капитал и стал решающим элементом в создании новых цифровых технологий. При этом произошло существенное изменение роли и места человека в экономике и обществе. Ноономика не может более опираться исключительно на частный интерес капитала, ибо технологический фетишизм угрожает самому существованию человека. Искусственный интеллект как робот и в других видах претендует на замену человека во многих сферах. Только сам человек способен и в условиях ноономики превратить технологизацию в опору гуманизации.

¹ *Анатолий Александрович Пороховский*, зав. кафедрой политической экономики экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, главный научный сотрудник Института США и Канады РАН, д-р экон. наук, профессор.

² Опубликовано в журнале «Экономическое возрождение России». 2021. №1(67). С. 39–47.

Ключевые слова: человек, робот, искусственный интеллект, капитал, ноономика, капиталистические границы технологизации, перспективы гуманизации жизни.

Введение

В последнее время многочисленные общественные форумы, включая Объединенный международный конгресс «СПЭК-ПНО-2020», выносят на обсуждение важнейшую проблему XXI в. — роль и место человека в современном обществе и экономике, находящихся под мощным влиянием цифровых технологий. Диффузия собственности, социализация общества и солидаризм происходят в рамках рыночной капиталистической цивилизации во всех странах. Очевидны они и в России. Однако рыночный механизм не выдерживает нагрузки современных вызовов и преобразований. Нобелевский лауреат по экономике профессор Джозеф Стиглиц отмечает: «Для этого следует прежде всего признать, что модель конкурентного равновесия (при которой производители максимизируют прибыль, потребители максимизируют пользу, а цены устанавливаются на конкурентном рынке, где уравниваются спрос и предложение), лежащая в основе экономической науки на протяжении почти столетия, уже не способна точно отразить состояние сегодняшней экономики — особенно когда речь идет о понимании причин роста неравенства или даже роста на основе инноваций... Необходим всесторонний пересмотр экономических правил» [5, с. 18].

Одним из вариантов решения отмеченных проблем является предложенная профессором С. Д. Бодруновым концепция *ноономики* [1, 2], в разработку которой включается все больше отечественных исследователей. Выступая как пример плодотворного междисциплинарного анализа, эта концепция комплексно подходит к решению назревших теоретических и прак-

тических проблем современного развития разных стран и мирового хозяйства. Одна из таких проблем — роль искусственного интеллекта — рассмотрена нами в специальном политико-экономическом исследовании [4]. Поскольку вопросы ноономики охватывают широкий круг проблем, выберем среди них взаимосвязь человека как естественного интеллекта с роботом — искусственным интеллектом. Безусловно, исходным пунктом анализа у нас является человек.

Находясь в системе капиталистической рыночной экономики, нельзя не видеть, что движущей и предопределяющей силой ее развития остается *капитал*, приспособляющий под свои интересы все факторы развития в текущем и долгосрочном периоде. Значит, без анализа *капитала, его природы, функциональных форм и видов, покрытых оболочкой всепроникающей цифровизации*, невозможно показать роль человека в современном мире и будущем обществе, сохраняющем принципы и природу гуманизма.

Исходя из указанных предпосылок и учитывая предварительный характер анализа, рассмотрим следующие проблемные вопросы:

- человек — созидатель, но фактор производства;
- человек — ресурс как человеческий капитал;
- человек — придаток робота, искусственного интеллекта;
- ноономика — гармонизация технологизации и гуманизации?

Человек — созидатель, но фактор производства

С общеисторической точки зрения человеческая цивилизация — это рукотворное явление, динамично развивающееся благодаря творческому созиданию людей. В период первой промышленной революции в обществе произошло разделение ролей между капиталом и наемным трудом. Сам факт появления и распространения наемного труда способствовал не только росту производительности труда, но и изменению структуры экономи-

ки и общества, формированию больших групп людей по видам занятости, размеру принадлежащей им собственности и социальному статусу. Однако в экономической теории эти процессы толковались по-разному.

Развивая учение классика политической экономии мануфактурного периода А. Смита о трудовой теории стоимости, К. Маркс показал [3], что и при машинном производстве закон стоимости продолжает действовать, а наемные работники не только создают новые товары, но и обеспечивают предпринимателям прибыль, увеличивая их капитал. Тем самым становилось понятным, что движение капитала целиком опиралось на наемный труд, и высвечивалась разная роль рабочих и капиталистов как на заводах, так и в обществе. В то время рабочие были заняты в основном физическим трудом.

Неоклассическая экономическая теория, получившая обобщенное название *экономикс*, пришла к выводу, что машинное производство уравнило все составляющие предпринимательской деятельности — труд, капитал, землю, а потому их можно обозначить любыми символами, включая математические, для проведения расчетов, моделирования и других изысканий. Так наемный труд превратился в фактор производства, лишенный социальной специфики. Теоретическая интерпретация наемного работника как фактора производства фактически формализовала его роль как *фактора производства капитала*, ибо в капиталистической экономике не только факторы производства, но и его результаты приобретают форму капитала.

Это означает, что в рыночной капиталистической экономике рассматривать роль человека, роль наемного труда вне связи с движением капитала бесперспективно. Более того, подчинение труда капиталу происходило постепенно. В условиях преимущественно ручного физического труда в мануфактурный период капитализма рабочий мог сменить предпринимателя, так как его труд не зависел от машины, а определялся в основном приобретенной квалификацией. В этом случае труд был формально подчинен капиталу.

Другое дело — работа на фабрике как системе машин. Теперь рабочий стал реальным *придатком машины*, принадлежащей предпринимателю. Наступило время, когда развитие техники и технологии привело к тому, что наемный труд попал в *реальное подчинение капиталу*. С тех пор такое подчинение не ослабевало, выступая в разных модифицированных формах в зависимости от отраслей экономики и конкретного бизнеса.

Вместе с тем следует иметь в виду, что происходит эволюция как наемного труда, так и капитала, видов занятости и форм предпринимательства. Возникают новые черты этой взаимосвязи, нередко обусловленные гибкостью капитала и его стремлением не упустить ни одно новое явление из-под своего влияния. Постепенно капитал начинает интересоваться всем — и экономическими процессами, и общественными структурами.

Человек — ресурс как человеческий капитал

Все, что подчинено капиталу, должно приносить максимальный эффект — такова его природа. По мере развития рыночной экономики росла ответственность отдельного наемного работника в структуре компании. Из года в год увеличивается объем выпуска товаров и услуг на одного занятого. Экономически положение наемного труда не изменилось, но выросли затраты капитала на создание каждого рабочего места и требования к квалификации и ответственности работников. Если в середине XIX в. капитал устраивало положение рабочего как придатка машины, то уже в первые десятилетия XX в. не удалось повысить производительность труда прежними способами. Понадобился рынок в мотивации всех факторов производства, и прежде всего наемных работников, в росте отдачи от своего труда.

Произошла эволюция внутрифирменных отношений, внедрялись бригадные формы организации производства, опирающиеся на человеческие отношения в бригадах. Форми-

ровалась ответственность персонала за общие результаты деятельности корпорации. Человек наемного труда стал восприниматься как ресурс. Между тем в экономикс сам капитал понимается как ресурс, что теоретически и практически соответствует деятельности компаний в последние столетия. Вследствие этого наемный работник стал называться *человеческим капиталом*. При этом понятие *человеческий капитал* стало использоваться не только для лиц наемного труда, но и вообще при характеристике подготовки людей в сфере образования для предстоящей деятельности в любой области. На человека переложили обязанность вкладываться в собственное образование и специальную профессиональную подготовку, чтобы наращивать свой человеческий капитал, от размера и качества которого зависят как возможная будущая занятость, так и предполагаемый бизнес.

В современных развитых странах, к которым в последние годы МВФ относит 34 государства и территории мира³, наемный труд остается основным видом занятости для большинства населения. Каждый наемный работник на деле ощущает, каково отношение труда и капитала и в чем состоит экономическая зависимость наемного персонала от капитала. Однако термин *человеческий капитал* как бы уравнивает экономическое положение простого работника и предпринимателя, ведь они оба представляют *капитал*. Между тем в собственности работника — его рабочая сила, а предприниматель обладает настоящим капиталом, он персонифицированный капитал-собственность.

По мере развития промышленных революций, повышения роли творческого начала в труде наемных работников и расширения сферы наемного труда за рамки материального производства (выпуска товаров) капиталу стало выгодно трактовать все виды ресурсов (людские, природные, научные, социальные) как разновидность капитала. С одной стороны, это подтвержда-

³ International Monetary Fund (2020) World Economic Outlook. A long and Difficult Accent. Washington. D.C., October. C. 120.

ет объективный рост значения человека в современной жизни, несмотря на бурные темпы вторжения информационных технологий; с другой — капитал закрепляет за собой ведущую роль в определении содержания, форм и направлений прогресса. В результате наша цивилизация во всех странах (развитых и развивающихся) внешне предстает как **своеобразная совокупность капиталов: промышленного, финансового, сервисного, социального, человеческого, культурного, пространственного, природного...** Нельзя исключить, что перечень **капиталов** не имеет завершения.

В этой совокупности господствующие позиции захватил финансовый капитал, что позволило ему вывести финансовый сектор на относительно самостоятельную орбиту движения как в национальной, так и в мировой экономике. Значительное место занимает сервисный капитал, ибо в последние десятилетия сфера услуг достигла невероятных размеров — до 75% валового национального продукта большинства стран. Однако промышленный капитал продолжает расти в абсолютном выражении, хотя его относительная доля сокращается. Благодаря новым технологиям и росту производительности труда доля занятых в материальном производстве имеет тенденцию к уменьшению, хотя основой экономики и общества по-прежнему остается производство товаров. При этом положение наемного работника мало зависит от сферы занятости: оно везде подчинено капиталу, прямо или опосредованно.

Человек — придаток робота, искусственного интеллекта

Учитывая базовую роль промышленности в экономике и обществе, многие исследователи называют современный этап общественного развития четвертой промышленной революцией. С точки зрения состояния технологий ряд авторов предлагает рассматривать общественный прогресс как смену тех-

нологических укладов, относя к современному периоду шестой уклад. В обоих подходах ключевыми являются уровень и набор технологий. Объединяет подходы и то, что общественное развитие рассматривается в рамках капиталистической рыночной модели, в которой, как известно, движущей силой выступает капитал. На технологическом поле господствующее положение повсеместно захватили цифровые технологии. Наступил *цифровой капитализм*, объединивший *цифровую экономику* и *цифровое общество*.

Если в период промышленного капитализма наемный работник являлся своеобразным придатком машины, от которой во многом зависели производительность труда, его условия и длительность рабочего дня, то при *цифровом капитализме* не только наемный работник, но и большинство населения превращается в *придаток робота* — *разного вида искусственного интеллекта*. И здесь капитал демонстрирует свою власть, ибо искусственный интеллект также становится капиталом. В результате искусственный интеллект транслирует все противоречия, свойственные движению капитала. И прежде всего он становится соперником человеческого интеллекта в сфере наемного труда. Это обстоятельство особенно остро ощущается людьми, так как несмотря на расширение *гигэкономики* (сферы самозанятых) наемный труд остается основным источником дохода для большинства трудоспособного населения.

Забота о месте человека в цифровом обществе стала ключевым вопросом повестки дня международных форумов. Эксперты Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) подготовили дорожную карту оценки цифровой экономики и ее ближайших перспектив для очередного ежегодного заседания стран Группы-20, проходившего осенью 2020 г. в Саудовской Аравии в дистанционном формате. В третьей главе этого документа особое внимание уделено проблемам занятости, внимание участников Группы-20 обращается не только на структуру рабочих мест, но и на рост интенсивности труда, использующего информационно-коммуникаци-

онные технологии, а также на ответственность государств за своевременное обеспечение подготовки и переподготовки кадров для новых рабочих мест, связанных в том числе с искусственным интеллектом и роботизацией в промышленности и в сфере услуг. По мнению авторов доклада, цифровизация создает немало проблем, которые можно решить только сообща, создавая для этого международные платформы⁴.

Потеря и длительный поиск работы приводят к обесценению человеческого капитала, считают исследователи из Чикагского университета. Анализируя вузы разных стран, они пришли к выводу, что перерыв в работе или обучении, например в школах и университетах Греции, привел к снижению квалификации преподавателей на 4,3%, а зарплаток выпускников — на 6,8% за рассмотренный период [8, р. 35].

Цифровизация «во весь рост» ставит новые проблемы и перед организацией управления компаниями на разных уровнях. В специальном пособии для менеджеров, опубликованном журналом «MIT Sloan Management Review», издаваемым Массачусетским технологическим институтом, указывается, что традиции и привычки персонала, его культурный уровень становятся порой препятствием на пути внедрения современных, основанных на цифровых технологиях, методов и принципов управления. По существу, ставится задача сформировать новую культуру не только персонала, но и управления [7]. В этой системе человек — и простой рабочий, и клерк, и управляющий — должен усвоить новые правила работы, диктуемые цифровизацией. При этом возникают и парадоксальные ситуации в разных отраслях экономики, когда менее образованные и подготовленные работники требуются для выполнения рутинных работ, связанных обычно с физическим трудом, к примеру, по доставке купленных он-лайн товаров или по переме-

⁴ A Roadmap toward a Common Framework for Measuring the Digital Economy (Report for the G20 Digital Economy Task Force) (2020) — Paris, OECD. — 123 p.

шению грузов внутри и между фирмами. Сфера занятых физическим трудом по-разному реагирует на роботизацию и искусственный интеллект [6].

Как известно, понятие искусственного интеллекта довольно объемное и широкое [4]. Оно связано не только с разнообразными роботами, но всякий робот содержит в себе определенную долю искусственного интеллекта, нацеленного на выполнение функций конкретного робота. В зависимости от характера производства может создаваться система роботов, скажем, для промежуточной или завершающей сборки конечной продукции. Система машин современного завода постепенно замещается системой роботов, управление которыми происходит с помощью других искусственных интеллектов. Получается, что, с одной стороны, искусственный интеллект приобретает экономическую форму капитала, а с другой — его придатком становится работник как человеческий капитал. Взаимосвязь капитала и труда под воздействием цифровизации стала выступать как отношение искусственного и естественного интеллектов, также превратившихся в капиталы.

Отсюда следует, что любое изменение положения работника на рабочем месте (на производстве или в сфере обслуживания) не может быть чисто формальным, так как оно затрагивает интересы капитала, который определяет условия занятости. Поэтому и с производственной, и с общественной точек зрения искусственный интеллект выступает как фактором производства, так и фактором жизни. Однако он не в состоянии заместить человеческий разум в полном объеме. Это обстоятельство предопределяет его границы и возможности, что относится и к роботам. Вместе с тем распространение роботов имеет и экономические границы. Капитал не станет внедрять роботы, если они не будут в перспективе приносить прибыль. В то же время каждое государство заинтересовано в обеспечении занятости своих граждан и будет стимулировать увеличение бизнесом числа рабочих мест в условиях углубления циф-

ровизации экономики и общества⁵. Об этом лидерам всех стран уже в 2021 г. напоминают эксперты МВФ⁶.

Хотя роботы и робототизация агрессивно врываются во все стороны современной жизни, они не могут заменить человеческий разум, который, по сути, невозможно смоделировать и запрограммировать из-за невоспроизводимости и уникальности мозга человека. Фактически искусственный интеллект дополняет и развивает человеческий интеллект при активной позиции человека в этом взаимодействии.

Ноономика — гармонизация технологизации и гуманизации?

Концепция ноономики как будущей человеческой цивилизации наполняется новыми доводами и аргументами. До эпохи ноономики, представленной как сосуществование «общества и техносферы» [2, с. 204], предстоит еще долгий исторический путь. Как отметил С. Д. Бодрунов: «...общество должно подойти, ...опираясь на необходимые материально-технологические предпосылки. Речь идет о создании фундамента нового индустриального общества второго поколения» [2, с. 213]. Хорошо, когда люди понимают, как и куда развивается цивилизация, какие шаги необходимо сделать, чтобы преодолеть существующие и возникающие барьеры на своем пути. И в этом смысле технологизация в виде цифровизации и искусственного интеллекта все больше освобождают человека от изнурительного труда, насыщают его знаниями и навыками, видоизменяя

⁶ A Roadmap toward a Common Framework for Measuring the Digital Economy (Report for the G20 Digital Economy Task Force) (2020) — Paris, OECD. — 123 p.

⁷ The Jobs of Tomorrow// https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2020/12/WEF-future-of-jobs-report-2020-zahidi.htm?utm_medium=email&utm_source=govdelivery. (Дата доступа: 05.01.2021).

ют среду и сферу общения, предоставляют новые возможности для эффективного использования растущего свободного времени. Безусловно, ориентир на ноономику вселяет в людей оптимизм и веру в человека как созидателя своего будущего и будущего планеты Земля.

Сегодня, в первые десятилетия XXI в. уже формируются тенденции, способные направить человечество на движение к ноономике. Идет переосмысление теории и практики рыночного капиталистического развития, вскрываются острые проблемы защиты окружающей среды, продолжается поиск альтернативных источников энергии и возобновляемых природных ресурсов, нащупываются варианты преодоления бедности и неравенства в отдельных странах и в глобальном масштабе. Однако все это происходит при полном доминировании капитала, который подчинил себе и труд, и общество, и технологии. Поэтому пока мир движется по рыночным рельсам в направлении, выгодном капиталу.

В этой связи представляет интерес последнее прижизненное интервью нобелевского лауреата по экономике, основоположника новой институциональной теории, профессора Рональда Коуза, которое он дал редактору журнала «Человек и экономика» Н. Вангу в начале мая 2013 г. Коуз считает, что экономикс далек от реальности, представляет собой «науку классной доски», которая изображает экономику с нулевыми транзакционными издержками, или так называемой нулевой суммой [9, р. 101]. Он выступил против монополизма в науке, в особенности в экономической теории, считая, что «нам нужен рынок идей», ибо в прошлом доминировал экономикс на британском материале, сейчас — на американском. Значит, возможна экономическая теория на материале Китая и должна появиться китайская экономическая школа [9, pp. 102, 104]. Китайская модель экономики работает по своим правилам и для нее неважно, кто и как об этом думает и пишет. Каждая страна развивается по-своему, права собственности в Китае имеют собственную защиту. Поскольку Коуз выступил одним

из создателей этого журнала, выходящего на английском и китайском языках, свое интервью он завершил словами: «Наш новый журнал поможет открыть всем рынок новых экономических идей. У меня предчувствие вулкана» [9, р. 119]. Среди таких идей достойное место занимает концепция ноономики.

Как для концепции ноономики, так и для современной экономической динамики особенно важной проблемой в контексте теоретического и практического решения становится взаимосвязь и взаимодействие процессов технологизации и гуманизации жизни. Дело в том, что технологизация проявляется многообразно. Во-первых, при капитализме она становится капиталом — новым ресурсом. Во-вторых, технологизация служит прогрессу самого человека. В-третьих, она обостряет конкуренцию между компаниями, народами и странами. В-четвертых, благодаря технологизации появляются новые возможности для сохранения жизни и окружающей среды на Земле. И, наконец, в-пятых, технологизация укрепляет опору гуманизации, ибо только освоив все новые технологии, человек сможет подчинить их созиданию. Победа человека приходит не сама по себе, а с учетом в его деятельности реального общества и реальной экономической системы. Экономическая система задает направления и ограничения для социализации всех современных процессов.

Выводы

Исторически и логически человек является прямым источником и активным создателем современной цивилизации. В условиях всеобъемлющего проникновения цифровых технологий в экономику и общество, создания и развития искусственного интеллекта, замены человека роботами и другими «умными машинами» перед всем миром во весь рост встала задача сохранить гуманистические начала во всех новых явлениях, технологиях и процессах. Это не означает остановить

прогресс. Это призыв обеспечить превосходство человеческого разума над рукотворным созиданием, направив его на повышение качества жизни всех людей во всех странах. Важно найти оптимальное сочетание технологизации всех видов с традиционной гуманизацией. В этой связи концепция ноономики представляет собой теоретическую конструкцию, наполнение которой последующим развитием материального производства в гармонии с окружающей средой и международным сотрудничеством в решении глобальных проблем указывает вектор движения человечества к самосохранению и самосовершенствованию.

Список литературы

1. *Бодрунов, С. Д.* На пути к ноономике: человек, технологии, общество / С. Д. Бодрунов // Мир перемен. — 2020. — №2. — С. 24–39.
2. *Бодрунов, С. Д.* Ноономика: траектория глобальной трансформации // С. Д. Бодрунов. — М.: ИНИР; Культурная революция, 2020. — 224 с.
3. *Маркс К.* Капитал. Т. 1–3 // К. Маркс, Ф. Энгельс. — Соч. — 2-е изд. — Т. 23–25.
4. *Пороховский, А. А.* Искусственный интеллект сегодня и завтра: политико-экономический подход / А. А. Пороховский // Экономическое возрождение России. — 2020. — №3(65). — С. 4–11. DOI: 10.37930/1990-9780-2020-3-65-4-11.
5. *Стиглиц, Дж.* Преодоление великого разрыва (Пандемия вскрыла глубокие различия, но еще не поздно сменить курс) / Дж. Стиглиц // Финансы и развитие. — 2020. — Сентябрь — С. 17–19.
6. *Blau, F. D., Koebe, J., Meyerhofer, P. A.* (2020) Who are the Essential and Frontline Workers? // NBER Working Paper № 27791. — September. — 12 p.
7. *Bean, R.* (2020) Why Culture is the Greatest Barriers to Data Success // MIT Sloan Management Review Executive Guide. — Fall. — P. 1–4.

8. *Dinerstein, M., Megalokonomou, R., Yannelis, C. (2020) Human Capital Depreciaton // NBER Working Paper № 27925. — October. — 104 p.*
9. *Wang, N. (2014) A Life in Pursuit of «Good Economics» (Interview with Ronald Coase by Ning Wang) // Man and the Economy (The Journal of the Coase Society). — Vol. 1, №1. — p. 99–120. DOI: <https://doi.org/10.1515/me-2014-0001>.*

A.A. Porokhovskiy⁸. Human and robot: technologization vs. humanization of noonomy.

The role of a man at various stages of the formation and development of capitalism is considered. It is shown how hired labor gradually turned from a factor of production into human capital and became a decisive element in the creation of new digital technologies. At the same time, there has been a significant change in the role and place of man in the economy and society. Noonomics can no longer rely solely on the private interest of capital, because technological fetishism has begun to threaten the very existence of a man. Artificial intelligence as a robot and in other forms claims to replace a man in many areas. Only a man himself is capable of transforming technologization into a modern support of humanization under the conditions of noonomics.

Keywords: man, robot, artificial intelligence, capital, noonomics, capitalist boundaries of technologization, prospects for humanizing life.

⁸ *Anatoly Porokhovskiy*, Head of the Political Economy Department, Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University; Principal Research Fellow, Institute for US and Canadian Studies of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor.

Раздел 3

ГЕНЕЗИС НООНОМИКИ: В ПОИСКАХ СРЕДСТВ

О.А. Александрова¹

**КРИЗИС РОССИЙСКОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ:
«ЭКСЦЕСС ИСПОЛНИТЕЛЯ»
ИЛИ ЗАПРОГРАММИРОВАННЫЙ РЕЗУЛЬТАТ?»²**

Пандемия COVID-19 обострила вопрос о ситуации в сфере здравоохранения и направлениях ее дальнейшего реформирования. Анализ нормативных и иных документов, а также данных социологических исследований говорит, что такие результаты реформы, как резкое сокращение доступности качественной медицинской помощи, дефицит медицинских кадров и др., не являются следствием «эксцесса исполнителя». Они запрограммированы всем ходом реформы здравоохранения, являвшейся целенаправленным и последовательным процессом, заказчиками которого выступали международные финансовые организации и транснациональный капитал. Рассмотрены проблемы, обусловленные существенным недофинансированием здравоохранения, а также многочисленными институциональными противоречиями, порожденными реформой. Утверждается, что такие «реформы» стали возможны из-за игнорирования реформаторами мнения медицинского сообщества и от-

¹ *Ольга Аркадьевна Александрова*, заместитель директора по научной работе Института социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН, профессор Департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ, д-р экон. наук.

² Опубликовано в журнале «Экономическое возрождение России». 2021. №1(67). С. 63–71.

сутствия в российском обществе необходимого уровня солидарности.

Ключевые слова: медицинская помощь, реформа здравоохранения, расходы на здравоохранение, медицинские страховые компании, ВТО, Всемирный банк.

Ситуация в системе здравоохранения волнует всех. Серьезные проблемы наблюдались в ней и до пандемии COVID-19, но возникший форс-мажор с новой силой поставил вопрос о том, с чем связан кризис российского здравоохранения и что требуется для его преодоления. Очевидно, что поиску ответа на сакраментальное «Что делать?» должен предшествовать анализ ситуации, сложившейся в последние десятилетия. А именно: была ли реформа здравоохранения спонтанной и непродуманной; виноваты ли в том, что ее плоды оказались горькими, какие-то нерадивые, безответственные, иногда вороватые, чиновники на местах, или это был целенаправленный процесс, последовательный, состоявший из взаимоувязанных элементов, и такие плоды были неизбежны, запрограммированы? Конечно, реформаторам здравоохранения хотелось бы представить дело так, будто причиной кризисных явлений в отрасли является «экссесс исполнителя». Однако, если рассматривать картину происходившего во всей полноте, то нельзя не заметить системный характер реформы и, соответственно, неслучайность ее результатов (прежде всего резкого снижения доступности для значительной части россиян качественной медицинской помощи). Осознание этого должно позволить научному сообществу и обществу в целом сформировать консолидированную позицию в отношении направлений дальнейшего реформирования системы здравоохранения и на этой основе оказывать влияние на структуры, принимающие решения.

Наши выводы основаны на серьезной информационной базе, сформированной в рамках исследования реформы бюджетных учреждений и непосредственно системы здравоохранения в течение последних десяти лет. Помимо документов, нормативно оформлявших реформы, источниками информации служили социологические исследования, проведенные в регионах и столице: массовые опросы врачей и среднего медперсонала, глубинные структурированные интервью с руководителями региональных структур управления здравоохранением, главврачами медицинских организаций, представителями медицинских вузов, колледжей, организаций дополнительного образования для медиков, экспертами в области организации здравоохранения — экономистами; специалистами в области государственного управления; юристами, специализирующимися в области медицинского права; представителями организаций, защищающих интересы пациентов и т. д.³

Рассмотрение причин кризиса российского здравоохранения начнем с его финансирования. В начале 1990-х гг. под предлогом необходимости увеличения бюджета началось вне-

³ Речь идет о проекте «Прогноз последствий реформы бюджетных учреждений» (2011–2012 гг.); пилотном опросе столичных врачей и пациентов (2014 г.); исследованиях «Развитие управленческих кадров медицинской организации как инструмент повышения эффективности российского здравоохранения» (2017–2018 гг.); «Развитие кадров столичного здравоохранения» (2019–2020 гг.) и др. Подробнее об их методологии и результатах см.: Александрова, О. А., Ненахова, Ю. С. Человеческий потенциал России и реформа социальной сферы // *Народонаселение*. 2012. № 4 (58). С. 51–59; Александрова, О. А. Реформа бюджетных учреждений: мнение пациентов и врачей // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2017. Т. 7. № 1 (25). С. 54–63; Александрова, О. А., Комолова, О. А. Реформа здравоохранения: руководители медучреждений на острие проблем: ч. 1 и 2 // *Народонаселение*. 2018. Т. 21. № 4. С. 96–108; 2019. Т. 22. № 1. С. 79–91; Проблемы и перспективы кадрового обеспечения московского здравоохранения / А. В. Ярашева, О. А. Александрова, Е. И. Медведева, Н. В. Аликперова, С. В. Крошилин // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2020. Т. 13. № 1. С. 174–190 и др.

дрение в российское здравоохранение страховых принципов. Однако это только усугубило проблему: существенная часть бюджетных ассигнований стала оседать в медицинских страховых компаниях, а также в банках, занимающихся проводкой денег, компенсирующих лечебным учреждениям произведенные затраты. Эксперты обращают внимание на важный институциональный момент: медицинские страховые компании, по сути, таковыми не являются: страховщиком является государство, они же — лишь посредники между государством и государственными учреждениями. Более того, налицо явный конфликт интересов: с одной стороны, медицинские страховые компании должны защищать права застрахованных (пациентов); с другой стороны, как у любой ориентированной на извлечение прибыли коммерческой компании у них есть мотив, во-первых, экономить на объемах медицинской помощи (сэкономленные средства идут в доход этих компаний), под тем или иным предлогом не компенсируя медицинским учреждениям затраченные ими средства; во-вторых, их прибыль формируется за счет штрафов, поэтому они заинтересованы в некачественной медицине. При этом эффект от наложения штрафов весьма невысок, поскольку: 1) недостатки в работе учреждений нередко обусловлены объективными причинами, придирки страховщиков носят сугубо формальный характер (например, лечебному учреждению не возмещают затраты на оплату работы хирурга, выполнявшего операцию, когда формально он находился в отпуске — специалиста срочно вызвали на работу, не успев оформить отзыв из отпуска); 2) санкция накладывается не на совершившего оплошность медработника, а на учреждение в целом; 3) существуют коррупционные механизмы улаживания разногласий между лечебными учреждениями и страховыми компаниями. Более того, как подчеркивали наши эксперты, для России, имеющей советский опыт организации здравоохранения, переход к рисковому страховому лечению — откат назад, поскольку именно государство, и оплачивающее, и оказывающее общедоступную медицинскую помощь, стало

логичным конечным звеном в развитии системы здравоохранения, начавшемся когда-то с больничных касс.

Теперь непосредственно об объемах финансирования здравоохранения, которые особенно примечательны в рамках международных сравнений. В России расходы на здравоохранение стабильно составляют менее 4% ВВП, а средние показатели по странам ЕС — выше 7% ВВП, и даже страны Восточной Европы, имеющие близкий к российскому доход на душу населения (Чехия и др.), тратят на здравоохранение в 1,4 раза больше, чем Россия⁴. Из-за существенного недофинансирования принимаемые медицинским ведомством документы, регламентирующие процесс оказания медицинской помощи и призванные обеспечить ее качество (стандарты, порядки и клинические рекомендации), не имеют под собой экономической базы. При этом от лечебных учреждений требуют выполнения указанных регламентов, что ставит их в уязвимое положение перед многочисленными контролерами и вынуждает прибегать к заимствованиям — в результате растет их кредиторская задолженность. Ограниченное бюджетное финансирование приводит к тому, что при госпитализации медицинскими организациями компенсируют расходы на лечение только одного конкретного заболевания, хотя такой подход явно противоречит как интересам больных, нередко имеющих целый «букет» серьезных заболеваний, так и абсолютно верному принципу «лечить больного, а не болезнь», которым привыкли руководствоваться наши врачи.

Возникает вопрос: может быть, скромный объем бюджетных ассигнований объясняется отсутствием средств? Отнюдь: например, в 2018 г. на три ближайших года в федеральном бюджете был запланирован профицит: на 2019 г. — в размере

⁴ Заключение «О расходах бюджетов бюджетной системы РФ по разделу «Здравоохранение» на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов». URL: https://www.vshouz.ru/docs/budget_zakl.pdf (дата обращения: 29.11.2020).

1,9 трлн рублей, на 2020 г. — 1,2 трлн рублей, на 2021 г. — 0,9 трлн рублей. Для сравнения: на реализацию в 2018–2024 гг. разрекламированного национального проекта «Здравоохранение» планировалось потратить 1,7 трлн рублей, что меньше размера профицита, запланированного на 2019 г.

К сожалению, ситуация, когда шумиха вокруг социально значимого проекта абсолютно не соответствует распределению имеющихся у государства средств, не нова. Так, в еще вполне «тучном» 2007 г. на все «приоритетные национальные проекты» («Образование», «Здравоохранение», «Доступное жилье», «Поддержка АПК») в совокупности было направлено 240 млрд рублей, при этом профицит бюджета в том же году составил 1502 млрд рублей, еще 10 000 млрд рублей тогда же были «заморожены» в Стабилизационном фонде и в непомерно раздутых золотовалютных резервах⁵.

Проблема недостаточного финансирования отрасли усугубляется неверно выбранными приоритетами расходования средств. Вместо укрепления первичного звена, призванного предупреждать развитие и хронизацию болезней и последующую инвалидизацию населения, сегодня в России непропорционально большие средства направляются в крупные медицинские центры (в том числе перинатальные)⁶, оказывающие высокотехнологичную помощь.

⁵ *Александрова, О.А.* Расходы бюджета как показатель реального вектора социальной политики // Доходы, расходы и сбережения населения России: тенденции и перспективы: Сб. материалов IV Международной науч.-практ. конф. / под ред. А. В. Ярашевой, О. А. Александровой, Н. В. Аликперовой. Обнинск: ОАО «Фабрика офсетной печати», 2019. С. 12–14.

⁶ Подробнее см.: *Александрова, О.А.* Усилия по выхаживанию глубоко недоношенных детей и «оптимизация» в образовании и здравоохранении: нет ли противоречия? // Перспективы международного взаимодействия России с зарубежными странами в социально-экономической и гуманитарной сферах: материалы междунар. науч.-практ. конф. / под ред. В.Д. Байрамова, И. Л. Литвиненко. М.: МГТЭУ, 2018. С. 89–92.

Нехватка бюджетных средств; требования, противоречащие реальным возможностям медицинских организаций; стимулирование корыстных мотивов и создание условий для их реализации приводят к припискам и фальсификациям. И делается это не только на бумаге: эксперты говорят о проблемах массовой гипердиагностики, когда пациентам без достаточных оснований ставят диагнозы, за лечение которых медицинским учреждениям будут перечислены существенные суммы. Имеет место и обратное — гиподиагностика в отношении больных, которых невыгодно держать на больничных койках. Более того, даже без приписок финансово стимулируемый пресловутый «вал», на который ориентируют лечебные учреждения, прямо противоречит такой важнейшей миссии здравоохранения, как профилактика заболеваний. Одновременно имеет место фальсификация успехов реформы здравоохранения, что вынуждены признавать и ее организаторы⁷.

По словам наших экспертов, в частных беседах представители органов управления здравоохранением признают, что государство, не выделяя до половины от необходимого лечебным учреждениям финансирования, исходит из того, что остальное они доберут за счет платных услуг, т. е. стимулирует медицинские организации к тому, чтобы принудить пациентов платить. И действительно: в результате такого намеренного недофинансирования оплата населением медицинских услуг из собственных карманов уже заметно превысила как соответствующий показатель в развитых странах, так и пороговое значение, рекомендуемое ВОЗ.

⁷ В 2018 г. получил подтверждение факт массового манипулирования показателями смертности от заболеваний, по которым были установлены целевые показатели. Так, поскольку действовавшая в 2008–2012 гг. программа, а затем и майские указы президента 2012 г. требовали снижения смертности от сердечно-сосудистых заболеваний, эти показатели стали резко снижаться, а показатели смертности от старости и «прочих» болезней расти. См.: Линделл, Д., Звездина, П., Янаев, Д. Старость и «другие»: что не так со статистикой смертности россиян. URL: <https://www.rbc.ru/society/21/12/2018/5c13be709a794763085f768c> (дата обращения: 15 января 2020 г.).

Подобная политика не случайна. С некоторых пор медицинская помощь, еще недавно являвшаяся социальным благом, была переведена в разряд услуг — так Россия готовилась к вступлению во Всемирную торговую организацию (ВТО). Неотъемлемой частью права ВТО является Генеральное соглашение по торговле услугами (ГАТС), которое относит здравоохранение к услугам (наряду с образованием и т.п.). ГАТС ВТО предусматривает, во-первых, непрерывную либерализацию сферы услуг, отказ от которой существенно затруднен; во-вторых, равные условия для национальных и иностранных поставщиков услуг; в-третьих, контроль над национальным законодательством через ежегодный отчет стран-участниц о новациях в законодательстве. И орган по разрешению споров (Суд ВТО) вправе потребовать их отмены, если сочтет, что они ограничивают свободную рыночную конкуренцию — несмотря на доводы стран о том, что законодательная новация призвана обеспечить реализацию гарантированных социальных прав [1]. Идейной основой подобной трансформации подхода к социальной сфере является неолиберальная идеология, согласно которой государство должно быть «компактным», а выполнение государственных функций следует передать бизнесу. Очевидно, что тем самым решается двойная задача: открытия для транснационального капитала новых рынков и подспудного размывания суверенитета государств.

В рамках подготовки к присоединению к ВТО было сделано несколько попыток радикальной реорганизации работы учреждений бюджетной сферы, нацеленной на коммерциализацию социальных отраслей. Сначала в 2006 г. был принят закон «Об автономных учреждениях»⁸, однако тогда инициаторам закона не удалось широко внедрить эту организационно-правовую форму. Поэтому в 2010 г. был принят закон

⁸ Федеральный закон «Об автономных учреждениях» от 03.11.2006 № 174-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_63635/ (дата обращения: 09.01.2021).

№83-ФЗ⁹, техническое название которого абсолютно не отражало его суть, заключавшуюся в создании экономических стимулов и правовой основы для стремительной коммерциализации деятельности государственных организаций, в том числе медицинских. Заметим, что еще на этапе обсуждения проекта этого закона в Государственной Думе его многочисленные оппоненты (среди них — Профсоюз работников здравоохранения РФ) предупреждали: при сохранении текущего уровня бюджетного финансирования его принятие приведет к росту объема платных медицинских услуг, массовому сокращению количества медицинских учреждений и их работников, снижению качества и доступности медицинской помощи и т.д. Проведенные нами исследования в Московской области (2011 г.) и в пяти регионах России (2012 г.) выявили аналогичные ожидания у большинства руководителей медицинских организаций, в частности, «оптимизацию» сети лечебных учреждений ожидали 2/3 главврачей.

Заметим, что опрошенные тогда же жители областных центров были абсолютно не осведомлены о грядущих изменениях. Но в ходе массового опроса, отвечая на вопрос, как они поведут себя в случае перевода существенной части медицинской помощи на платную основу, большая доля горожан еще до всех «внешних шоков» и последующего снижения реальных доходов населения указывала, что от платных услуг в поликлиниках и стационарах им придется отказаться (частично или полностью)¹⁰.

⁹ Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» от 08.05.2010 № 83-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_100193/ (дата обращения: 09.01.2021).

¹⁰ Подробнее см.: Александрова, О.А. Качество жизни и реформа бюджетных учреждений: почему все не так? // От качества жизни — к качеству народонаселения: сб. статей участников конференции в рамках

К сожалению, свою лепту в прошедшую «оптимизацию» сети учреждений здравоохранения и их штатов внесли «майские указы» президента (2012 г.), поскольку содержащееся в них требование существенного повышения заработной платы медиков не сопровождалось выделением дополнительных бюджетных ассигнований. Вместо этого финансовое ведомство потребовало от учреждений здравоохранения сократить «неэффективные расходы», к ним были отнесены ... больничные койки и медперсонал, о нынешней нехватке которых столь ощутимо напомнила пандемия COVID-19.

Проведенное нами за год до начала борьбы с новой коронавирусной инфекцией исследование кадрового обеспечения столичного здравоохранения свидетельствует о серьезном негативном влиянии прошедшей «оптимизации» на работу столичных медиков (Москва, как известно, была здесь в числе лидеров). Так, еще в 2019 г. на вопрос о рабочей нагрузке 52% врачей в поликлиниках и 60% врачей в стационарах отвечали, что «очень устают», а 22 и 16%, соответственно, — что «работают на пределе сил» (распределение ответов среднего медперсонала, занятого в поликлиниках и больницах, соответственно: 47 и 46% — очень устают и 21 и 19% — работают на пределе сил). И важной составляющей явно избыточной нагрузки, помимо непомерного объема отчетности, стали последствия «оптимизации». О том, что такая интенсивность их труда связана с «необходимостью выполнять функции недостающего или отсутствующего персонала», в среднем по выборке сообщили 44% медиков (среди медицинских сестер, работающих в амбулаторном звене, — 52%). В ответах на вопрос, какие стороны работы затрудняют ее качественное выполнение, вновь говорилось о «завышенных нормах обслуживания пациентов» (32% врачей и 35% медсестер в поликлиниках и 20% врачей и 17% медсестер в стационарах) и связанном с этим «психологическим

дискомфортом при работе с пациентами», более заметно проявляющимся у медиков из поликлинического звена [2].

Отметим, что неангажированные эксперты своевременно предупреждали не только о неизбежной при такой «оптимизации» количественной нехватке медперсонала, но и об уроне, который очередные реформы (теперь уже в системе медицинского образования) нанесут профессиональной подготовке медицинских кадров, а, в конечном итоге, качеству медицинской помощи. Так, в 2011 г. в период обсуждения проекта закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в «Медицинской газете» было опубликовано открытое письмо¹¹, в котором говорилось, что проект закона открывает возможность для упразднения интернатуры, а это в корне неверно, поскольку во многом именно от квалификации врачей первичного звена, их способности верно поставить диагноз и назначить лечение зависит здоровье основной массы пациентов. Этот прогноз также сбывся: сегодня работать в амбулаторные учреждения приходят выпускники вузов, которые, по словам опрошенных нами главврачей, боятся пациентов, не имеют необходимых мануальных навыков и т. д. В результате и без того перегруженный работой медперсонал вынужден заменять собой упраздненную интернатуру¹².

Еще одно следствие перевода здравоохранения из категории социальных благ в коммерциализированную услугу — превалирование финансистов и менеджеров над клиницистами. Опыт стран, где к управлению медицинскими организациями стали подходить с позиций бизнеса, говорит о серьезном конфликте

¹¹ Улумбекова, Г. Открытое письмо академикам и членам-корреспондентам Российской академии медицинских наук // Медицинская газета. №82 от 26.10.2011.

¹² Подробнее см: Управленческие кадры в московском здравоохранении: поиск ответов на актуальные вопросы / О. А. Александрова, А. В. Ярашева, Е. И. Аксенова, Н. В. Алипперова, Ю. С. Ненахова // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2019. Т. 27. №S. С. 522–528.

между медиками и администраторами, обусловленном принципиальными различиями в понимании своей миссии, организационной культуре и т. д. Следствиями сложившейся диспозиции становятся ускоренное профессиональное выгорание врачей, недостаточное внимание к пациентам и иные негативные эффекты, снижающие качество медицинской помощи [3].

Отчетливо проступающий через совокупность логически взаимоувязанных элементов целенаправленный характер реформы здравоохранения ставит вопрос о природе заложенных в нее концепций и настойчивости в их реализации. Ответ на него находим, в частности, в интервью ряда известных российских медиков и организаторов здравоохранения. Так, в 2005 г. вышел ряд материалов, недвусмысленно указывающих на инициаторов и проводников подобных реформ. Появление интервью было связано с начавшейся перестройкой амбулаторно-поликлинической службы (переходом к так называемым врачам общей практики), угрожавшей упразднением педиатрического звена и в целом отказом от ключевых принципов «системы Семашко». В связи с этим Э. Нечаев, возглавлявший Министерство здравоохранения и медицинской промышленности в 1992–1995 гг., вспомнил, что с идеей перехода на новые принципы медицинского страхования и внедрения системы врачей общей практики к нему обращались представители Всемирного банка, заодно предлагавшие России взять кредит на реализацию этих реформ. По словам экс-министра, поняв, что эта программа «рассчитана на отсталые страны, а не на страну с развитой медицинской и общечеловеческой культурой», он наотрез отказался от предложений Всемирного банка, который ... «нашел другие способы для проведения реформы в нашей стране».

Когда спустя десятилетие, руководство Минздрава приступило к осуществлению реформы по лекалам Всемирного банка¹³, Э. Нечаев предостерегал: «Наше здравоохранение

¹³ Скрытый перелом. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2005/10/20/24050-skrytyy-perelom> (дата обращения: 29.11. 2020).

всегда было направлено именно на заботу о человеке, сейчас мы это величайшее достижение можем потерять навсегда»¹⁴. Тогда же известный детский врач Л. Рошаль рассказал о стремлении руководства Минздрава скрыть от медицинской общественности планы по реформированию амбулаторно-поликлинического звена: хотя соответствующий приказ был издан и зарегистрирован в Минюсте в феврале 2005 г., опубликовали его лишь месяц спустя — уже после окончания работы Всероссийского съезда педиатров, который несомненно выступил бы против подобных преобразований. Как и Э. Нечаев, Л. Рошаль указывал, что «родоначальником проекта является Всемирный банк», который не только продвигает эти идеи, но и дает заем на их реализацию. При этом, подчеркивал Л. Рошаль, разработчики реформ как будто не замечают, что в России проблема не в подходах к организации медицинской помощи, а в двукратном недофинансировании здравоохранения. Его собственный прогноз: «...специалисты Центра стратегических разработок (основной разработчик российских реформ с начала 2000-х годов — *прим. авт.*) решили ввести врачей общей практики за счет сокращения всех узких специалистов в поликлиниках, включая и педиатрическую службу, одну из лучших в мире. Это приведет к росту детской заболеваемости, инвалидности и смертности. Также планируют сократить стационары и перенести нагрузку на поликлиники»¹⁵.

На то, что разрушительные реформы здравоохранения навязываются России Всемирным банком, не раз указывал директор Научного центра здоровья детей академик РАМН А. Баранов. Когда в 2004 г. в проекте Концепции развития здравоохранения появился пункт о введении врачей общей практики с передачей им функций приговоренных к упразднению женских консультаций и педиатрических отделений,

¹⁴ Гончарова, О. Диагноз //Новая газета. 11.04.2005.

¹⁵ Гончарова, О. Прогрессирующее заболевание чиновников Минздрава: свинка-копилка // Новая газета. 18.04. 2005.

он заявил, что в России через участвовавших в разработке Концепции экспертов Всемирного банка пытаются внедрить систему, «разработанную ВОЗ для слаборазвитых стран»¹⁶. Союз педиатров России решительно отверг эту идею, однако уже через год была осуществлена новая попытка внедрить врачей общей практики, хотя в регионах, проводивших подобный эксперимент, росло число вызовов к детям «скорой помощи» и детская смертность. Благодаря протестам медицинской общественности, напоминавшей реформаторам, что сложившаяся в СССР педиатрическая служба славилась низкими показателями хронизации заболеваний и инвалидизации у детей, массовой замены педиатров на врачей общей практики тогда осуществить не удалось. Но попытки продолжались: как указывал (теперь уже в 2015 г.) академик А. Баранов, «где-то в недрах чиновничьего сословия такая пагубная идея продолжает жить», и пояснял причины ее живучести: «Почему нам все время пытаются ее навязать — понятно. Система врачей общей практики дешевле (вместо 2–3 узких специалистов работает один)»¹⁷. И как мы видим, в относительных величинах объем расходов на здравоохранение с тех пор практически не вырос, сеть лечебных учреждений и их штатов «оптимизирована», а в медицинских вузах массово готовят врачей общей практики, которые, как говорили нам эксперты, боятся иметь дело с детьми, поскольку им не преподают существенную часть курса педиатрии [2].

Итак, выполненный анализ позволяет утверждать, что реализовывавшиеся в постсоветский период реформы здравоохранения не были спонтанными и непродуманными. Напротив: если иметь в виду интересы их заказчиков и проводников, то они были целенаправленными, логичными и последова-

¹⁶ Горбачева, А. Союз педиатров против Минздрава России // Независимая газета. 20.02.2004.

¹⁷ Борта, Ю. Кто вылечит детей? Зачем в России пытаются упразднить педиатров // Аргументы и факты. 27.02.2015.

тельными, а их негативные для значительной части населения и медиков результаты были запрограммированы. Своевременные предупреждения представителей медицинского сообщества, других ученых и специалистов игнорировались — в отличие от советов наднациональных организаций и лоббистов транснационального и отечественного капитала.

В то же время нельзя не признать: реализация разрушительной реформы здравоохранения стала возможной в силу отсутствия в российском обществе необходимого уровня солидарности. Когда те или иные составляющие реформы начинали реализовываться, когда государственную медицину нещадно «оптимизировали», и медики пытались протестовать, основная масса населения полагала, что это проблемы протестующих. Но выяснилось, а пандемия COVID-19 сделала это еще более очевидным, что проблемы здравоохранения — это проблемы всего общества, а не отдельной профессиональной группы. Будем надеяться, что этот печальный опыт не останется для нашего общества «невывученным уроком».

Список литературы

1. Ждановская, А. Почему, все же, ГАТС ведет к коммерциализации общественных благ? / А. Ждановская, Е. Гоулд. URL: http://wto-inform.ru/experts/aleksandra_zhdanovskaya_vto_inform_ellen_gould_ekspert_po_gats_kanada_pochemu_vse_zhe_gats_vedet_k_k/ (дата обращения: 29.11.2020).
2. Развитие кадрового потенциала столичного здравоохранения / отв. ред. Е. И. Аксенова, науч. редакторы: О.А. Александрова, А.В. Ярашева. — М.: НИИ ОЗ ММ ДЗМ, 2019. — 244 с.
3. *Enock, K., Markwell, S.* Interactions between managers, doctors and others. URL: <https://www.healthknowledge.org.uk/public-health-textbook/organisation-management/5a-understandingitd/interactions> (дата обращения: 15.09.2018).

O.A. Aleksandrova¹⁸. Crisis in Russian healthcare: «excess perpetration» or pre-programmed outcome? The COVID-19 pandemic further exacerbated the issue of the situation in the health care system and the directions for its further reform. An analysis of the transformation of the health care system based on the study of regulatory and other documents, as well as data from sociological studies witnesses that such results of reform as a sharp reduction in the availability of quality medical care, a shortage of medical personnel, etc. are not a consequence of the «excess of the implementer», but are programmed by the course of health care reform, which was a purposeful and consistent process, the customer of which was international financial organizations and transnational capital. The article examines the problems caused by the significant underfunding of health care, as well as the numerous institutional contradictions generated by the reform. It is concluded that the reforms that led to such results became possible due to, first, the reformers ignoring the opinion of the medical community and, secondly, the lack of the necessary level of solidarity in Russian society.

Keywords: medical care, health care reform, health care spending, health insurance companies, WTO, World Bank.

¹⁸ *Olga Aleksandrova*, Deputy Research Director, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; Professor, Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation; Doctor of Economics.

В.Е. Дементьев¹

УВЕРЕННОСТЬ В БУДУЩЕМ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ²

Уверенность в будущем рассматривается как одна из важных характеристик качества жизни, а также как условие конкурентоспособности государства. Показано, что снижение процентных ставок по кредитам — недостаточное условие для преодоления инвестиционного пессимизма; при низкой загрузке производственных мощностей дешевые кредиты могут привести к стагнации отраслей. Качество координации экономической деятельности рассматривается как один из факторов уверенности бизнеса в будущем. Отмечается большое влияние конкурентоспособности существующих отраслей на формирование новейших производств. Подчеркивается, что переход к системе интерактивного стратегического планирования остается для нашей страны актуальной задачей.

Ключевые слова: человеческий потенциал, качество жизни, координация, уверенность экономических агентов, конкурентоспособность, стратегическое планирование.

¹ *Виктор Евгеньевич Дементьев*, главный научный сотрудник Центрального экономикоматематического института РАН, чл.-корр. РАН, д-р экон. наук, профессор.

² Опубликовано в журнале «Экономическое возрождение России». 2021. №1(67). С. 54–62.

Уверенность граждан в будущем как условие конкурентоспособности государства

Общество на разных этапах своего развития формирует свои ожидания на перспективу, которые могут носить мобилизующий, ускоряющий развитие характер. Отсутствие уверенности в будущем деморализующе влияет на экономических агентов. Очередная промышленная революция придала новый импульс осмыслению перспектив общественного развития. При сохранении за технологической составляющей важной роли в этом развитии на первый план в экономике знаний выходит человеческий потенциал.

Одним из главных вызовов начавшейся эпохи глобальных трансформаций является необходимость смены экономической парадигмы: не «человек для экономики», а «экономика для человека» [1, с. 10]. Так, в японской стратегии «Общество 5.0» речь идет о подчинении новых технологий решению задачи повышения качества жизни. В соответствии с этой концепцией новые технологии должны сделать жизнь людей более комфортной и стабильной. Участие человека в непосредственном производстве минимизируется. В нашей стране похожий смысл имеет концепция ноономики, нацеленная на удовлетворение разумных потребностей человека, необходимых для обеспечения его развития [2]. Уверенность в будущем является, на мой взгляд, одной из таких потребностей. Удовлетворение этой потребности становится важным фактором конкурентоспособности государства.

Весьма актуальной задачей для нашей страны является улучшение демографической ситуации. Рост рождаемости зависит от уверенности в будущем. Об этом свидетельствует опрос наших граждан³. К такому же выводу приводит исследование рождаемости в США в период 1989–2016 гг. [3].

Снижение степени неопределенности — функция общественных институтов. Пока они не очень справляются с этой

³ <https://eaomedia.ru/news/307503/>

задачей. Опросы населения свидетельствуют о низком уровне доверия россиян ко многим общественным институтам⁴.

Что касается пандемии, то, как пишет Я. М. Миркин, «когда пандемия исчезнет, нам на память останутся страх, понимание шаткости любой экономики и того, что «черный лебедь» что-то зачастил. А в общественном сознании: 1) утвердится понимание и ощущение того, что происходит нечто «из ряда вон» — в климате, в волнах пандемий, в нарастании техногенных катастроф; 2) останется глубокая рана — от беспомощности и страха непреодолимой внешней силы, того, от чего нельзя избавиться субъективно, личными действиями» [4]. Самореализующиеся пессимистические ожидания — один из примеров институциональной ловушки [5].

Можно вспомнить характеристику предпринимателя Й. Шумпетером в труде «Теория экономического развития» [6]. С его точки зрения, предприниматель не обязан иметь широкий кругозор. Важнее способность увлечь за собой, что вряд ли возможно без уверенности в правильности своих решений.

Большое внимание уделяется уверенности в поведенческой экономике. Как пишет Д. Канеман, в день свадьбы невеста и жених знают, что уровень разводов высок, а процент разочаровавшихся в браке еще выше, но не верят, что эта статистика имеет отношение к ним [7]. Венчурные предприниматели похожи на молодых людей в своем отношении к статистике неудач венчурного бизнеса. В рамках поведенческой экономики раскрываются и негативные последствия чрезмерной самоуверенности экономических агентов, способствующей возникновению финансовых пузырей и кризисов.

Повышение уверенности экономических агентов — фактически такая задача решается при координации экономической деятельности. Проблема координации инвестиций выдвигает

⁴ <https://www.rbc.ru/society/22/01/2019/5c4632139a7947d392889cfd?from=main>

ется на первый план при обсуждении условий индустриализации экономики. Значение координации обосновано в работе П. Розенштейн-Родана «Проблемы индустриализации Восточной и Юго-Восточной Европы» [8]. Когда технологии характеризуются возрастающей эффективностью масштабов и носят взаимодополняющий характер, синхронизация инвестиций позволяет перейти на более высокий уровень спроса. Если же нет уверенности в том, что смежные отрасли получают инвестиции, сохраняется низкий уровень индустриализации.

Ситуация перехода индустриальной экономики на новую технологическую базу в рамках современной промышленной революции имеет определенную общность с ситуацией индустриализации. Такие революции связаны с освоением новых технологий широкого применения. Исследования этих технологий показывают, что их формирование требует разработки целого спектра сопряженных технологий, организации производства новых комплектующих [9]. Без соответствующей синхронизации исследований, координации инвестиций вместо созидательного разрушения возникает инновационная пауза. Без уверенности в том, что ее преодоление произойдет в обозримой перспективе, пауза может затянуться. Таким образом, проблема координации актуальна и для современной промышленной революции. Поэтому аргументация в пользу промышленной политики XXI в. порой апеллирует к условиям успешной индустриализации [10].

Снижение процентных ставок — недостаточное условие для преодоления инвестиционного пессимизма

Для ускорения роста российской экономики важно повышение доли инвестиций в ВВП. В этой связи большие надежды на изменение инновационной и инвестиционной ситуации возлагаются на дешевые долгосрочные кредиты. Однако сама по себе доступность таких кредитов не гарантирует роста ин-

вестиций в основной капитал. Даже при развитой системе рыночных институтов снижение процентных ставок может сочетаться с уменьшением доли производственных инвестиций в ВВП. О том, что снижение процентных ставок не является достаточным условием для активизации производственных инвестиций, свидетельствует опыт США (рис. 1).

Как видно из рис. 1, в экономике США в 1980-е гг. сочетались тенденции снижения процентной ставки и уменьшения доли в ВВП частных инвестиций в нежилые активы. Отметим, что современный этап технологического развития сопоставим с 1980-ми годами. Если тогда наблюдался переход к микроэлектронным технологиям, то в настоящее время речь идет о расширении использования цифровых технологий.

Что касается связи процентных ставок по кредитам и доли инвестиций в ВВП, она отклоняется от обратно пропорциональной зависимости и в нашей стране (рис. 2).

На инвестиционную ситуацию в российской экономике влияют не только процентные ставки. Низкая степень загрузки мощностей во многих отраслях обрабатывающей промышленности снижает уверенность в том, что инвестиции в них окупятся. А такая ситуация характерна для машиностроительных отраслей (табл. 1), во многих из них уровень использования среднегодовой производственной мощности меньше 30%.

Низкий уровень загрузки производственных мощностей сказывается на эффективности производства (табл. 2).

При низкой загрузке производственных мощностей дешевые кредиты могут вести к стагнации отраслей, способствуя сохранению их сложившейся структуры. Такие кредиты будут сдерживать перераспределение загрузки мощностей, необходимое для реализации эффекта масштаба производства. Сомнительные перспективы реализации эффекта масштаба при инвестировании в новые технологии — одна из причин низкой интенсивности соответствующих инвестиций.

Если предприятие еще продолжает работать, но обречено на закрытие, оценка значительной части капитальных вложе-

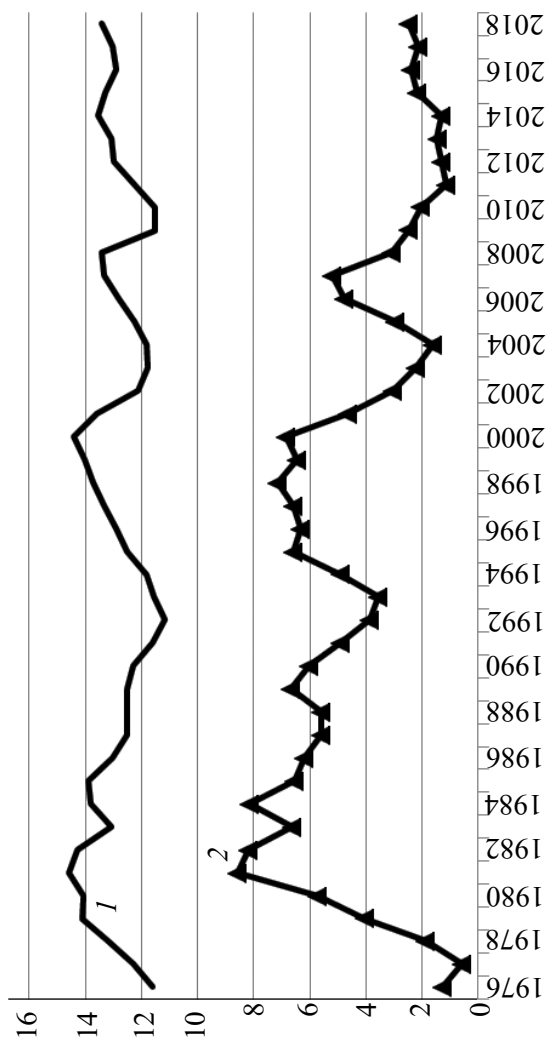

Рис. 1. Изменение реальной процентной ставки по кредитам (2) и доли частных инвестиций в нежилые активы в экономике США (1) в 1976–1918 гг. (составлено по данным Bureau of Economic Analysis USA, World Bank)

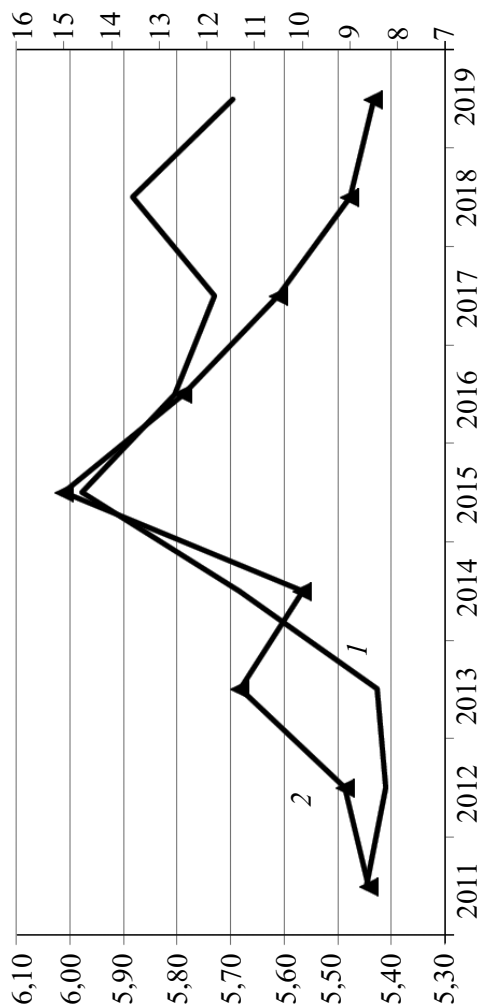

Рис. 2. Изменение процентной ставки по кредитам нефинансовым организациям (2) и доли инвестиций последних в основной капитал в российском ВВП в 2011–2019 гг. (1) (составлено по данным Росстата и Банка России)

Таблица 1

**Уровень использования среднегодовой производственной мощности
организаций машиностроительных отраслей, %***

Оборудование	2017	2018	2019
Турбины на водяном паре и прочие паровые турбины	22	18	5,8
Турбины газовые, кроме двигателей турбореактивных и турбовинтовых	21	19	26
Подшипники шариковые или роликовые	27	24	22
Краны мостовые электрические	25	29	22
Тракторы для сельского хозяйства и прочие	16	15	19
Станки металлорежущие	20	27	23
Машины кузнечно-прессовые	14	13	16
Экскаваторы	19	22	34
Бульдозеры и бульдозеры с поворотным отвалом	18	22	30
Холодильники и морозильники бытовые	47	51	54
Электродвигатели переменного и постоянного тока универсальные мощностью более 37,5 Вт	33	26	30
Автомобили легкие	47	53	56
Средства автотранспортные грузовые	41	44	48
Автобусы	20	28	22

* *Источник:* Росстат.

Таблица 2

Рентабельность активов, удельный вес убыточных организаций, индексы Херфиндала — Хишмана некоторых отраслей машиностроения*

Отрасль	Рентабельность активов, %	Удельный вес убыточных организаций, %	Индекс Херфиндала — Хишмана
Производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования	3,9	25,2	73,5
Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки	3,8	21,1	76,6
Производство компьютеров, электронных и оптических изделий	6,4	19,2	276,7
Производство электрического оборудования	6,4	21,9	172,6
Производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов	5,5	21,1	493,0
Производство прочих транспортных средств и оборудования	1,6	25,2	352,9

* Источник: Росстат.

ний практически обнуляется. Даже если собственник не собирается развивать предприятие, он может откладывать его ликвидацию до тех пор, пока выручка покрывает текущие затраты. Росстат дает сведения о количестве «угасающих» предприятий⁵. Даже когда их число относительно невелико, демпинговые цены таких поставщиков могут сильно портить жизнь конкурентам в течение всего периода угасания, подрывать уверенность в получении постинновационной ренты.

Здесь уместно вспомнить о связи между рыночной концентрацией и инновационной активностью бизнеса. В соответствии с рядом исследований эта связь описывается перевернутой U-образной кривой [11, 12]. До некоторого уровня концентрации рыночной власти ее увеличение сопровождается повышением инновационной активности. Как слабая, так и чрезмерная концентрация угнетающе влияют на инновации. В российской экономике многие отрасли обрабатывающей промышленности остаются низкоконцентрированными, имеют индекс Херфиндаля —Хиршмана меньше 1000 (см. табл. 2).

Индикативное стратегическое планирование — принципиальный фактор инвестиционного оптимизма бизнеса

Исторический опыт показывает, что важный импульс развитию новых технологий и отраслей придают существующие отрасли. Так, паровые двигатели первоначально были лишь дополнением к парусам, транзисторы постепенно вытесняли лампы из телевизоров. Комплементарность старых и новых технологий широкого применения — потенциальный фактор экономического развития. Однако он действует, когда положение существующих отраслей, использующих ранее освоенные технологии широкого применения, не слишком отдалено от их передовых рубежей. Компоненты новой технологии не всегда способны компенсировать отставание в технологиях, составляющих основу производства. Например, какой смысл внедрять цифровые технологии удаленного контроля параме-

⁵ <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/bush-dem3.htm>

тров для устаревших двигателей, автоматизировать производство таких двигателей? Поэтому бизнес, ориентированный на развитие принципиально новых технологий, не может рассчитывать на поддержку со стороны многих существующих отраслей российской экономики.

Экономическая конъюнктура остается труднопрогнозируемой не только в отраслях, но и в регионах Российской Федерации. В сопоставительном анализе регионов большое внимание уделяется оценкам их инвестиционного потенциала, инвестиционного риска и в целом инвестиционной привлекательности. Однако соответствующие рейтинги регионов оказываются недостаточно информативными для предвидения роста ВРП [13].

Теория большого толчка, родоначальником которой является П. Розенштейн-Родан, ориентирует на большие объемы инвестиций для перехода на новый уровень экономического развития. В этой связи можно говорить о важной роли государственного спроса, государственных инвестиций в инфраструктуру. Однако импульс развитию зависит и от частных инвестиций, от ожиданий фирмами того, что будет происходить у них в смежных отраслях.

Повышению уверенности инвесторов призвана служить система стратегического планирования. Закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (№ 172-ФЗ) принят, но, по сути, не работает. Признанием этого является переход к разработке и реализации национальных проектов, утвержденных Указом Президента России № 204 от 7 мая 2018 года. Такой документ, как национальный проект, отсутствует в перечне документов стратегического планирования, предусмотренных указанным законом.

Остается актуальным предложение В. М. Полтеровича о переходе к системе интерактивного стратегического планирования [14]. Она должна внести ясность в ожидания инвесторов, определить перспективную структуру отраслевых мощностей, способную обеспечить рациональную интенсивность внутриотраслевой конкуренции. Формирование планов раз-

вития отраслевых мощностей, межотраслевых цепочек создания стоимости — задача, решение которой требует сотрудничества государства и бизнеса. Здесь недостаточно привлечения бизнеса к обсуждению после того, как государственные органы подготовили проект плана. Вовлечение бизнеса в разработку планов важно при конкретизации долгосрочной стратегии развития на ближайшие пять лет. Научное, экспертное и аналитическое сопровождение планирования на более длительную перспективу должна обеспечивать Российская академия наук [1, с. 12]. Научно обоснованное знание перспектив развития — основа экономики знаний.

Список литературы

1. *Иванов, В. В.* Методологические аспекты стратегического планирования в контексте глобальных трансформаций / В. В. Иванов // Экономическое возрождение России. — 2020. — № 1 (63). — С. 6–13.
2. *Бодрунов, С. Д.* Ноономика / С. Д. Бодрунов. — М.: Культурная революция, 2018. — 431 с.
3. *Buckles, K.* Is Fertility a Leading Economic Indicator? / K. Buckles, D. Hungerman, S. Lugauer // NBER Working Paper 24355. — 2018. — Режим доступа: <http://www.nber.org/papers/w24355> (дата обращения: 08.10.2020).
4. *Миркин, Я. М.* Изменения в экономических и финансовых структурах: воздействие шоков-2020 / Я. М. Миркин // Экономическое возрождение России. — 2020. — № 2(64). — С. 86–92. DOI: 10.37930/1990-9780-2020-2-64-86-92.
5. *Полтерович, В. М.* Институциональные ловушки и экономические реформы / В. М. Полтерович // Экономика и математические методы. — 1999. — № 2. — С. 3–20.
6. *Шумпетер, Й.* Теория экономического развития: Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры / Й. Шумпетер; пер. с нем. В. С. Автономова и др. — М.: Прогресс, 1982. — 455 с.

7. Канеман, Д. Думай медленно... Решай быстро / Д. Канеман. — М.: АСТ, 2014. — 653 с.
8. *Rosenstein-Rodan, Paul N.* Problems of Industrialisation of Eastern and South-eastern Europe / P. N. Rosenstein-Rodan // *Economic Journal*. — 1943. — Vol. 53. (June–September). — P. 202–211.
9. *Helpman, E.* A Time to Sow and a Time to Reap: Growth Based on General Purpose Technologies / E. Helpman, M. Trajtenberg / Helpman Elhanan (ed.). *General Purpose Technologies and Economic Growth*. — Cambridge, MA: MIT Press, 1998. — P. 55–83.
10. *Aiginger, K.* Rebirth of Industrial Policy and an Agenda for the Twenty-First Century / K. Aiginger, D. Rodrik // *Journal of Industry, Competition and Trade*. — 2020. — Vol. 20. — P. 189–207. <https://doi.org/10.1007/s10842-019-00322-3>.
11. *Aghion, P.* Competition and innovation: An inverted-U relationship / P. Aghion, N. Bloom, R. Blundell, R. Griffith, P. Howitt // *Quarterly Journal of Economics*. — 2005. — Vol. 120. — № 2. — P. 701–728.
12. *Bykova, A. A.* The Impact of Industry's Concentration on Innovation: Evidence from Russia / A. A. Bykova // *Journal of Corporate Finance*. — 2017. — №1. — С. 37–49.
13. *Дементьев, В. Е.* Факторы дифференциации регионов по темпам экономического роста / В. Е. Дементьев // *Terra Economicus*. — 2020. — № 2 (18). — С. 6–21. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-2-6-21.
14. *Полтерович, В. М.* Природа кризиса и стратегия модернизации: формирование системы интерактивного управления ростом / В.М. Полтерович (ред) // *Стратегия модернизации российской экономики*. — СПб.: Алтейя, 2010. — С. 35–90.

V.E. Dementyev⁶. Confidence in the future as an economic development factor. The level of confidence in the future is considered as one of the important characteristics of the quality of life. Social and economic well-being depends on what expectations prevail in a society. It is shown that the reduction of interest rates on loans is not a sufficient

⁶ *Viktor Dementyev*, Principal Research Associate, Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences, D.Sc. Econ., Professor, Corresponding Member of the RAS.

condition for overcoming investment pessimism. It is indicated that with low capacity utilization, cheap loans can lead to stagnation of industries, contributing to the preservation of the existing structure of used capacities. The quality of coordination of economic activity is considered as one of the factors of business confidence in the future. It is noted that the competitiveness of existing industries has a great impact on the formation of new industries in the economy. It is emphasized that the transition to the system of interactive strategic planning remains an urgent task for our country.

Keywords: human potential, quality of life, coordination, confidence of economic agents, competitiveness, strategic planning.

*Л.А. Карасева*¹

**ЭКОНОМИКА «УПРАВЛЯЕМОГО» ХАОСА:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

Рассматриваются социально-экономическая природа наблюдаемого хаоса в процессе социально-экономического развития мирового сообщества, которая, по мнению автора, обусловлена скачками в производительных силах, науке и технологиях, происходящих в интересах и под контролем господствующего наднационального финансового капитала, — субъекта экономики, функционирующего без правил для реализации своих эгоистических целей, деятельность которого не контролируется существующими нормами. Изменения в производительных силах усиливают взаимозависимость всех слоев отношений, опосредующих их функционирование, объективно требуют изменений в них, адаптации под новый уровень своего обобществления. Но они продолжают субъективно реализовываться в рамках прежних социально-экономических, организационно-экономических, институциональных и иных норм. Рассматриваются формы проявления хаоса, а также аспекты «управления» им. Актуализируется проблема социализации финансов.

¹ Людмила Аршавировна Карасева, заведующая кафедрой экономической теории Тверского государственного университета, д-р экон. наук, профессор.

Ключевые слова: трансформационные системы, «управляемый» хаос, наднациональный финансовый капитал, скачки в производительных силах, институциональное отчуждение, мнимость хозяйственного поведения и взаимодействия, мнимая демократии, мнимая государственность, социализация финансов, методология структурных уровней, системная рациональность.

Тема родилась под впечатлением прочтения ряда научных публикаций, посвященных описанию сегодняшней ситуации на планете Земля, которая в той иной мере характеризовалась как хаотичная, обостренная пандемией коронавируса, ставились проблемы управления ею, в том числе и государственного. Политологи то и дело использовали термин «управление хаосом». Кроме того, появилась целая серия статей о «великой перезагрузке» — концепции «устойчивого развития» («sustainable development»), инструментом которой выступает «цифровой концлагерь». Невозможно в одном выступлении полноценно осветить обозначенные аспекты проблемы, поэтому хотелось бы методологически попытаться поделиться соображениями о социально-экономической природе наблюдаемого хаоса не только в мировой и национальных экономиках, но и в процессе социально-экономического развития мирового сообщества. А также об управлении им, поставленного мною в кавычки.

Методологически речь идет о познания *все усложняющихся систем*, находящихся в состоянии трансформации. Сразу отмечу, что уже в течение последних нескольких лет нами ставилась эта проблема в разных ее методологических аспектах и на разного рода форумах, и в публикациях:

- методология политико-экономического исследования современных проблем глобально-монополистического капитализма: возможности и пределы развития;
- парадигмальное основание, методологическое ядро, подходы к определению трансформации современной социально-экономической системы;
- соотношение всеобщего и особенного в применении к исследованию трансформации национальной хозяйственной системы;

- методология исследования трансформации экономических функций государства и гражданского общества².

Поэтому в сегодняшнем выступлении разрешите остановиться на двух, на мой взгляд, важных моментах, связанных с серьезным усложнением не только мировой и национальных экономик, но и процесса социально-экономического развития мирового сообщества.

Дело в том, что процесс исследования *меняющейся* и/или еще *непознанной хозяйственной реальности (хаос конкретного)* дополняется **внешними обстоятельствами** ее познания: а) гносеологическими причинами, связанными с *возможностями познания все усложняющегося мира*; б) тем, что экономическая теория *делает «болезненные» выводы для разных социально-экономических групп*; в) *логическим несовершенством теории*, определяемым, в первую очередь, по тому, какой метод использован при ее создании (1, с. 88-89).

В связи с поставленной в теме проблемой обращаю внимание на 2 аспекта: 1) соотношение статики и динамики в исследовании; 2) использование междисциплинарности в *системном подходе*: существующая недооценка разного рода *структуризации целого и взаимодействия частей с целым*.

Смещение акцентов на описание изменчивости, трансформации игнорирует понимание того, что в ней сохраняется, воспроизводится то, что составляет ее относительную устойчивость, без чего экономическая система не может нормально существовать и функционировать. То, что можно назвать **социально-экономическим кодом системы**. Если то, что мы назы-

² См. например, предложенная тематика Секции 1 «Трансформация современной социально-экономической системы: методология объективной необходимости» на Международной научно-практической конференции «Институционально-воспроизводственный механизм формационной развилки: принципы, формы, инструменты», прошедшей в Финансовом университете при Правительстве РФ 18 декабря 2020 г. (Москва). — режим доступа: <http://www.fa.ru/org/dep/det/News/2020-11-16-Conf.aspx>

ваем **«новой экономикой»** (знаниевой, информационной, цифровой и пр.), выявляет себя в хозяйственных явлениях, **прежних по своей сути**, то таковой она является в сознании политиков, управленцев, а иногда и экономистов. Закономерно, что на Конгрессе получила поддержку концепция профессора С.Д. Бодрунова, изложенная в его книге «Ноономика» (2018 г.), в которой была представлена авторская гипотеза экономики будущего, где сделана попытка ее обоснования и теоретического оформления с позиции *адекватности социально-экономических отношений изменениям в производительных силах*, получившая развитие в его основном докладе.

Какое это имеет отношение к нашей теме? Почему выделяем именно **«прежние по сути явления»**? Да потому, что все скачки, которые происходят так или иначе в том или ином слое отношений (технично-экономических, организационно-экономических, институциональных), **приводящие к усложнению и сбою экономической и общественной реальности, не происходят сами по себе. Они рукотворные.** Они подготавливаются деятельностью тех, кто выражает *господствующий экономический интерес*. На современном этапе — *интересами крупного наднационального финансового капитала, которому вторит национальный крупный капитал*. В данном подходе важен и еще один методологический аспект, который нельзя игнорировать: это учет в исследовании соотношения *объективного и субъективного*. С одной стороны, важно учесть, как справедливо замечал профессор В.Т. Рязанов, «капитализм развивался и трансформировался ..., совершая последовательные переходы от монополистического к государственно-монополистическому капитализму (ГМК1.0) и затем к глобально-монополистическому капитализму (ГМК2.0)»³ (4, с. 270). А, с другой, — столь же важно четко представлять субъектов, представляющих и реа-

³ В последние годы исследованию социально-экономической природы глобального капитала было посвящено ряд фундаментальных работ: Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. В 2-х т.т. — М: ЛЕНАНД. 2015; Рязанов В.Т. (Не)Реальный капитализм. Политэкономия

лизирующих интересы глобально-монополистического капитала, воздействуя через инструменты и институты влияния на процессы социально-экономического развития. В этом отношении весьма актуальны монография д.п.н. В.Б. Павленко «Глобальная олигархия. Клань в мировой политике: история и современность» (2) и ряд его последних публикаций, требующих специального обсуждения.

Рыночная экономика последние десятилетия, ориентированная на реализацию *эгоистического поведения* крупного финансового капитала шаг за шагом, способствовала разработке новых технологий, которые в первую очередь работали и продолжают работать на усиление его господства, *разрушая природу, экологическую, социальную, ценностную среды общественной и хозяйственной жизни*. Заметим, что пандемия коронавируса — это тоже результат потребительского, скорее реактивного, чем стратегического, отношения к природе, к микромиру — в частности. Более того, даже эту ситуацию финансовый капитал использует в своих интересах «... для решения многих задач, которые обычно решали мировые войны. Пузырь проткнули так, что и войны избежали, и обогатили «властелинов цифровых колец», и в разы увеличили власть чиновников над населением, да так, что оно даже не пикнуло, запуганное якобы смертельной угрозой» (6).

Цифровизация позволила сформировать *новую многоуровневую среду* социальных отношений — социальные сети, которые создали прекрасные возможности для манипулирования и *влияния на субъективное восприятие всего того, что происходит в реальной хозяйственной, политической и общественной жизни*. А это дополнительные *внешние стимулы для принятия хозяйственных и иных решений субъектами экономики*. Речь идет о том, что экономика испытывает все усиливающееся влияние *социального слоя отношений*, а, следовательно, принятие хозяй-

кризиса и его последствия для мирового хозяйства и России. М.: Экономика, 2016.

ственных решений *может осуществляться далеко не на основе экономических или финансовых критериев* (например, политических, ценностных, чувства страха и др.). Одновременно на этом фоне формируется отрицание общепринятых норм морали, правил общественного взаимодействия, ценностных ориентиров. Разве это не проявление усиления хаоса?

Созданы и продолжают создаваться условия *цифрового и компьютерного подчинения, нового инструмента насилия и господства финансового капитала*, который, оторвавшись от реального сектора экономики, направляется свободно лишь туда, куда его ведут *желание выжить и финансовый рационализм*. Поэтому неслучайно первыми забили тревогу историки и физики, да еще экономисты, сохранившие методологическую базу политической экономики⁴.

Имеем субъекта экономики, *функционирующего без правил для реализации своих эгоистических целей, деятельность которого не контролируется существующими нормами*. Разве это не усиление хаоса? Управление им со знаком «—» для мировой и национальных экономик.

А что же в этих условиях *государства*? Сегодня во многих работах содержатся рекомендации правительствам делать то или иное. Государство должно. Но государство не абстракция. Оно, с одной стороны, *выражает интересы господствующего класса, какими бы целями оно не прикрывалось*, а, с другой, — оно несет генетический код своего исторического происхождения, традиций и пр. Но есть и еще одна принципиальная особенность, глобальный финансовый капитал — наднационален, а поэтому объективно имеет сформированное ядро, которое так или иначе оказывает серьезное влияние на политику национальных государств через политические, экономические и финансовые инструменты и институты. Как справедливо заметил д.п.н.

⁴ См. выступление Михаила Ковальчука — члена-корреспондента РАН, президента Курчатовского института на Международном военно-техническом форуме; публикации историка Андрея Фурсова и др.

В.Б. Павленко: «Смысл — в переплетении государственных и частных финансов при определяющем влиянии последних, которые через эту многоступенчатую систему по сути контролируют первых, выступая по отношению к ним «хозяевами правил игры» (3). И далее: *«суперузкое ядро, внутри которого вершится вся мировая экономика, завязанная на систему котировок IPO. Обратим внимание: система уже существует, без всяких «великих перезагрузок» (3).*

Поэтому и современные национальные правительства исходят *из критериев экономической, а уже многие годы и финансовой рациональности, прикрываясь, когда это выгодно, институциональными традициями*, осуществляя оптимизации финансовых потоков, часто не задумываясь о содержании процессов, обслуживаемых ими.

Как по-другому можно понять провозглашение экономики знаний и в тоже время объявить общественное благо — образование — услугой, которая иначе, как по рыночным законам, существовать не может; допустить экономизацию и финансиализацию образования, разрешив эксперимент неспециалистам в этой области⁵. Столь же серьезная проблема использования творческой деятельности, поставленной на службу крупному финансовому капиталу, социально-экономическую природу которой обсуждать не принято. Аналогично эти же вопросы можно задавать по проблемам медицины и здравоохранения, притом, что выдвигается задача сохранения жизни людей.

Внедрение цифровых технологий *в сферу государственного управления социальными отношениями* привело, с одной стороны, к оптимизации *деятельности аппарата и оперативности*

⁵ Об этом убедительно говорила Н.Г. Яковлева канд. экон. наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института экономики Российской академии наук (Россия) на VII Международной научно-практической конференции «Социально-экономическое развитие в эпоху трансформации глобального капитализма: природа, противоречия, перспективы» (г. Москва, Российская Федерация, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», 06 марта 2020 г.).

получения необходимой информации членами общества, но с другой, — к отрыву аппарата от реально существующих проблем людей.

Наконец, *государственный национальный эгоизм развитых стран*, усиленный процессами современной глобализации, использующий слаборазвитые страны в качестве дешевой рабочей силы, сырьевого придатка, приводит к существенному качественному и количественному различию возможностей обеспечения жизнедеятельности людей. Как результат, глобальные и очень быстрые изменения в производительных силах, социальных отношениях вступают в противоречие с существующей системой необходимого воздействия государства на эти процессы, рождая **новые виды институционального отчуждения на разных уровнях институциональных отношений**.

Еще страшнее другое отчуждение, рождаемое сегодняшней ситуацией, *отчуждение внутри себя, ценностное отчуждение*. Сама концепция проводимой социально-экономической политики, превращение человека в средство, человеческий капитал, а в сегодняшних условиях — и цифрового человека провоцируют формирование глобальной институциональной ловушки, двоемыслия как основного механизма жизни, приводит к мнимости хозяйственного поведения и взаимодействия, **к мнимой демократии и государственности**. И это формы проявления усиливающегося хаоса.

Вывод. Социально-экономическая природа современного хаоса обусловлена скачками в производительных силах, науке и технологиях, происходящих в интересах и под контролем господствующего финансового капитала, усиливших взаимозависимость всех слоев отношений, опосредующих их функционирование. Изменения в производительных силах усиливают взаимозависимость всех слоев отношений, опосредующих их функционирование, объективно требуют изменений в них, адаптации под новый уровень своего обобществления. Но они продолжают субъективно реализовываться в рамках прежних институциональных, организационно-экономических и иных

норм. Ситуационные, подчас ошибочные решения политических структур общества *придают дополнительный импульс усилению хаоса.*

Какие же **дополнительные методологические выводы** следуют из данного обзора? В первую очередь — о необходимости **использования методологии структурных уровней** в исследовании экономики, **расширив ее включением слоев социальных, ценностных, политических отношений.** Ярким примером продуктивного использования данной методологии является выступление профессора К.Х. Момджяна «Ценности и ценностные отношения» на «СПЭК-ПНО-2020»⁶.

Данный методологический подход будет способствовать преодолению существующей недооценки разного рода *структуризации целого и взаимодействия частей с целым* в системном анализе, позволит реализовать междисциплинарность в исследовании современной экономики и создать методологическую и теоретическую базу реформирования управления хозяйственными процессами. Это тема специального обсуждения. В рамках нашей темы подчеркнем, что **критерии целесообразности принятия государственных хозяйственных решений, не могут рассматриваться, исходя только из экономической или финансовой рациональности, понимая, что она носит системный характер.** В противном случае процессы экономизации и финансиализации политики, с одной стороны, и политизации экономических и финансовых отношений, — с другой, будут лишь описываться на эмпирическом уровне, без понимания их социально-экономической природы и сущности, а, следовательно, не создавая возможности реального преодоления этих процессов.

Отсюда напрашивается вопрос: **далее что?** По нашему мнению, в сегодняшних условиях как переходный вариант —

⁶ См. Семинар 1. Трансформации экономики XXI века: противоречия и перспективы «СПЭК-ПНО-2020» — Режим доступа: [spec_2020_program.pdf](#)

социализация экономики через социализацию финансового капитала. В связи с этим не могу не вспомнить последнюю монографию В.Т. Рязанова, где профессор этот вопрос поднимает (5, с. 376—388). Представляется, что превращение финансового сектора в важнейший элемент общеэкономического равновесия и фактор распределения ресурсов предопределяет институционализацию процесса социализации финансового капитала (социализацию финансов), с необходимостью подключая новые идеи Кейнса о существующем неравновесии при капитализме, о модели государственно-регулируемой рыночной экономики, адаптируя ее к новым условиям жизни.

Список литературы

1. *Карасева Л.А., Петрищев В.А.* Методология научного исследования: Учеб. пособие. — Тверь: Твер. гос. ун-т, 2018. — 104 с.
2. *Павленко В.Б.* Глобальная олигархия. Клань в мировой политике: история и современность. — Москва: ОГИ, 2015. — 718 (М.; 2015).
3. *Павленко В.Б.* Что стоит за информационным вбросом про «великую перезагрузку»? — Режим доступа: <https://regnum.ru/news/polit/3128652.html>
4. *Рязанов В.Т.* (Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствия для мирового хозяйства и России. — М: Экономика, 2016. — 695 с.
5. *Рязанов В.Т.* Современная политическая экономия: перспективы неомарксистского синтеза. — СПб.: Алетейя, 2019. — 436 с.
6. *Фурсов А.:* В России сегодня, как и в начале XX века, — социальное неравенство, кризис управленческих структур, ублюдочный капитализм». Режим доступа: Андрей Фурсов: «В России сегодня, как и в начале XX века, — социальное неравенство, кризис управленческих структур, ублюдочный капитализм» (me-forum.ru)

Liudmila Karaseva⁷. The economy of “managed” chaos: methodological problems of the research.

The article considers the socio-economic nature of the observed chaos in the process of socio-economic development of the world community. According to the author, it is caused by leaps in the productive forces, science and technology that occur in the interests and under the control of the dominant supranational financial capital — an economic entity that functions without rules to realize its selfish goals and whose activities are not controlled by existing norms. Changes in the productive forces strengthen the interdependence of all layers of relations that mediate their functioning, objectively require changes in them and adaptation to a new level of their socialization. But they continue to be subjectively implemented within the framework of the previous socio-economic, organizational-economic, institutional and other norms. The forms of chaos manifestation, as well as aspects of its “management”, are considered in the article. The problem of finance socialization is being updated.

Keywords: transformational systems, “managed” chaos, supranational financial capital, leaps in productive forces, institutional alienation, economic behavior and interaction ostensibility, imaginary democracy, imaginary statehood, finance socialization, methodology of structural levels, systemic rationality.

⁷ *Liudmila Karaseva*, Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Economic Theory, Tver State University

А.Ю. Протасов¹

**РАСШИРЕНИЕ ГИПОТЕЗЫ
САЙМОНА КУЗНЕЦА: ВОЛНЫ НЕРАВЕНСТВА
И РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ**

В докладе анализируются исторические предпосылки возникновения гипотезы Саймона Кузнецца, согласно которой, на низких ступнях развития общества доходное неравенство находится на относительно низком уровне, а затем по мере ускорения экономического роста сначала возрастает, а затем снижается. Показано, что идее Кузнецца предшествовали исследования русского экономиста и политического деятеля С.Н. Прокоповича. Продемонстрирован подход к преодолению критики гипотезы в неспособности ее объяснить одновременный рост неравенства и экономического роста в развитых странах после 1980 года. Раскрыто понятие волн неравенства Кузнецца. Также постулируется, что основной механизм волн Кузнецца являются распределительные конфликты.

Ключевые слова: неравенство, гипотеза Кузнецца, волны Кузнецца, распределительные конфликты.

¹ *Александр Юрьевич Протасов*, заведующий кафедрой экономической теории Санкт-Петербургского государственного университета, канд. экон. наук, доцент.

Введение

Обращение к проблеме неравенства обусловлено как минимум двумя причинами. Во-первых, известная гипотеза С. Кузнеця о нелинейной взаимосвязи между экономическим ростом и уровнем неравенства, когда в странах, стоящих на ранних ступенях экономического развития, неравенство доходов сначала возрастает, но по мере роста экономики имеет тенденцию снижаться, оказалась бессильна в объяснении феномена одновременного роста национального дохода и неравенства в богатых странах в последние десятилетия. Этот феномен требует своего объяснения. Во-вторых, интерес представляет то, как будет развиваться неравенство в современном мире в обозримой перспективе. Для этого требуется пролить дополнительный свет на исторические закономерности эволюции неравенства.

Гипотеза С. Кузнеця, ее исторические предпосылки и критика

Гипотеза Саймона Кузнеця о колоколообразной зависимости ($\cap$ вида) динамики неравенства доходов от уровня экономического развития, когда сначала неравенство находится на низком уровне в условиях низких темпов экономического роста, затем увеличивается по мере ускорения экономического роста и в конечном счете вновь начинает сокращаться при достижении экономикой страны высоких уровней дохода, впервые была озвучена им в речи, произнесенной на шестьдесят седьмом ежегодном совещании американской Экономической Ассоциации в Детройте 29 декабря 1954 года, а затем оформлена в виде статьи в журнале «The American Economic Review» в марте 1955 года². Следует отметить интересный факт, что важным

² Kuznets S. Economic Growth and Income Inequality / American Economic Review. 1955. Vol. 45, No. 1. P. 1-28.

интеллектуальным предшественником Кузнецца в формулировке этой гипотезы был русский экономист и политический деятель, высланный из России в 1922 году С.Н. Прокопович, который в 1926 году в журнале Британской экономической ассоциации «The Economic Journal» опубликовал статью, посвященную результатам исследования исторических особенностей распределения национального дохода в США, Австралии, Пруссии и Саксонии³. В этой работе Прокопович, предвосхищая идеи Кузнецца, высказал предположение о связи неравенства с уровнем экономического развития: «... существует определенная связь между бедностью страны и степенью неравенства в распределении доходов. <...>. В связи с этим наибольший интерес вызывают различия между кривыми распределения доходов городского населения, с одной стороны, и сельского населения с другой»⁴. По сути в своей работе Прокопович предпринял попытку обосновать ту же гипотезу, которую через 30 лет в известной всему миру работе убедительно представил Кузнец.

Несмотря на то, что сам Кузнец в своей статье пишет, что ограниченность эмпирических данных не позволяет ему с твердой уверенностью говорить о существовании закономерной колоколообразной связи между неравенством и уровнем развитости страны⁵, тем не менее, его идея получила как глубокое признание в попытках объяснить динамику неравенства, так и широкое критическое восприятие сделанных им выводов. В фокусе внимания критиков сначала были факты не подтверждающие подобную зависимость при сравнении очень бедных стран с менее бедными странами, а с начала

³ *Procopovitch S.N. The Distribution of National Income / Economic Journal. 1926. Vol. 36, Issue 141, 1 March. P. 69 — 82.*

⁴ *Procopovitch S.N. The Distribution of National Income / Economic Journal. 1926. Vol. 36, Issue 141, 1 March. P. 81.*

⁵ *Kuznets S. Economic Growth and Income Inequality / American Economic Review. 1955. Vol. 45, No. 1. P. 27.*

1980-х годов статистика перестала соответствовать выводам Кузнецца и для богатых стран — кривая неравенства доходов, показывавшая до этого долгосрочную понижательную динамику и подтверждавшая гипотезу Кузнецца, сменила тренд на повышательный, который вопреки гипотезе совпал с ускорением экономического развития в США, Великобритании, Швеции, Германии и в других развитых странах. Волна роста неравенства в развитых Западных странах распространилась с середины 1980-х годов на Китай и Вьетнам, а с начала 1990-х годов на страны Восточной Европы, республики бывшего СССР и Монголию и продолжается вплоть до настоящего времени. Вместе с тем, гипотеза Кузнецца в условиях отсутствия адекватных альтернативных теорий, по-прежнему остается единственным аналитическим инструментом, позволяющим давать объяснения динамике неравенства в современном мире.

Волны неравенства Кузнецца и их верификация

Проблема несоответствия траектории развития неравенства гипотезе Кузнецца после 1980-х годов поставила задачу ее эмпирического уточнения. Большую работу в этом направлении в 2010-х годах провел Б. Миланович, предложивший расширить взгляды Кузнецца на взаимосвязь неравенства и экономического развития⁶. Проведенное им совместно с П. Линдертом и Дж. Уильямсоном исследование исторических траекторий развития неравенства в мире⁷ позволило дополнить и уточнить гипотезу Кузнецца, а также выявить в динамике неравенства циклическую составляющую, которую он называет волнами (или циклами) Кузнецца. Не следует путать выявленные Милановичем

⁶ Миланович Б. Глобальное неравенство. Новый подход для эпохи глобализации. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2017.

⁷ Milanovic B, Lindert P, Williamson J. Pre-Industrial Inequality / Economic Journal. 2011. Vol. 121, No. 551. P. 255 — 272.

волны Кузнеца с одноименными циклами (ритмами) Кузнеца, которые были открыты С. Кузнецом в 1930 году в динамике демографических процессов и строительстве.

Волны Кузнеца — это чередующиеся длинные исторические периоды повышения и понижения неравенства. В доиндустриальную эпоху темпы развития большинства стран были низкими, а колебания уровней неравенства происходили вокруг статичного среднего дохода. Механизм воспроизводства волн неравенства включал в себя мальтузианские ловушки, связанные с демографическими факторами, когда доходы и неравенство зависели от войн, эпидемий, погодных изменений, неурожаев, и случайные экзогенные шоки, оказывавшие кратковременное влияние на ход экономического развития, например, приток серебра в Европу в результате географических открытий (рис. 1).

Рисунок 1 показывает еще одну любопытную информацию — уровень неравенства в современном мире оказывается таким же каким он был в Римской Империи в 14 году (0,394 в 14 году в Римской Империи и 0,419 в 2013 году в России).

Промышленная революция, начавшаяся во второй половине XVIII века и продолжавшаяся в течение XIX века, изменила механизмы воспроизводства волн неравенства Кузнеца. Во-первых, историческое ускорение роста национального производства в странах мира, вступивших на индустриальный путь развития и масштабное увеличение национального дохода создали благоприятные условия и возможности для распределительных процессов (конфликтов) в пользу отдельных групп населения, что привело к существенным сдвигам в динамике неравенства — оно стало расти быстрее. Во-вторых, после промышленной революции постепенно сформировалась колоколообразная зависимость между уровнем неравенства и средним доходом, на которую впервые обратил внимание Прокопович, а вслед за ним Кузнец сформулировал известную нам гипотезу.

Если волны неравенства Кузнеца, замеченные Милановичем, действительно существуют, то тогда мы находим адекватный ответ на вопрос о том, почему вопреки гипотезе Кузнеца,

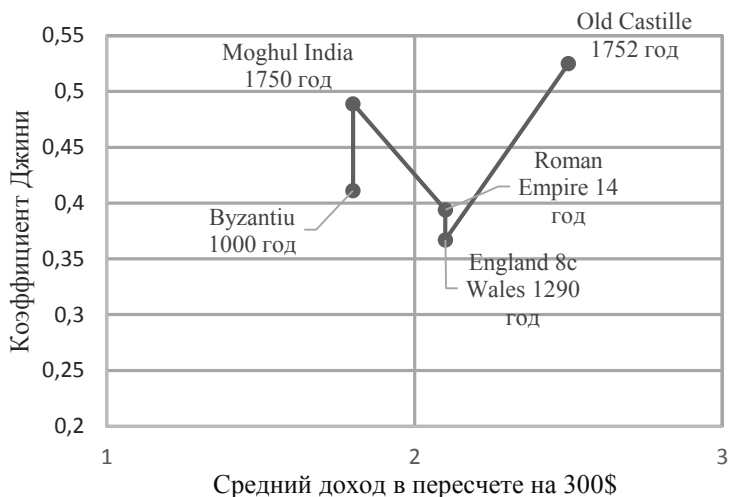

Рис. 1. Волны неравенства Кузнеца в доиндустриальную эпоху
 Источник данных: Milanovic B, Lindert P., Williamson J.
 Pre-Industrial Inequality /
 Economic Journal. 2011. Vol. 121, No. 551. P. 255 — 272.

неравенство не продолжило снижаться, а наоборот стало расти на фоне ускорения экономического роста в развитых странах после 1980-х годов. Вероятно, что в этот исторический период в странах Запада возникла повышательная фаза второй волны неравенства (рис. 2).

Как видно из рисунка 2, на котором приведен пример динамики неравенства в США, смена повышательной фазы неравенства на понижительную в первой волне Кузнеца произошла в 1933 году. С этого года и примерно до 1979 года наблюдалось снижение неравенства, а затем тренд вновь сменился на повышение. Таким образом этот рисунок отчетливо демонстрирует нам две наблюдаемые волны неравенства в США: первую волну с повышательной фазой до 1933 года и понижительной фазой с 1933 года до 1979 года и повышательную фазу второй волны, начавшейся

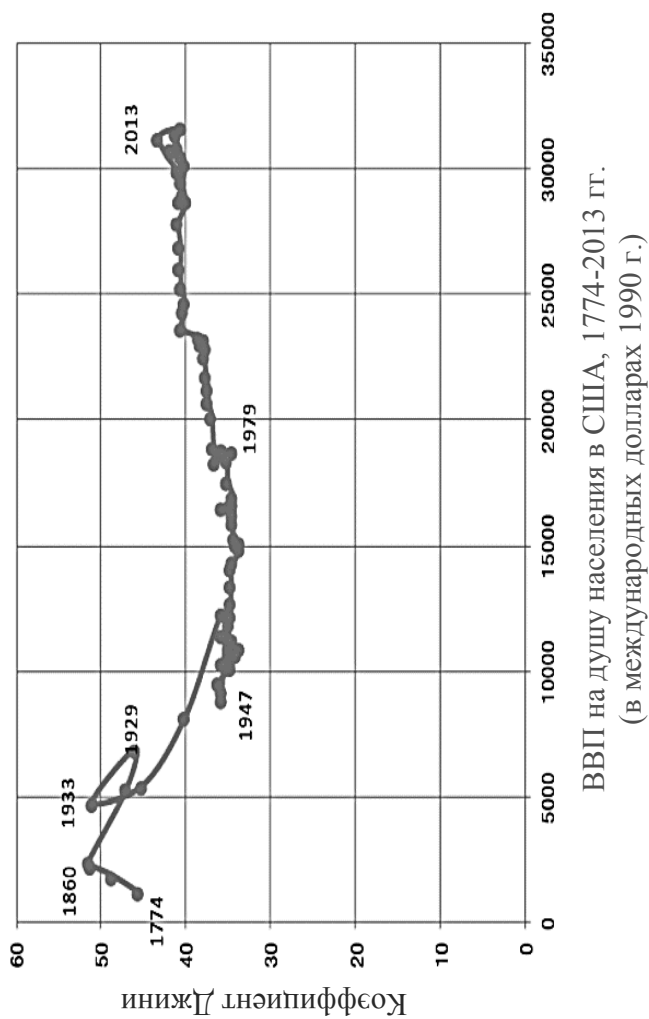

Рис. 2. Первая и вторая волны неравенства Кузнец в США
 Источник: Миланович Б. Глобальное неравенство. Новый подход для эпохи глобализации. —
 М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. [Миланович, 2017]

после 1979 года, и которая продолжается до сих пор. Аналогичная динамика неравенства наблюдается и в других развитых странах (табл. 1).

Следует отметить, что факт наличия волн неравенства при проверке гипотезы Кузнецца обнаруживался российскими исследователями незадолго до того, как это сделал Миланович. Например, М.Ю. Малкина тестируя гипотезу Кузнецца на примере 134 стран мира в промежутке между 1989 и 2012 годом обнаружила «... две волны полиномиального тренда шестого порядка»⁸. Правда эти волны имеют мало общего с долгосрочной динамикой неравенства, которую исследовал Миланович и относятся к кросс-страновым данным, тем не менее догадка о волнах неравенства была высказана.

В 2006 году К.В Борисов и О.А. Подкорытова предложили эконометрическую модель, в которой также в неявном виде была обнаружена циклически-волновая динамика неравенства, но авторы модели, преследуя другие цели своего анализа, не придали этому значения⁹.

Механизмы воспроизводства волн Кузнецца и пауза Энгельса

Нелинейность динамики неравенства обусловлена комплексом взаимосвязанных факторов. Общим запускающим механизмом как в первой, так и во второй волне стали радикальные технико-экономические изменения. Запуск первой волны произошел в результате Первой промышленной революции, а триггером второй волны стала Четвертая технологическая революция 1970-х годов.

⁸ *Малкина М.Ю.* Исследование взаимосвязи неравномерности распределения доходов с уровнем экономического развития / Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 3. С. 170–171.

⁹ *Борисов К.Ю., Подкорытова О.А.* О влиянии неравенства в распределении доходов на темпы экономического роста / Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2006. Сер. 5. Вып. 1. С. 155–168.

Таблица 1

Характеристики первой и второй волны неравенства Кузнеця в некоторых развитых странах

Страны	Понижательная фаза первой волны Кузнеця					Повышательная фаза второй волны Кузнеця		
	Год максимального неравенства	Год минимального неравенства	Длительность фазы (лет)	Изменение коэффициента Джини	Рост ВВП (кол-во раз)	Изменение коэффициента Джини с начала второй волны и до 2018 года	Рост ВВП с начала второй волны до 2018 года (кол-во раз)	
США	1933	1979	50	-0,16	3,9	+0,136	3,3	
Великобритания	1867	1978	110	-0,30	4,3	+0,186	3,5	
Испания	1953	1985	30	-0,24	4,0	+0,151	4,0	
Италия	1861	1983	120	-0,21	8,7	+0,234	3,1	
Япония	1937	1981	45	-0,24	6,1	+0,152	3,2	
Нидерланды	1732	1982	250	-0,33	7,0	+0,146	4,1	

Рассчитано по: [Миланович, 2017]; База данных ОЭСР: <http://www.oecd.org/>

Логика повышательной фазы волны неравенства заключается в том, что, во-первых, внедрение базисных технологий создает условия для более быстрого роста совокупного и рентного дохода, который давал в свою очередь более широкие возможности распределять эти ренты в пользу определенных, достаточно узких социальных групп, обладающих политической и экономической властью. Во-вторых, технологические революции запускали процессы глубокой структурной перестройки экономики. В частности, в первой волне существенные сдвиги наблюдались от аграрного сектора к промышленному производству, сопровождавшиеся процессами урбанизации. Переток рабочей силы из села в город, из аграрного сектора в промышленность, сопровождался усилением неравенства, так как это описывал Кузнец. Во второй волне с 1980-х годов структурные сдвиги были связаны с ростом доли сектора услуг, в котором в отличие от промышленного сектора, наблюдалось большее разнообразие рабочих мест с более высоким разбросом ставок заработных плат, что также влияло на рост неравенства. Кроме этого, разнородность профессиональной деятельности, все большее распространение удаленных форм занятости и фрилансерства, серьезным образом подорвало организованность профсоюзов, защищавших интересы наемного труда. Слабость профсоюзов в переговорных позициях обусловило усиление распределительных процессов в растущей экономике в пользу собственников бизнеса и топ менеджеров крупных компаний.

Описанная логика развития неравенства в повышательной фазе волны Кузнецца получила название «пауза Энгельса» — термин, введенный американским экономистом-историком Робертом Алленом в 2009 году¹⁰. На основе сопоставления динамики реальных зарплат английских рабочих с динамикой

¹⁰ *Allen R. Engels' pause: Technical change, capital accumulation, and inequality in the British industrial revolution / Explorations in Economic History. 2009. Vol. 46. P. 418–435.*

доли прибыли и сбережений в национальном доходе Англии в 1760 — 1913 гг., он пришел к выводу, что экономический рост без роста неравенства в период после промышленной революции в Англии был бы невозможен. Логическая цепочка фазы роста неравенства в волне Кузнецца по Аллену выглядит так: технический прогресс → Промышленная революция → рост потребности в капитале для внедрения технических изобретений → повышение капиталистами нормы прибыли за счет перераспределения дохода в свою пользу → снижение (стагнация) зарплат рабочих → рост прибыли → инвестирование прибыли в технологические новшества → экономический рост.

Период с примерно 1917 года и до конца 1980-х годов, названный британским историком-марксистом Эриком Хобсбаумом «коротким двадцатым веком»¹¹, совпал с понижательной фазой первой волны неравенства в большинстве развитых стран мира. Факторами долгосрочного снижения неравенства в этот период стали прежде всего две мировые войны, которые привели к высоким налогам и разрушениям, рост доли молодых людей с высшим образованием, позволявшим получать все большему количеству людей повышенные доходы, рост спроса на социальную защиту в силу увеличения продолжительности жизни и старения населения. Кроме этого, политические изменения, запущенные революцией 1917 года в России и дальнейшие успехи СССР в обеспечении ускоренной индустриализации, высокой социальной защиты, создание социалистического лагеря — стали мощным фактором снижающим неравенство. Успехи социалистических стран заставляли развитые капиталистические страны вступать с ними в негласное соревнование и проводить активную социальную политику, что требовало проведения соответствующей активной налоговой политики. Так высшие ставки подоходных налогов

¹¹ Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914-1991). — М.: Изд-во «Независимая Газета», 2004.

выросли в 1930 — 1980 гг. в США с 25% до 50%, в Великобритании с 58% до почти 98%, во Франции с 33% до 66%¹².

Главной движущей силой нелинейной динамики неравенства выступают распределительные конфликты. Они возникают между трудом, капиталом и институтами государственной власти по поводу их доли в произведенном доходе. Одним из индикаторов мощности распределительных конфликтов является количество забастовок в стране. Согласно данным Бюро трудовой статистики США в 1947–1976 гг. среднее число ежегодных крупных остановок работ в компаниях с численностью работников более 1000 в среднем составляло 308, в 1977–1986 гг. их количество снизилось до 144, а в 2007–2016 гг. составило всего 14¹³. Эти показатели тесно коррелируют с динамикой неравенства в США — именно с конца 1970-х годов неравенство в США стало возрастать, а количество забастовок снижаться.

Выводы

Проведенный анализ долгосрочной динамики неравенства показал, что доходное неравенство в мире подчиняется циклически-волновым закономерностям. Расширение гипотезы Кузнецца, под которым понимается представление динамики неравенства в виде чередующихся волн его повышения и понижения, позволяет преодолеть ограниченность гипотезы и найти более-менее удовлетворительное объяснение совпадение роста неравенства в богатых странах мира с экономическим ростом в этих странах после 1980 года. Волны неравенства имеют свой специфический механизм воспроизводства, в ко-

¹² Джомо К.С., Попов В.В. Долгосрочные тенденции в распределении доходов / Журнал НЭА. 2016. № 3 (31). С. 146 — 160.

¹³ U.S. bureau of labor statistics. <https://www.bls.gov/web/wkstp/annual-listing.htm>

тором главной движущей силой являются распределительные конфликты между трудом, капиталом и институтами государственной власти.

Список литературы

1. Борисов К.Ю., Подкорытова О.А. О влиянии неравенства в распределении доходов на темпы экономического роста / Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2006. Сер. 5. Вып. 1. С. 155 — 168.
2. Джомо К.С., Попов В.В. Долгосрочные тенденции в распределении доходов / Журнал НЭА. 2016. № 3 (31). С. 146 — 160.
3. Малкина М.Ю. Исследование взаимосвязи неравномерности распределения доходов с уровнем экономического развития / Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 3. С. 170 — 176.
4. Миланович Б. Глобальное неравенство. Новый подход для эпохи глобализации. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2017.
5. Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914-1991). — М.: Изд-во «Независимая Газета», 2004.
6. Allen R. Engels' pause: Technical change, capital accumulation, and inequality in the British industrial revolution / Explorations in Economic History. 2009. Vol. 46. P. 418 — 435.
7. Kuznets S. Economic Growth and Income Inequality / The American Economic Review. 1955. Vol. 45, No. 1. P. 1-28.
8. Milanovic B, Lindert P., Williamson J. Pre-Industrial Inequality / Economic Journal. 2011. Vol. 121, No. 551. P. 255 — 272.
9. Procopovitch S. N. The Distribution of National Income / The Economic Journal. 1926. Vol. 36, Issue 141, 1 March. P. 69 — 82.
10. База данных ОЭСР <http://www.oecd.org/>
11. U.S. bureau of labor statistics. <https://www.bls.gov/web/wkstp/annual-listing.htm>

Alexsandr Protasov¹⁴. Extension of the hypothesis of simon kuznets: waves of inequality and distributional conflicts. The report analyzes the historical background of the Simon Kuznets hypothesis, according to which income inequality is relatively low at the low stages of society's development, and then increases and then decreases as economic growth accelerates. It is shown that the idea of Kuznets was preceded by the research of the Russian economist and political figure S. N. Prokopovich. An approach to overcoming criticism of the hypothesis in its inability to explain the simultaneous growth of inequality and economic growth in developed countries after 1980 is demonstrated. The concept of Kuznets waves is revealed. It is also postulated that the basis of the Smith wave mechanism is distributive conflicts

Keywords: inequality, Kuznets's hypothesis, waves of a Kuznets's, distribution conflicts.

¹⁴ *Alexsandr Protasov*, Candidate of Economic Sciences, Head of the Department of Economic Theory, St. Petersburg State University

И.В. Новикова¹

СТРАТЕГИРОВАНИЕ ДОСТОЙНОГО ТРУДА

В статье рассмотрены глобальные и национальные тренды, оказывающие влияние на условия формирования достойного труда. На основе методологии стратегирования академика В.Л. Квинта в работе представлена миссия, видение, стратегические приоритеты и оценены экономический и общественные эффекты стратегии развития достойного труда на различных уровнях от личного до национального.

Ключевые слова: стратегирование, достойный труд, стратегия, методология В.Л. Квинта.

Формирование условий для реализации достойного труда закреплено во многих официальных международных и национальных документах, в том числе в Повестке дня в области устойчивого развития ООН на период до 2030 года² и в Докла-

¹ *Ирина Викторовна Новикова*, профессор кафедры экономической и финансовой стратегии Московской школы экономики, ведущий научный сотрудник Центра стратегических исследований Института математических исследований сложных систем МГУ имени М.В. Ломоносова, д-р экон. наук, доцент.

² Time to Act for SDG 8: Integrating Decent Work, Sustained Growth and Environmental Integrity. ILO. Geneva: ILO, 2019

де «Работать ради лучшего будущего» Глобальной комиссии по вопросам будущего сферы труда МОТ³.

Генеральной Ассамблеей Организации объединенных наций 25 сентября 2015 года принята декларация «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года»⁴. Это план действий для людей, планеты и процветания. Она направлена на укрепление всеобщего мира в условиях большей свободы. Семнадцать целей в области устойчивого развития и 169 задач предусматривают реализацию прав человека для всех и обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек. Они носят комплексный и неделимый характер и обеспечивают сбалансированность всех трех компонентов устойчивого развития: экономического, социального и экологического. Эти цели и задачи будут способствовать в ближайшие 15 лет развитию деятельности в областях, имеющих огромное значение для человечества и планеты.

Цель 8. Отражает вопросы занятости населения. «Содействие поступательному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех».

Согласно МОТ достойный труд включает в себя возможности для продуктивной работы, обеспечивающей справедливый доход, безопасность на рабочем месте и социальную защиту для семей, перспективы личного развития и социальной интеграции, свободу людей выражать свои мнения, организовывать и участвовать в принятии решений, гендерное равенство⁵.

³ Работать ради лучшего будущего — Глобальная комиссия по вопросам будущего сферы труда Международное бюро труда — Женева: МБТ, 2019.

⁴ Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года <http://docs.cntd.ru/document/420355765>

⁵ Decent Work. ILO [http://www.ilo.org/global/topics/decent-work/lang--en/index.htm](http://www.ilo.org/global/topics/decent-work/lang-en/index.htm)

Глобальная комиссия по вопросам будущего сферы труда

Международной организации труда в Докладе «Работать ради лучшего будущего» определила, что человек и его труд займут центральное место в экономической и социальной политике и деловой практике. Три основных направления действий в совокупности будут способствовать экономическому росту, справедливости и устойчивости в интересах нынешнего и будущих поколений:

1. Увеличение инвестиции в развитие способностей человека

- Всеобщее право на обучение в течение всей жизни, позволяющее людям приобретать профессиональные навыки, переучиваться и повышать квалификацию.
- Увеличение инвестиций в учреждения, политику и стратегии, которые будут поддерживать людей во время переходных процессов в будущей сфере труда.
- Реализация преобразующей и поддающейся измерению повестки дня в области гендерного равенства.
- Обеспечение всеобщей социальной защиты от рождения до старости.

2. Увеличение инвестиций в институты рынка труда

- Установление всеобщей трудовой гарантии.
- Усиление суверенного контроля над временем.
- Обеспечение коллективного представительства работников и работодателей посредством социального диалога как общественного блага при активном содействии со стороны государственной политики.
- Внедрение и применение технологии в интересах достойного труда.

3. Увеличение инвестиций в достойную и стабильную занятость

- Поощрение инвестиций в ключевых областях в целях обеспечения достойной и стабильной занятости.
- Изменение структуры стимулирования бизнеса в интересах долгосрочных инвестиционных подходов и рассмотрение вопроса о формировании дополнительных показателей развития человека и его благосостояния.

Таким образом в докладе «Работать ради лучшего будущего» МОТ определена необходимость внедрения и применения технологий в интересах достойного труда, увеличение инвестиций в достойную и стабильную занятость.

Анализ данных докладов позволяет определить глобальные тренды развития достойного труда.

Основные национальные тренды и основанные на них возможности в России определены указами Президента о национальных целях.

Указом Президента Российской Федерации В.В. Путиным **«О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»**⁶ устанавливаются и утверждаются национальные проекты России по трем направлениям:

1. *Человеческий капитал*

Здравоохранение.

Образование.

Демография.

Культура.

2. *Комфортная среда для жизни*

Безопасные и качественные автомобильные дороги.

Жилье и городская среда.

Экология.

3. *Экономический рост*

Наука.

Малое и среднее предпринимательство.

Цифровая экономика

Производительность труда и поддержка занятости.

Международная кооперация и экспорт.

Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»

⁶ Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» <https://base.garant.ru/71937200/>

в рамках национальной цели «Достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство» устанавливает:

- обеспечение темпа роста валового внутреннего продукта страны выше среднемирового при сохранении макроэкономической стабильности;
- обеспечение темпа устойчивого роста доходов населения и уровня пенсионного обеспечения не ниже инфляции;
- реальный рост инвестиций в основной капитал не менее 70 процентов по сравнению с показателем 2020 года;
- реальный рост экспорта несырьевых неэнергетических товаров не менее 70 процентов по сравнению с показателем 2020 года;
- увеличение численности занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей и самозанятых, до 25 млн. человек»⁷.

Достижение целей создания условий реализации достойного труда в условиях нарастания неопределенности распространения цифровой экономики, формирования глобального сообщества и связанных с данной тенденций глобальных пандемий, возможно только при правильно сформированных и четко реализуемых взаимосогласованных стратегий различных уровней и направлений⁸, то есть при *стратегировании достойного труда*.

Отсутствие согласованности может привести к тому, что нижестоящая стратегия не будет иметь условий для ее реализации, а возможно даже запрещена. Несогласованность вышестоящих стратегий с нижестоящими приводит к тому, что субъекты последних станут саботировать разработку и реализацию первых. Если человек своей личностной стратегией нарушает международные конвенции, национальные законодательные

⁷ Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74304210/>

⁸ Новикова И.В. Концепция стратегии занятости населения в цифровой экономике: монография. — Кемерово: КемГУ, 2020. 254 с.

акты или дискредитирует стратегию корпорации, в которой он работает, это приведет только к вытеснению его за правовые рамки данного общества, соответственно такая стратегия обречена на провал. В обратном случае, соответствие личной стратегии глобальным, национальным, региональным и корпоративным интересам приводит к тому, что внешние условия будут способствовать ее реализации. Взаимосогласованность интересов всех объектов стратегирования, направленная на повышение качества жизни населения, в соответствии с теорией стратегии и методологии стратегирования Иностранного члена РАН В.Л. Квинта, позволит разработать эффективную стратегию достойного труда на глобальном, национальном, региональном, корпоративном и личном уровнях.

Рис. 1. Система стратегий⁹

⁹ *Квинт В.Л.* Концепция стратегирования. Кемерово: Кемеровский государственный университет. 2020. С. 60

Миссия стратегии достойного труда — создание эффективной системы занятости населения, позволяющей оперативно трансформироваться в изменяющихся условиях деятельности и учитывающей глобальные тренды, развивающей и реализующей трудовой потенциал в целях повышения качества жизни общества и его индивидов.

Видение стратегии достойного труда — создание необходимых условий для достижения высоких стандартов качества и уровня трудовой и интеллектуальной жизни населения, соответствующих стандартам развитых стран. Устранение барьеров интеллектуальной и эмоциональной жизнедеятельности всех людей, включая индивидов с ограниченными возможностями.

Стратегические приоритеты стратегии достойного труда:

- разработка законодательной базы, содействующей внедрению, распространению, активизации достойного труда на основе реализации стратегии развития цифровых технологий и созданию зеленых рабочих мест;
- создание и распространение социально-ответственного бизнеса, основанного на активном применении цифровых технологий и зеленых рабочих мест;
- осуществление социальной политики, направленной на повышение качества трудовой и интеллектуальной жизни населения, основанной на использовании цифровых технологий.

Эффекты от реализации стратегии достойного труда:

Экономические:

- 1) повышение ВВП;
- 2) повышение доходов предприятий;
- 3) повышение доходов домашних хозяйств.

Общественные:

- 1) повышение безопасности функционирования мира в условиях глобальных угроз за счет дистанционного развития;
- 2) расширение возможностей новых форм занятости населения;

3) повышение качества жизни населения.

Предложенные миссия, видение, стратегические приоритеты и эффекты от реализации стратегии дают возможность осуществлять стратегирование достойного труда на уровне стран, регионов, корпораций и отдельного индивида, что в значительной степени повысит отдачу от человеческого потенциала и поднимет качество и уровень жизни населения.

Список литературы

1. *Квинт В.Л.* Концепция стратегирования. Кемерово: Кемеровский государственный университет. 2020. 170 с.
2. *Новикова И.В.* Концепция стратегии занятости населения в цифровой экономике: монография. — Кемерово: КемГУ, 2020. 254 с.
3. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/420355765>
4. Работать ради лучшего будущего — Глобальная комиссия по вопросам будущего сферы труда Международное бюро труда — Женева: МБТ, 2019.
5. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://base.garant.ru/71937200/>
6. Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74304210/>
7. Decent Work. ILO [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.ilo.org/global/topics/decent-work/lang--en/index.htm>
8. Time to Act for SDG 8: Integrating Decent Work, Sustained Growth and Environmental Integrity. ILO. Geneva: ILO, 2019

Irina Novikova¹⁰. Strategizing of the decent work. The article examines global and national trends that influence the conditions for the formation of the decent work. Based on the strategy of Dr. Vladimir L. Kvint in the work presents the mission, vision, strategic priorities and assesses the economic and social effects of the strategy for the development of decent work at various levels from personal to national.

Keywords: strategizing, decent work, strategy, methodology of Vladimir Kvint.

¹⁰ *Irina Novikova*, Doctor of Economic Sciences, Professor at the Department of Economic and Financial Strategy, Leading Researcher Fellow of the Strategic Studies Center at the Institute of Complex Systems Mathematical Research, Lomonosov Moscow State University.

Научное издание

ГЕНЕЗИС НООНОМИКИ:

**НТП, ДИФфуЗИЯ СОБСТВЕННОСТИ,
СОЦИАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА,
СОЛИДАРИЗМ**

Сборник пленарных докладов

Объединенного международного конгресса «СПЭК-ПНО-2020»

VI Санкт-Петербургский международный экономический конгресс (СПЭК-2020)

VII Международный конгресс «Производство, наука и образование» (ПНО-2020)

1
ТОМ

Подписано в печать 02.04.2021

Формат 60×90/16

Бумага офсетная. Печать цифровая

Гарнитура *Newton*

Усл. печ. л. 18,5.

Тираж 1500 экз.

Заказ № 00000

ООО «Центркаталог»

123242, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 11, стр. 1, оф. 322

Тел.: +7 (495) 517-47-37

E-mail: zk-izdat@yandex.ru

<https://zk-izdat.ru>

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок
